

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2017 • МАЙ—ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Отраслевая и региональная экономика

Мингалева Ж. А., Оборин М. С. Формирование методологии исследования устойчивого развития территории 3

Социальная политика

Варшавская Е. Я. Квалифицированные работники на сельском рынке труда: предложение и спрос 25

Мосейко В. В. Пенсионное обеспечение в России: анализ неравенства 43

Финансовая экономика

Жабина С. А. Эконометрический анализ эффективности канала банковского кредитования в России 61

Тиунова М. Г. Влияние монетарной политики на динамику реального сектора экономики в России 80

Бессарабова И. В. Применение количественных методов для оценки влияния рыночных рисков на еврооблигации 109

Трибуна преподавателя

Ануреев С. В. Международная конкурентоспособность российских магистерских программ в области государственных и муниципальных финансов 132

Рецензии

Худокормов А. Г. Рецензия на учебник «Экономическое развитие. Теория и практика» 150

Научная жизнь

Зяблюк Р. Т., Титова Н. И. Особенности российского капитализма (обзор конференции) 157

CONTENTS

Branch and Regional Economy

<i>Mingaleva Z. A., Oborin M. S.</i> Author Constructing Research Methodology for Territorial Sustainable Development	3
--	---

Social Policy

<i>Varshavskaya E. Ya.</i> Skilled Workers on the Rural Labor Market: Supply vs. Demand	25
<i>Moseiko V. V.</i> Pension Provision in Russia: the Analysis of Inequality	43

Financial Economics

<i>Zhabina S. A.</i> Econometric Analysis of Bank Lending Channel Efficiency in Russia	61
<i>Tiunova M. G.</i> The Monetary Policy Impact on the Dynamics of Russia's Real Economy	80
<i>Bessarabova I. V.</i> Quantitative Estimation Approaches to the Eurobonds Market Risks	109

Professor's Tribune

<i>Anureev S. V.</i> International Competitiveness of Russian Master Programs in Public Finance	132
--	-----

Book Review

<i>Khudokormov A. G.</i> Review of a Textbook "Economic Development. Theory and Practice"	150
--	-----

Academic Life

<i>Zyablyuk R. T., Titova N. I.</i> Features of Russian Capitalism (Review of the Conference)	157
--	-----

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Мингалева Ж.А.¹,

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)

Оборин М.С.²,

Пермский институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова
(Пермь, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ³

Цель статьи заключается в формировании современной методологии, позволяющей исследовать территории в контексте целей и задач устойчивого развития. Устойчивое развитие социально-экономических и природных систем в своей целостности невозможно без комплексного учета ключевых факторов и условий, влияющих на состояние и перспективы их функционирования, и без целенаправленного воздействия на эти факторы и условия. Основным результатом исследования является адаптация существующих методологических подходов и методов исследования для изучения устойчивого развития территорий с различной экономической специализацией и потенциалом роста. Успешное решение всего комплекса обозначенных проблем невозможно без разработки концепции и методологии исследования устойчивого развития территорий, адекватных как текущей ситуации, так и перспективным тенденциям развития природы и общества. Результаты исследования могут быть использованы для решения прикладных социально-экономических задач по развитию территорий (субъектов РФ, малых и средних городов) для повышения качества жизни и обеспечения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: устойчивое развитие территорий, методология исследования, методы исследования, логика исследования.

¹ Мингалева Жанна Аркадьевна, д.э.н., профессор гуманитарного факультета; e-mail: mingall@psu.ru

² Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н., доцент кафедры экономического анализа и статистики; e-mail: resreachin@rambler.ru

³ Исследование выполнено на основе задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ФГБОУ ВО ПНИПУ (тема № 26.6884.2017/8.9 «Устойчивое развитие урбанизированных территорий и улучшение среды обитания человека»), а также в рамках научных исследований, выполняемых при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01324) «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

CONSTRUCTING RESEARCH METHODOLOGY FOR TERRITORIAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The purpose of the article is to construct an up-to-date research methodology which will allow to examine territories within the context of sustainable development issues. Sustainable development of socio-economic and natural systems in its entirety is impossible without a comprehensive consideration of key factors and conditions that affect the state and prospects for their development, and without a targeted impact on these factors and conditions. The main result of the study is the adaptation of the methodology to the study of sustainable development of territories with different economic specialization and growth potential. A successful solution to this task is impossible without the development and consistent application of the research methodology, adequate to the goals and tasks set, to the current situation and the long-term trends in the development of nature and society. The results of our research suggest the solution of applied socio-economic tasks for the development of territories (subjects of the Russian Federation, small and medium-sized cities) to improve the quality of life and sustainable economic growth.

Key words: sustainable development of territories, research methodology, research methods, research logic.

В последнее время существенно возрос интерес к развитию отдельных крупных территорий мира и стран. Особое внимание на мировой арене сегодня привлекают те регионы, которые стали самостоятельным объектом управления в рамках государственных и межгосударственных программ поддержки и контроля (например, арктические и северные территории), а также территории особого типа (аграрные, старопромышленные, эколого-ориентированные и т.д.) [Narayanan, 2016; Wang, 2016; Grzebyk 2015; Hopwood, Mellor, 2005]. Причем речь идет не просто о социально-экономическом росте, а об устойчивом развитии таких территорий. Вследствие этого актуализируется проблема разработки теоретической многофакторной модели устойчивого динамичного развития крупных территорий, в том числе территорий, не совпадающих со сложившимся административно-территориальным делением страны. В России помимо уже упомянутых северных территорий это дальневосточные территории, территория Юга России и другие крупные территориальные образования, охватывающие несколько самостоятельных субъектов Федерации. Современная многофакторная модель должна быть ориентирована на решение ключевых задач модернизации региональной и национальной экономики и социально-экономического развития, учитывать оптимальное сочетания экологических, социальных и экономических интересов общества. Успешное решение этой задачи невозможно без разработки и последовательного применения методоло-

гии исследования, адекватной поставленным целям и задачам, текущей ситуации и перспективным тенденциям развития природы и общества.

Понимание важности роли методологии в исследовании процессов и явлений, происходящих в обществе, в последнее время возрастает, поскольку от правильности оценки ситуации, от полноты учета всех факторов и взаимосвязей между ними зависит достоверность выводов, а следовательно, точность и надежность рекомендаций, успешность реализации программ и проектов развития, политики воздействия. В частности, о насущной необходимости правильного выбора методологии исследования устойчивого развития социально-экономических систем в конце прошлого десятилетия писал Ю. А. Ростопшин, который отмечал, что до сих пор «в исследованиях устойчивого развития существует несколько важных проблем, порождаемых отсутствием единой методологии системного представления современной биосферы — среды обитания и области практической деятельности человека» [Ростопшин, 2009]. Анализ современных научных публикаций показал, что, к сожалению, данная проблема сохраняется до сих пор и в некоторой степени даже усиливается.

Обращаясь к вопросу о гносеологической составляющей методологии исследования процессов и явлений, связанных с проблематикой устойчивого развития территорий, в первую очередь следует отметить, что весьма малая часть исследователей (преимущественно те, кто начинал свою научную карьеру в советские времена) уделяют должное внимание выбору и обоснованию выбора методологии анализа. Большинство же молодых исследователей не только не обращают на это внимание, но даже не понимают сущности и значения методологии, часто не различают понятия «методология», «методика» и «метод», используя их как синонимы. Наличие значительных пробелов в этой области показал анализ научных статей на обозначенную тему [Береза, 2010; Иванов, 2011], а также авторефератов диссертаций, представленных к защите на соискание степени кандидата наук [Осипова, 2017].

Так, в работе В. А. Иванова «Методологические основы устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем» [Иванов, 2011] дается весьма подробный и качественный анализ термина «устойчивое развитие», его отличия от других смежных терминов, приводится история возникновения концепции и термина «устойчивое развитие», дается характеристика понятия устойчивого аграрного и сельского развития, но нет ни слова о методологии и/или о методологических основах как самого развития, так и порядка его исследования.

Работы О. А. Береза, посвященные анализу устойчивого развития туристско-рекреационной отрасли, содержат достаточно неплохой математический аппарат исследования, однако методологическая (да и методическая) часть сведена к аргументации типа: «Выбирая подход для си-

стемного исследования туристско-рекреационной отрасли, отмечаем, что наиболее значимым и применимым выступает системный подход, который представляет собой методологическое направление современной науки, связанное с моделированием, анализом и конструированием объектов как систем» [Береза, 2009]. В другой работе О. А. Береза выбор методологии исследования, который также сведен к системному подходу, аргументируется следующим образом: «Исследование проблем развития туристско-рекреационной системы Южного федерального округа требует рассмотрения его как сложного системного объекта, в котором воздействие на каждый его элемент непременно затронет его интересы. Так, данная система, являясь одним из функциональных элементов региональной социально-экономической системы, взаимодействует с ее экологической, политической, экономической и прочими системами, которые задают направление ее развития и влияют на объем, спрос и туристическое предложение, а также имеют различную степень воздействия на ее функционирование. Поэтому считается, что наиболее значимым будет являться системный подход, с помощью которого возможно построение качественной модели устойчивого развития регионов» [Береза, 2010].

Закономерно, что при отсутствии четко сформулированной и обоснованной методологии анализа предлагаемые на основе таких исследований выводы и рекомендации носят поверхностный характер, не затрагивая сущностных проблем развития, и соответственно не дают действенных рекомендаций.

Однако имеются и положительные примеры четкого построения методологии исследования устойчивого развития субъектов. В частности, следует назвать работы Н. Н. Киселевой [Киселева, 2013, 2008, 2008]. Разрабатывая вопросы методологии исследования, построения моделей управления устойчивым развитием социально-экономической системы региона, она предлагает использовать совокупность таких теоретико-методологических подходов, как антропоцентрический подход, а также ряд теорий: эволюционно-циклическую теорию, теорию динамического неравновесия, общую теорию систем, неоклассические и институциональные теории, концепцию «полюсов роста», теории размещения производства, теорию сравнительных преимуществ [Киселева, 2008]. Методологической основой исследования проблемы устойчивого развития социально-экономической системы региона, по мнению Н. Н. Киселевой, «является анализ способов организации его хозяйственного пространства и экономического времени региона, в рамках которого разграничивается стабильное время, выявляющее устойчивость и упорядоченность протекания экономических процессов и их взаимобусловленность, и инновационное время, измеряющее скорость развития экономической системы» [Киселева, 2008]. Не обсуждая сейчас

содержательную часть заявленной методологии исследования, отметим сам факт ее разработки и обоснования выбора, что является важным шагом в решении данной проблемы.

Важность правильного выбора методологии исследования объясняется тем, что именно она обеспечивает оценку эффективности тех или иных методов познания в виде системы определенных действий, принимаемых для решения соответствующих научно-теоретических задач. Четкое понимание содержания, элементов, алгоритма, принципов выбранной методологии исследования позволяет с высокой степенью надежности реализовать такие элементы научной логики, как: построение логической структуры разрабатываемой научной теории [Иванов, 2008]; построение логической структуры исследовательских процедур и операций; разработка логических критериев эвристической эффективности исследовательских процедур и операций [Драпогуз, 2013]; анализ формальных структур фундаментальных научных понятий и определений и производных научных понятий и определений; построение искусственных языков науки; оценка возможностей и целесообразности применения различных видов дедуктивных и индуктивных выводов, разработанных в рамках социальных наук, а также смежных наук.

Поскольку сущностью методологии любой науки является исследование познавательных процессов, происходящих в науке на каждом этапе ее развития, анализ форм и методов научного познания с точки зрения их соответствия накопленному знанию, поставленным задачам исследования и техническому базису, изучение перспектив и возможностей применения соответствующих методов в ходе научного познания, а также направлений их совершенствования и развития, постольку правильное применение методологии обеспечивает систематизацию и упорядочивание методов исследования, выявление их пригодности к применению в конкретной области знания.

Отечественные методологи выделяют всеобщие методы познания, а также общенаучные, междисциплинарные и частнонаучные (специальные) [Андреев, 1977; Кузнецова, 2014; Папковская, 2006; Сапелкин, 2015; Терещенко, 2011]. На последних мы подробно останавливаться не будем, поскольку предмет и объект настоящей статьи относятся к классу междисциплинарных категорий и в их отношении наибольшую значимость имеют первые три группы методов познания.

Для выявления глубинной сущности явлений и процессов исследователи должны в первую очередь четко сформулировать всеобщий (философский) метод познания конкретной проблемы. Его важность заключается в том, что он, прежде всего, определяет мировоззренческую платформу исследователя, на основе которой уже формируется совокупность конкретных, необходимых для данного исследования методов и понятий [Комиссарова, 2013].

В последние годы к всеобщим методам познания наравне с методами диалектического материализма и исторического материализма, которые, по мнению философов, соотносятся между собой как общее и особенное [Орлов, 2012], все чаще относятся синергетический метод [Бобылева, 2012], метод системного подхода [Ростопшин, 2004, 2006, 2008; Рузавин, 2009], системно-диалектический метод [Иванов, 2008] и ряд других. Наблюдается определенный возврат к таким методом исследования, как метафизический, феноменологический, герменевтический [Евграфова, 2014].

Применение положений теории систем к анализу территории как совокупности взаимосвязанных элементов, характеризующихся взаимовлиянием и единством взаимодействия, представляет собой универсальный подход к исследованию. Описание воздействия элементов друг на друга выражается качественно-количественными критериями. Объективная экономическая реальность проявляется в различных формах, которые эволюционируют и усложняются, образуя более сложные формы и явления. Системный подход предполагает равновесие, относительную автономию от внешней среды, сохранение внутреннего строения [Богданов, 1989].

Нужно отметить, что системно-диалектическая методология, являющаяся разновидностью системного подхода, приобретает в последнее время все большее распространение, что объясняется ее способностью изучать территории (регионы) на основе общих законов диалектики, позволяет применять логику и инструментарий формулирования и решения задач на обоснованном математическом аппарате обработки данных. Системно-диалектическая методология позволяет описать любые специфические территории по двум основным аспектам: текущее состояние и процесс развития. Характеристика текущего состояния состоит в определении структурно-функциональных элементов, взаимодействующих на основе внутренних связей. Характеристика процесса развития заключается в описании уровней функционирования и изменения исследуемого объекта. Целью моделирования состояний объекта является описание наиболее желаемого конечного результата (идеала) и ряда возможных состояний, которые могут быть отнесены как к управляемому, так и неуправляемому. При этом особое значение приобретает установление функциональных зависимостей между элементами, которые позволяют определять направление развития. Не менее важным является поиск ограничений функционирования и развития исследуемого объекта [Оборин, 2010].

Важность всеобщих методов познания заключается в том, что они задают определенный взгляд на сущность объекта исследования и соответственно формируют логические подходы к построению модели объекта и выбору методов его изучения. Не рассматривая подробно

каждый из этих методов, отметим, что мы придерживаемся диалектического метода познания, рассматривая объект анализа (устойчивое развитие территорий) в его единстве и противоположности.

Однако применение только всеобщих методов познания не позволяет получить непосредственные ответы на вопросы и решение проблем частных наук путем простого логического развития общих истин. Поэтому всеобщие методы познания дополняются другими, более конкретными методами исследования — общенаучными, междисциплинарными и частнонаучными (специальными).

Общенаучная методология в традиционном понимании — это совокупность знаний о принципах и методах, применяемых в любой научной дисциплине. На основе общенаучных понятий и категорий формулируются соответствующие методы познания. Такие понятия, как «система», «структура», «элемент», «функция» и т.д., относятся к общенаучным. Таким образом, указание в научных работах на использование таких подходов, как «структурный подход», «системный подход», «функциональный подход», относится к общенаучной части методологии.

Применение системного подхода к оценке устойчивого развития территорий предполагает в качестве важного элемента анализа учет их исторически сложившейся экономической специализации. Так, например, при моделировании перспектив развития Южного федерального округа следует обратить внимание в первую очередь на туристско-рекреационную деятельность; при прогнозировании развития дальневосточных территорий — на транспортную логистику и экспортно-импортные потребности стран Юго-Восточной Азии; при формулировке задач устойчивого развития старопромышленных регионов Центра России — на проблемы модернизации и структурной трансформации их экономики [Мингалева, 2004]. В связи с этим системный подход должен ориентироваться на факторы внешней и внутренней среды, которые влияют на устойчивое развитие территорий на основе синергетического эффекта, обусловленного высокоэффективной деятельностью профильных предприятий [Оборин, 2013].

Особый блок исследований в современной отечественной науке составляет моделирование развития территорий с депрессивным состоянием экономики, к которым можно отнести агропромышленные районы, регионы с высокой долей сельского населения и малые города России. Несмотря на то что эти административные хозяйственные единицы представляют большой стратегический потенциал с точки зрения развития различных секторов экономики страны, на данный момент они сталкиваются с рядом структурных проблем, касающихся острой нехватки ресурсов, низкого уровня жизни и усиления тенденций урбанизации, усугубляющихся тем, что трудоспособная часть населения предпочитает уезжать в более развитые районы и центры. В связи с этим

разработка эффективных программ повышения уровня развития на основе применения системного подхода должна строиться с учетом всестороннего комбинирования природно-ресурсных факторов при взаимодействии с более развитыми районными центрами.

Территориальные концепции устойчивого развития в данном случае должны основываться на общих усилиях высокоразвитого центра и периферийных регионов, учитывать отрасли специализации, которые могут развиваться с учетом долгосрочных перспектив. Например, для Владимирской, Тульской областей и Пермского края методология системного анализа предполагает включение не только тех видов деятельности, которые являются исторически профилирующими и базовыми для них, но и тех, которые только набирают свою популярность, признаны актуальными в перспективе и могут иметь большие резервы роста: аграрный туризм, экологический туризм, активные виды туризма с задействованием в свою сферу наименее развитых сельских территорий. Применяемый при этом метод трансформации территориальных систем заключается в раскрытии внутренних и внешних связей, которые могут меняться в процессе изучения объекта, приводя к новому целеполаганию или изменению функции. Изучение трансформации территориальных социально-экономических систем в рамках указанного метода должно осуществляться в определенной последовательности.

В первую очередь выявляются основные движущие силы, которые определяют процесс социально-экономического развития территории: проявление политической воли, направленной на формулирование цели и решение задач, качество государственного управления и административных решений, социально-экономические установки на всех иерархических уровнях власти, изменение исходных условий деятельности посредством нормативно-правового и организационного управленческого процесса, усиление влияния конкретных факторов. На данном этапе за основу анализа принимается целенаправленное управление, являющееся основным импульсом развития территориальных систем. В основе прогрессивного развития лежат четко определенные достижимые, гибкие цели, направленные на повышение качества жизни населения, решение сопутствующих задач, связанных с экономическими, экологическими и социальными системами.

Далее исследуется изменение отдельных параметров территориальной структуры и характеристики изменения внутренних связей. В этом блоке исследования учитывается степень инерционности системы и уровень затрат на осуществление ее намеченной трансформации, а также те изменения, которые последуют на всех иерархических уровнях после внесения изменений. Также учитывается наличие сопряженности изменений во всех видах территориальной структуры: территориально-отраслевой, территориально-функциональной, линейно-угловой. Вне-

сение корректив в управление развитием должно привести к трансформации территориальной системы в целом или элемента системы определенного вида в тех случаях, когда подвергнуть изменениям глобальную территориально-общественную систему невозможно или нецелесообразно. Поэтому необходимо сосредоточиться на отраслевой, секторальной или функциональной специфике, связанной с определенной территорией.

Подобные трансформационные процессы регулируются при помощи рыночных механизмов. В результате их применения происходит трансформация территориальных социально-экономических систем, представляющих собой интегральные системы, объединяющие элементы, как уже претерпевшие трансформацию, так и не затронутые ею. Однако при этом наблюдается синергетический эффект, способствующий дополнительному пространственному развитию. В этом процессе задействуются не только рыночные механизмы, но и факторы решения социально-экономических проблем и социальных обязательств субъектов всех уровней власти. Завершается окончательное преобразование на уровне региона или административно-территориального образования.

Общенаучные методы познания имеет более широкую группировку, чем всеобщие. Среди них чаще всего выделяют общелогические методы познания, которые используются на любом уровне и во всех процедурах исследования, а именно — анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, аналогия, абстрагирование. На теоретическом уровне исследования применяются такие общенаучные методы, как формализация, аксиоматика, идеализация, гипотетико-дедуктивный метод и др. [Королев, 2010; Шумилов, 2007]. Также практически во всех социально-экономических и гуманитарных исследованиях применяются методы эмпирического исследования — наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент. Наконец, особую важность для решения целого ряда научных проблем имеют методы систематизации научных знаний, а именно — классификация и типологизация. Особенностью общенаучных методов является возможность применения математических средств анализа.

К междисциплинарным научным методам относятся те методы исследования конкретных наук, которые могут применяться и в других науках. Например, корреляционный анализ, регрессионный анализ, метод экстраполяции, который достаточно часто применяется в экономических науках, особенно при построении прогнозов, но надежность применения которого вызывает определенные споры [Драпогуз, 2013], нарративный метод исследования [Салиева, 2010, 2012; Яковлев 2008, 2015], включая такую его популярную разновидность, как кейс-метод [Луканина и др., 2014] и т.д. Междисциплинарная методология

сочетается и дополняется частнонаучной методологией, представляющей собой совокупность знаний о принципах и методах, применяемых в конкретной специальной научной дисциплине и позволяющих создавать научные картины конкретного явления или процесса. В рамках поставленной проблематики исследования довольно часто применяется функционально-стоимостный анализ как частнонаучный метод.

Одним из базовых междисциплинарных подходов, широко применяемых в рамках исследования проблематики устойчивого развития, является антропоцентрический подход, ориентированный на человека как объект исследования, причем особый и ключевой объект многих гуманитарных и естественных наук. В современной научной мысли антропоцентрический подход преобладает в исследованиях региональной экономики при изучении вопросов ее устойчивого развития. Это обусловлено несколькими факторами.

1. Провозглашение качества жизни человека одной из целей стратегической политики государства.
2. Развитие любой территории невозможно без преобразующей деятельности человека.
3. Деятельность в рамках социально-экономического пространства, так или иначе, направлена на обеспечение удовлетворения основных потребностей человека, его потребления материальных благ и услуг.

Анализ стратегических документов Российской Федерации, основополагающих законов в области национальной безопасности свидетельствует о том, что антропоцентрический подход является на сегодняшний день приоритетным и на институциональном уровне. Качество жизни населения провозглашается главной целью на уровне страны, региона, локальных территорий, в том числе депрессивных территорий. К числу ключевых факторов, способствующих не только выходу из кризиса, но и реализации важных государственных целей и задач, а также обеспечивающих определенный мультипликационный эффект (развитие сопутствующих отраслей: транспорт, общественное питание, торговля, сфера досуга и развлечений), в рамках антропоцентрического подхода в настоящее время все чаще относят отрасли третичного сектора экономики, сферу услуг, санаторно-курортный комплекс, разнообразные виды туризма.

Антропоцентрический подход к изучению различных территорий основывается в первую очередь на реализации задач, способствующих обеспечению наилучших условий жизнедеятельности человека. Это актуализация природно-ресурсного потенциала, способствующего развитию высокодоходных отраслей экономики; климатические особенности, влияющие на благоприятную окружающую среду; уровень инфраструктурного развития, учитывающий состояние здравоохранения, образования, рекреационной сферы.

Ярким примером иллюстрации целесообразности применения антропоцентрического подхода к моделированию процессов развития территорий являются регионы с различной экономической специализацией. В регионах с производственной специализацией проблема качества жизни стоит наиболее остро, поскольку вследствие промышленного загрязнения окружающей среды повышается общий уровень и тяжесть заболеваний, расширяется их спектр на фоне постоянного ухудшения экологической обстановки (Новосибирская, Саратовская, Свердловская, Челябинская, Омская и Томская области, а также Республика Удмуртия, Пермский край и другие промышленно развитые регионы России). В противовес у субъектов РФ с туристско-рекреационной спецификой, обладающих уникальным природно-ресурсным потенциалом и развитым санаторно-курортным комплексом (Краснодарский, Ставропольский края, Республика Башкортостан), вопросы заболеваемости населения не являются первоочередными и значимыми для развития [Оборин, 2015]. В регионах, специализирующихся на сельскохозяйственном производстве (Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Тульская и Рязанская области), к числу основных проблем в рамках решения общей задачи повышения качества жизни населения относятся трудности оптимизации условий труда и роста заработной платы. Соответственно применение антропоцентрического подхода позволяет максимально полно учесть разные факторы при построении модели устойчивого развития регионов.

В связи с этим целью антропоцентрического подхода к территориальному развитию является обеспечение баланса между различными группами показателей и недопущение преобладания какого-либо одного из них в ущерб другим. В частности, проблемами депрессивных территорий любого типа специализации является отсутствие грамотной экономической политики, низкий уровень ресурсной обеспеченности, отсутствие комплексного подхода к развитию социально-экономического пространства.

С антропоцентрическим подходом к исследованию устойчивого развития территорий связаны также проблематика цикличности в экономике и теория экономических кризисов, ухудшающих качество жизни населения, основные положения которых разработаны Н. Д. Кондрачевым и М. И. Туган-Барановским.

При решении вопросов развития территорий цикличность связывается с анализом этапов формирования жизнеобеспечивающей среды и реализацией человеком его основных функций и удовлетворения потребностей. Моделирование социально-экономического пространства должно учитывать неравномерность функционирования объектов, различные сроки жизненных циклов и соответственно итоговые результаты общего цикла развития территории с учетом многокомпонентной среды.

Регионы с разной секторальной и отраслевой специализацией (например, промышленной и туристско-рекреационной) подвержены разной цикличности как по времени, так и по силе воздействия, что обусловлено закономерными различиями в материальной базе и оборудовании, подверженных разной скорости и типу морального и физического износа. Меньшей цикличности подвержено социально-экономическое пространство малых городов, поскольку в силу неразвитости промышленности и иного материального производства в них преобладает статическая природная среда. Указанные различия в цикличности хорошо прослеживаются на примере Пермского и Краснодарского краев.

Динамическое неравновесие применимо ко всем типам экономических территориальных систем, поскольку фактор антропогенного воздействия активно преобразует социально-экономическое пространство. Параметры выявления допустимых колебаний неравновесных состояний позволяют повысить качество сценарного прогнозирования и выявить качественно-количественные параметры кризисных явлений. Такой подход позволяет разработать адекватные механизмы предупреждения неконтролируемых негативных явлений и способов адаптации к ним на различных иерархических уровнях управления.

Развитие неравновесной экономики отдельной территории может основываться на методах экономико-статистического моделирования, в соответствии с которым принимаемые значения базовых параметров соответствуют линейной, бинарной и нелинейной траекториям. Процесс моделирования предполагает следующие.

1. Выбор специфической модели устойчивого развития территории и ее адаптация под фактические характеристики объекта изучения. На данном этапе используются традиционные эконометрические уравнения. Также модель декомпозируется на основную (трендовую) и неравновесную линии развития.

2. Декомпозиция модели устойчивого развития территории подразделяется на доминанты, формирующие трендовую линию, а также структурные сдвиги, которые определяют степень глобальности цикла и фазовых колебаний. При формировании результатов декомпозиции также применяется эконометрическое и математическое моделирование. Методы измерения структурных сдвигов представлены вероятностными и детерминированными моделями, многомерным анализом, включающим методы и модели множественной регрессии, компонентного и факторного анализа. В структуре циклов проводится факторный анализ влияния на основе индексных факторных моделей.

Устойчивое развитие территорий может быть смоделировано на принципах линейной и нелинейной моделей. Нелинейное развитие территорий описывается более сложными функциями, которые отражают усиление зависимости рыночных и нерыночных флуктуаций.

Такая экономическая система может находиться одновременно в нескольких метанеравновесных состояниях. Практика показала эффективность адаптивных моделей, которые представляют собой кусочно-полиномиальные функции. Наиболее известным примером является сплайн-функция инновационной динамики, которая не имеет общего выражения для всей совокупности значений (линии кривой), но представляет отражение наиболее существенных фрагментов исследуемого экономического объекта (территории) по группам значимых параметров. Графически данная зависимость представлена множеством прямолинейных отрезков-сплайнов, которые не сводятся в итоге к одному результирующему. Если сложностью эконометрической модели является отсутствие временных параметров, что затрудняет качество и точность прогнозов на уровне каждого структурного сдвига, то сплайн-модель преодолевает данную проблему, являясь более эффективным методом исследования, и может быть успешно применена при моделировании процессов устойчивого развития территории. В зависимости от экономической специализации территорий для моделирования устойчивого развития могут использоваться различные показатели в составе многофакторной модели [Оборин, 2010].

Как уже отмечалось ранее, методология тесно связана с познавательными процессами, происходящими на каждом этапе исследования. В этой связи следует особо выделить несколько ключевых моментов, касающихся особенностей применения методологии в процессе исследования.

Традиционно, после выявления и постановки (осмысления) проблемы (начальный этап исследования) сам процесс исследования предполагает совершение действий, направленных на получение нового научного знания, а именно — действий по познанию окружающей действительности и сбору эмпирического и научного материала, описывающего и характеризующего эту действительность. При этом сбор теоретического материала позволяет исследователям «позаботиться об уяснении старого, давно открытого мира знания» [Рузавин, 2009], обеспечивая функциональность методологии.

Современная наука, особенно гуманитарные науки, находится в состоянии непрерывного собирания фактов, которые появляются и накапливаются во всех сферах жизнедеятельности людей с невероятной быстротой и в огромном размере. При этом факты и явления весьма различны. Следовательно, и методики их сбора, накопления, обобщения, систематизации, оценки, интерпретации также должны различаться. И они различаются. Применяя различные методики сбора фактов, нужно помнить, что на этом этапе главной целью исследователя является накопление информации и знаний о действительности [Рузавин, 2009], а не получение нового знания, как это иногда считают исследователи.

Следующим важным элементом правильного применения методологии научного исследования является этап обработки фактов и извлечения смысла из собранной информации. Для того чтобы сделать факты научным материалом, чтобы извлечь из факта смысл, их необходимо подвергнуть научной обработке. Особое значение для дальнейшего получения достоверных выводов имеет правильная первичная обработка информации (фактов), которая состоит в осуществлении специальных действий по проверке логической согласованности фактов, по соотнесению их между собой и с иными явлениями и процессами, по установлению характера и формы связей с ранее имеющимися фактами и теориями, действий по классификации фактов (по их отнесению к конкретным типам, видам, родам) и прочих аналитических операциях. Именно «в процессе сопоставления различных идей и представлений происходит поиск истины и обоснование знания в его конкретности и необходимости» [Яковлев, 2008].

Собранные и обработанные данные являются основой для построения научных гипотез, выведения аксиом, создания концепций, дальнейшей формулировки или уточнения научных понятий и т.д. Особенностью данного этапа научной деятельности является умение исследователя формулировать абстрактные понятия, выделять их из систематизированных совокупностей (теорий, учений, взглядов, подходов, точек зрения и пр.), а также логично и непротиворечиво встраивать их в такие систематизированные совокупности. Именно с помощью правильно построенных и сформулированных научных понятий происходит приращение нового знания в виде идей, теорий, обоснованных выводов и рекомендаций [Комиссарова, 2013]. Академик О. С. Иоффе писал, что, «в категориях и понятиях отражаются объективные закономерности исследуемых явлений и... наука не возникает, пока такие закономерности остаются нераспознанными» [Иоффе, 1978].

Заключительным этапом применения методологии исследования является подготовка выводов и формулировка практических предложений и рекомендаций. Несмотря на то что на этом этапе также требуются специфические умения исследователя в научной деятельности, в том числе в области обобщений и формализации, качество его выполнения существенно зависит от качества выполнения предыдущих этапов исследования.

Таким образом, требование четкой формулировки и обоснование выбора той или иной методологии исследования должны неукоснительно соблюдаться в процессе решения любой проблемы на всех этапах научной работы.

Как уже отмечалось ранее, весьма важным и актуальным направлением в исследовании устойчивого развития территорий разного иерархического уровня и административно-хозяйственного деления является

построение научно обоснованной концепции поддержания и развития территорий, обладающих стратегическим потенциалом для страны, но оказавшихся депрессивными в силу ряда причин: низкая концентрация ресурсов, способствующих развитию высокодоходных отраслей экономики, высокая доля населения старше активного трудоспособного возраста, неразвитость инфраструктуры с точки зрения привлекательности платежеспособного спроса и т.д. К таким объектам исследования относятся малые города России, в которых сосредоточена значительная часть жителей, но из которых по причине снижающегося уровня жизни и отсутствия перспектив развития происходит отток молодой части населения в более крупные региональные центры или другие субъекты РФ. В отношении малых городов решение проблемы устойчивого развития видятся на основе сетевого взаимодействия всех субъектов общества, комбинирования ресурсов на основе совместных усилий малых городов и районных центров с учетом экономической специализации территории в целом. Например, малые города Тульской и Владимирской областей ориентированы на промышленную и торговую сферы, а также туристскую индустрию; малые города Пермского края — промышленность, активный и агротуризм, малые города Юга России характеризуются преимущественно санаторно-курортной и сельскохозяйственной специализацией. При этом наличие многоотраслевой территориальной специализации, накопленный потенциал, наличие разработанных актуальных направлений его оптимизации и многие другие факторы предполагают реализацию в этих малых городах адекватной современным условиям развития страны и мира стратегии и программы развития. А разработка таких программ и рекомендаций по их осуществлению закономерно требует более детального анализа функциональной специализации малых городов.

В качестве примера приведем классификацию малых городов Пермского края. Количество малых городов с ярко выраженной специализацией в Пермском крае — 11, в каждом из них проживает до 20 тыс. человек. В зависимости от исторического значения и профилирующих функций их можно разделить на три основные группы (рис. 1).

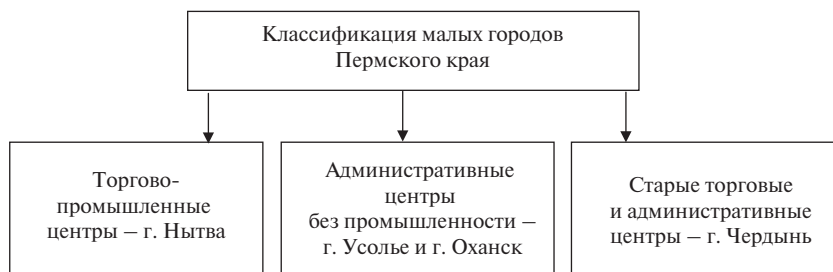

Рис. 1. Классификационные группы малых городов Пермского края

Приведенный на рис. 1 город Нытва относится наряду с такими малыми городами Пермского края, как Кизел, Красновишерск, Очёр и Александровск, к промышленным центрам, исторически возникшим из рабочих поселков при заводах, которые и в настоящее время сохраняют свою ориентированность на промышленную специализацию. Аналогично были сгруппированы другие малые города Пермского края.

В соответствии с этим же подходом можно классифицировать малые города и других регионов. Так, на территории Тульской области расположены такие малые города, как Белев, Венев, Одоев, Чернь, Богородицк, Епифань, Ясногорск, Ефремов, Чекалин. Данные территории имеют богатый историко-культурный потенциал для развития познавательного туризма и экскурсионной деятельности. Чекалин получил статус малого исторического города Тульской области и в августе 2015 г. стал участником проекта «Настоящая Россия».

На территории Владимирской области насчитывается 15 малых городов, которые являются объектами туризма, среди них Радужный, Собинка, Покров, Карабаново, Лакинск. Вязники являются городом текстильной промышленности, обладают богатой историей.

Анализ показал, что применение данной методологии исследования к характеристике малых городов России позволяет более точно идентифицировать их специализацию и определить возможное место в сетевом взаимодействии в рамках создания условий для устойчивого развития территорий.

В заключение хочется отметить следующее. Неизбежное возникновение и развитие новых явлений и процессов в экономической, социальной, общественной жизни меняет условия развития общества и требует учета этих новых факторов в системах управления всеми субъектами общества, начиная с первичного уровня (отдельного субъекта) и заканчивая самым высоким уровнем. При этом согласование интересов на высшем уровне (международном) продолжает оставаться наиболее сложной задачей. Решение проблемы устойчивого развития стран и регионов относится именно к этой категории.

Нужно отметить, что при переходах по иерархическому уровню формулировка проблем и направленных на их решение задач закономерно меняется. Одной из таких проблем развития человечества, которая первоначально была сформулирована применительно к глобальному уровню, но постепенно спускается на более низкие ступени иерархии, является проблема обеспечения устойчивого развития стран и регионов, а задачи его успешного достижения переводятся в плоскость от общего к частному. Это требует выработки адекватной каждому определенному иерархическому уровню и каждой области научных и практических задач методологии исследования.

Представленный в статье подход к формированию методологии исследования устойчивого развития территорий позволяет системно охарактеризовать состояние социально-экономического пространства различных территориальных субъектов, в том числе малых городов, выявить приоритетные направления и уровни их развития на основе сетевого взаимодействия с развитыми экономическими центрами. Каждая группа методологических подходов вносит свой вклад в описание базовых характеристик природно-ресурсного, инфраструктурного, производственного и рекреационного потенциала территорий разного типа с учетом основной роли человека и главной цели повышения качества жизни населения.

Список литературы

1. *Андреев И. Д.* Методологические основы познания социальных явлений. — М.: Высш. шк., 1977. — 328 с.
2. *Бережа О. А.* Основные принципы и аспекты исследования устойчивого развития региональной туристско-рекреационной системы // *Известия ЮФУ. Технические науки.* — 2010. — № 4 (105). — С. 7–13.
3. *Бережа О. А.* Подходы к исследованию устойчивого развития туристско-рекреационной отрасли на региональном уровне // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).* — 2009. — № 29. — С. 97–104.
4. *Бобылева А. С.* Методология научного исследования в диссертационных работах магистрантов и аспирантов // *Педагогика и современность.* — 2012. — № 2. — С. 24–32.
5. *Богданов А. А.* Тектология: всеобщая организационная наука. Изд. 3-е, заново перераб. и доп. — М., 1989 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 07.10.2010. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5909>
6. *Драпогуз В. П.* Экстраполяция как эвристический метод научного познания и предвидения // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* — 2013. — № 3, ч. 2. — С. 89–94.
7. *Евграфова Т. Н.* О герменевтическом круге как методе научного познания в социально-гуманитарных науках // *Вестник Российского университета кооперации.* — 2014. — № 1 (15). — С. 60–65.
8. *Иванов В. А.* Методологические основы устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета.* — 2011. — № 2. — С. 3. URL: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2011/2011-2/3/3.htm>
9. *Иванов С. Ю.* Научный метод как способ перехода логики познания в логику объекта и его роль в теоретическом мышлении // *Альманах современной науки и образования.* — 2008. — № 6 (13), ч. 1. — С. 88–90.

10. *Иоффе О. С., Красавчиков О. А.* О критике науки и научности критики // Правовая наука Казахстана / Отв. ред. М. А. Ваксберг. — Алма-Ата, 1978. — С. 119–131.
11. *Киселева Н. Н.* Методические подходы к исследованию траектории развития региональных социоприродохозяйственных систем // Современная наука и инновации. — 2013. — № 1. — С. 84–90.
12. *Киселева Н. Н.* Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология исследования, модели, управление. — Ростов-на-Дону, 2008.
13. *Киселева Н. Н.* Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2008.
14. *Комиссарова Е. Г.* Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 4 (22). — С. 310–315.
15. *Королев М. Ю.* Моделирование как метод научного познания. — М.: Изд-во Карпова Е. В., 2010. — 116 с.
16. *Кузнецова О. А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 4 (26). — С. 254–270.
17. *Луканина М. В., Салиева Л. К.* Нарративное манипулирование // Государственное управление. Электронный вестник. — 2014. — № 46. — С. 210–225.
18. *Мингалева Ж. А.* Особенности региональных моделей развития в условиях структурной трансформации экономики // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 4. — С. 65–71.
19. *Оборин М. С.* Региональный анализ изучения рекреационных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. — 2013. — № 2. — С. 35–42.
20. *Оборин М. С.* Системно-диалектическая методология (системный подход) как инструмент исследования курортно-рекреационных систем разного иерархического уровня // Региональные исследования. — 2010. — № 3. — С. 54–61.
21. *Оборин М. С.* Системный подход к раскрытию сущности и содержания санаторно-курортной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. — 2015. — № 4 (66). — С. 216–221.
22. *Орлов В. В.* Основы философии: Учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1: Общая философия. — Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. Вып. 1. — С. 118.
23. *Осипова М. Ю.* Разработка статико-динамического подхода к оценке и управлению устойчивым развитием региона: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. — Пермь, 2017. — 22 с. URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/ filer.php?table=att_case&fld= autoref&key\[\]= 100013354](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/ filer.php?table=att_case&fld= autoref&key[]= 100013354)
24. *Папковская П. Я.* Методология научных исследований: Курс лекций. — Минск: Информпресс, 2006. — 184 с.

25. *Ростопшин Ю. А.* Основы системной методологии исследований устойчивого развития // Труды Института системного анализа Российской академии наук. — 2009. — Т. 42. — С. 33–77.
26. *Ростопшин Ю. А.* Системно-методологические основы исследований устойчивого развития // Системные исследования. Методологические проблемы, 2003. Т. 2006. — С. 104.
27. *Ростопшин Ю. А.* Системный подход в исследованиях устойчивого развития // Труды Института системного анализа Российской академии наук, 2004. — Т. 8. — С. 72–103.
28. *Ростопшин Ю. А.* Эволюционные принципы в моделировании устойчивого развития современной биосферы // Труды Института системного анализа Российской академии наук, 2008. — Т. 39. — С. 64–78.
29. *Рузавин Г. И.* Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮРИТИ-ДАНА, 2009. — 287 с.
30. *Салиева Л. К.* Нарратив и идеология // В сб.: Человек в информационном пространстве. Межвузовский сборник научных трудов. Министерство образования и науки Российской Федерации, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2010. — С. 72–74.
31. *Салиева Л. К.* Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2012. — № 3. — С. 116–128.
32. *Сапелкин В. С.* К вопросу о концептуально-методологических подходах к исследованию глобальных и локальных отношений в экосистеме «общество-природа» // В сб.: Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора В. А. Балханова / Отв. ред. М. В. Бадмаева, 2015. — С. 49–61.
33. *Синицын О. Н.* Комплексное моделирование как метод научного познания: дис. ... канд. филос. наук. — М., 2006. — 197 с.
34. *Терещенко А. М.* Методологические принципы современных научных исследований // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. — 2011. — № 1 (7). — С. 55–60.
35. *Шумилов С. Н., Садыков М. Б.* Идеализация в системе социального познания // Ученые записки Казанского государственного университета, 2007. — Т. 149, кн. 5. — С. 62–69.
36. *Яковлев В. Ю.* Нарративный метод научного познания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 28–35.
37. *Яковлев В. Ю.* Нарративная парадигма окружающего знания // Костромской гуманитарный вестник. — 2015. — № 1 (8). — С. 3–5.
38. *Grzebyk M., Stec M.* (2015). Sustainable development in EU countries: concept and rating of levels of development. Sustainable Development, 23: 110–123. DOI:10.1002/sd.1577.
39. *Hopwood B., Mellor M. et al.* (2005). Sustainable development: mapping different approaches. Sustainable development, 13 (1): 38–52. DOI: 10.1002/sd.244.
40. *Narayanan Y.* (2016). Religion, Sustainable Development and Policy: Principles to Practice (pages 149–153). Sustainable development, 24 (3): 149–198. DOI: 10.1002/sd.1616.

41. Wang Yu. (2016). A Sustainable Approach for Post-Disaster Rehabilitation of Rural Heritage Settlements. 24 (5): 319–329. DOI: 10.1002/sd.1632.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Roman Alphabet

1. *Andreev I. D.* Metodologicheskie osnovy poznaniya social'nyh javlenij. — M.: Vyssh. shk., 1977. — 328 s.
2. *Bereza O. A.* Osnovnye principy i aspekty issledovaniya ustojchivogo razvitiya regional'noj turistsko-rekreacionnoj sistemy // *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki.* — 2010. — № 4 (105). — S. 7–13.
3. *Bereza O. A.* Podhody k issledovaniju ustojchivogo razvitiya turistsko-rekreacionnoj otrasli na regional'nom urovne // *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH).* — 2009. — № 29. — S. 97–104.
4. *Bobyleva A. S.* Metodologija nauchnogo issledovaniya v dissertacionnyh rabotah magistrantov i aspirantov // *Pedagogika i sovremennost'.* — 2012. — № 2. — S. 24–32.
5. *Bogdanov A. A.* Tektologija: vseobshhaja organizacionnaja nauka. Izd. 3, zanovo pererab. i dop. — M., 1989. // *Elektronnaja publikacija: Centr gumanitarnyh tehnologij.* — 07.10.2010. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5909>
6. *Drapoguz V. P.* Jekstrapoljacija kak jevristscheskij metod nauchnogo poznaniya i predvidenija // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologi i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* — 2013. — № 3, ch. 2. — S. 89–94.
7. *Evgrafova T. N.* O germenevticheskom krughe kak metode nauchnogo poznaniya v social'no-gumanitarnyh naukah // *Vestnik Rossijskogo universiteta ko-operacii.* — 2014. — № 1 (15). — S. 60–65.
8. *Ivanov V. A.* Metodologicheskie osnovy ustojchivogo razvitiya regional'nyh socio-jekologo-jekonomicheskikh sistem // *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie jekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta.* — 2011. — № 2. — S. 3. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2011/2011-2/3/3.htm>
9. *Ivanov S. Ju.* Nauchnyj metod kak sposob perehoda logiki poznaniya v logiku ob#ekta i ego rol' v teoreticheskom myshlenii // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya.* — 2008. — № 6 (13), — ch. 1. — S. 88– 90.
10. *Ioffe O. S., Krasavchikov O. A.* O kritike nauki i nauchnosti kritiki // *Pravovaja nauka Kazahstana / Otv. red. M. A. Vaksberg.* — Alma-Ata, 1978. — S. 119–131.
11. *Kiseleva N. N.* Metodicheskie podhody k issledovaniju traektorii razvitiya regional'nyh socioprirodohozjajstvennyh sistem // *Sovremennaja nauka i innovacii.* — 2013. — № 1. — S. 84–90.
12. *Kiseleva N. N.* Ustojchivoe razvitie social'no-jekonomicheskoy sistemy regiona: metodologija issledovaniya, modeli, upravlenie. — Rostov-na-Donu, 2008.
13. *Kiseleva N. N.* Ustojchivoe razvitie social'no-jekonomicheskoy sistemy regiona. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora jekonomicheskikh nauk. — Rostov-na-Donu: Juzhnyj federal'nyj universitet, 2008.

14. *Komissarova E. G.* Metodologicheskij potencial grazhdansko-pravovoj nauki // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. — 2013. — № 4 (22). — S. 310–315.
15. *Korolev M. Ju.* Modelirovanie kak metod nauchnogo poznaniya. — M.: Izd-vo Karpova E. V., 2010. — 116 s.
16. *Kuznecova O. A.* Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertacijah // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. — 2014. — № 4 (26). — S. 254–270.
17. *Lukanina M. V., Salieva L. K.* Narrativnoe manipulirovanie // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik. — 2014. — № 46. — S. 210–225.
18. *Mingaleva Zh. A.* Osobennosti regional'nyh modelej razvitiya v uslovijah strukturnoj transformacii jekonomiki // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2004. — № 4. — S. 65–71.
19. *Oborin M. S.* Regional'nyj analiz izuchenija rekreacionnyh sistem // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Estestvennye nauki. — 2013. — № 2. — S. 35–42.
20. *Oborin M. S.* Sistemno-dialekticheskaja metodologija (sistemnyj podhod) kak instrument issledovaniya kurortno-rekreacionnyh sistem raznogo ierarhicheskogo urovnja // Regional'nye issledovaniya. — 2010. — № 3. — S. 54–61.
21. *Oborin M. S.* Sistemnyj podhod k raskrytiju sushhnosti i sodержaniya sanatorno-kurortnoj dejatel'nosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inženernykh tehnologij. — 2015. — № 4 (66). — S. 216–221.
22. *Orlov V. V.* Osnovy filosofii: ucheb. posobie. V 2 ch. Ch. 1: Obshhaja filosofija. — Perm': Perm. gos. nac. issled. un-t., 2012. Vyp. 1. — S. 118.
23. *Osipova M. Ju.* Razrabotka statiko-dinamicheskogo podhoda k ocenke i upravleniju ustojchivym razvitiem regiona: Avtoref. diss.na soisk.uch.step. kand.jekon.nauk, Perm', 2017. — 22 s. URL: [http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key\[\]=100013354](http://vak.ed.gov.ru/az/server/php/filer.php?table=att_case&fld=autoref&key[]=100013354)
24. *Papkovskaja P. Ja.* Metodologija nauchnyh issledovanij: kurs lekcij. — Minsk: Informpress, 2006. — 184 s.
25. *Rostopshin Ju. A.* Osnovy sistemnoj metodologii issledovanij ustojchivogo razvitiya // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk, 2009. T. 42. — S. 33–77.
26. *Rostopshin Ju. A.* Sistemno-metodologicheskie osnovy issledovanij ustojchivogo razvitiya // Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy, 2003. T. 2006. — S. 104.
27. *Rostopshin Ju. A.* Sistemnyj podhod v issledovanijah ustojchivogo razvitiya // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2004. T. 8. — S. 72–103.
28. *Rostopshin Ju. A.* Jevoľjucionnye principy v modelirovanii ustojchivogo razvitiya sovremennoj biosfery // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk, 2008. T. 39. — S. 64–78.
29. *Ruzavin G. I.* Metodologija nauchnogo poznaniya: ucheb posobie dlja vuzov. — M.: JuRITI-DANA, 2009. — 287 s.
30. *Salieva L. K.* Narrativ i ideologija // V sb.: Chelovek v informacionnom prostranstve. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Ministerstvo obrazovanija

- i nauki Rossijskoj Federaciji, Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2010. — S. 72–74.
31. *Salieva L. K.* Narrativnyj analiz. Istorija i sovremennost'. Sfery prilozhenija // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). — 2012. — № 3. — S. 116–128.
 32. *Sapelkin V. S.* K voprosu o konceptual'no-metodologičeskikh podhodah k issledovaniju global'nyh i lokal'nyh otnoshenij v jekosisteme «obshhestvo-priroda» // V sb.: Celostnoe mirovozzrenie: opyt issledovanija i interpretacii. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju so dnja rozhdenija doktora filosofskih nauk, professora V. A. Balhanova. Otv. red. M. V. Badmaeva, 2015. — S. 49–61.
 33. *Sinicyn O. N.* Kompleksnoe modelirovanie kak metod nauchnogo poznaniya: dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2006. — 197 s.
 34. *Tereshhenko A. M.* Metodologičeskie principy sovremennyh nauchnyh issledovanij // Vestnik Moskovskoj gosudarstvennoj akademii delovogo administrirovanija. — 2011. — № 1(7). — S. 55–60.
 35. *Shumilov S. N., Sadykov M. B.* Idealizacija v sisteme social'nogo poznaniya // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. T. 149, kn. 5. — S. 62–69.
 36. *Jakovlev V. Ju.* Narrativnyj metod nauchnogo poznaniya // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. — 2008. — № 71. — S. 28–35.
 37. *Jakovlev V. Ju.* Narrativnaja paradigma okružhajushhego znaniya // Kostromskoj gumanitarnyj vestnik. — 2015. — № 1 (8). — S. 3–5.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Варшавская Е. Я.¹,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ РАБОТНИКИ НА СЕЛЬСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СПРОС

Цель работы — проанализировать соотношение между предложением и спросом на труд квалифицированных работников, сложившееся на сельском рынке труда. Под квалифицированными работниками в статье понимаются работники, имеющие высшее и среднее профессиональное образование. Эмпирической основой исследования выступают данные Обследования населения по проблемам занятости за 2005–2015 гг. Установлено, что предложение квалифицированного труда на сельском рынке труда в течение 2005–2015 гг. неуклонно росло. Этот рост был обусловлен увеличением численности и доли лиц, имеющих высшее образование. Спрос на квалифицированный труд сельских работников демонстрировал более медленные темпы роста. В результате разрыв между предложением и спросом на квалифицированный труд увеличивался. Показано, что образование и квалификация сельских работников недоиспользуются; велики масштабы образовательно-профессионального несоответствия. В наибольшей степени проблемы недоиспользования образования и его нецелевого использования (работы не по специальности) касаются работников, получивших технические и сельскохозяйственные специальности.

Ключевые слова: сельский рынок труда, квалифицированные работники, спрос на труд, предложение труда.

SKILLED WORKERS ON THE RURAL LABOR MARKET: SUPPLY VS. DEMAND

The paper analyzes the correlation between supply and demand for skilled labour on the rural labour market. The paper defines skilled workers as those having tertiary professional education. The empirical basis for the research is constituted by the Labour Force Survey data between 2005 and 2015. It has been proved that in this period the supply of the skilled labour was steadily on the increase that was determined by the

¹ Варшавская Елена Яковлевна, д.э.н., профессор кафедры управления человеческими ресурсами; e-mail: evarshavskaya@hse.ru

growth of both the number and share of people with higher education. The demand for the skilled labour of rural workers showed slower growth rates that resulted in an increasing gap between supply and demand. The research proves that education and qualification of rural workers are being underutilized, and the scale of education-occupation mismatch has been rather big. The most obvious contradiction between education underutilization and its non-purpose use — when people do not work in accordance with their specialization — refer to the workers with technical and agricultural training.

Key words: rural labor market, skilled workers, labor demand, labor supply.

Введение

Мнение о дефиците квалифицированных кадров для сельских предприятий и особенно для сельскохозяйственного производства является весьма распространенным и популярным. В работах российских экономистов [Блинова, Потапов, 2011; Бондаренко, 2015; Вегрен, Никулин, 2014; Скульская, Широкова, 2015] представлен всесторонний анализ сельского рынка труда, одной из особенностей которого является, по мнению авторов, низкий образовательный уровень сельского занятого населения и нехватка квалифицированных работников на селе. Признавая справедливость и обоснованность таких оценок, обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство: в большинстве случаев анализ практически полностью сфокусирован на стороне предложения труда, при этом проблемы спроса остаются вне поля зрения исследователей. «Такой асимметричный подход не вполне корректен с аналитической и далеко не нейтрален с нормативной точек зрения. Велика вероятность, что выводы для экономической и образовательной политики, формулируемые на его основе, во многих случаях могут оказаться контрпродуктивными» [Капелюшников, 2012, с. 51].

Настоящая работа направлена на преодоление подобного одностороннего подхода. Ее цель — проанализировать соотношение между предложением и спросом на труд квалифицированных работников, сложившееся на сельском рынке труда. Под квалифицированными в статье понимаются работники, имеющие высшее и среднее профессиональное образование (последнее — только в части программ подготовки специалистов среднего звена)¹. В терминах Международной стандартной классификации образования 2011 г. это работники с третьим образованием уровней 5 (короткий цикл третичного образова-

¹ В статье используются следующие наименования уровней профессионального образования: высшее образование (ВО), среднее профессиональное образование (программы подготовки специалистов среднего звена — СПО), начальное профессиональное образование (программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих — НПО).

ния), 6 (бакалавриат) и 7 (специалитет и магистратура)¹. «Значительный объем накопленного человеческого капитала открывает таким работникам доступ на верхние этажи профессионально-квалификационной иерархии (отсюда — отсылка к их предполагаемой высокой квалификации)» [Капелюшников, 2012, с. 52]. Эмпирической основой исследования выступают данные Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 2005–2015 гг. Вначале мы обратимся к оценкам предложения квалифицированного труда, используя данные о состоянии и динамике образовательной структуры сельской рабочей силы, а также об образовательных специальностях (профессиях по диплому), которыми обладает сельское экономически активное население с высшим и средним профессиональным образованием. Затем мы рассмотрим спрос на квалифицированный труд и соотношение с его предложением. Для анализа востребованности квалифицированного труда в работе произведена оценка соответствия между уровнем образования сельских работников и их профессионально-должностным статусом, а также масштабов работы не по специальности.

Предложение квалифицированного труда: объем, динамика, структура

В 2015 г. самыми многочисленными группами в составе сельской рабочей силы являлись лица со средним общим и средним профессиональным образованием, на долю которых приходится 27,4 и 23,9% соответственно (табл. 1). Около пятой части экономически активных селян имеют начальное профессиональное (21,4%) и высшее (18,9%) образование. Обратим внимание, что каждый третий (35,8%) не имеет профессионального образования.

Таблица 1

Образовательная структура сельского экономически активного населения

	Численность, тыс. чел.			Удельный вес, %			Изменение, 2015 г. к 2005 г.	
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	Численность, %	Удел. вес, п.п.
ВО	2241	2892	3426	12,5	15,3	18,9	+53	+6,4

¹ Вопросы качества профессионального образования, актуальность и значимость которых мы признаем, остаются за рамками данного исследования. Кроме того, мы не будем касаться проблемы нехватки (реальной или предполагаемой) квалифицированных рабочих, т.е. представителей «синеворотничковых» профессий, занятых сравнительно сложными видами физического труда.

	Численность, тыс. чел.			Удельный вес, %			Изменение, 2015 г. к 2005 г.	
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	Численность, %	Удел. вес, п.п.
СПО	4017	4526	4337	22,5	23,9	23,9	+8	+1,4
НПО	3139	3884	3884	17,6	20,5	21,4	+24	+3,9
Среднее общее	5601	5634	4968	31,4	29,8	27,4	–11	–4,0
Основное общее	2498	1774	1399	14,0	9,4	7,7	–44	–6,3
Начальное общее и ниже	365	197	118	2,0	1,0	0,7	–68	–1,4
ВСЕГО	17861	18906	18133				+1,5	

Источник: данные ОНПЗ; расчеты автора.

За прошедшее десятилетие (2005–2015 гг.) сельский рынок труда постоянно пополнялся рабочей силой со все более высокой образовательной подготовкой. Так, за анализируемый период общая численность экономически активных селян изменилась незначительно, увеличившись всего на 1,5%. При этом число имеющих высшее образование выросло в полтора раза (на 53%), среднее профессиональное — на 8%, начальное профессиональное — на четверть (на 24%). Группы, расположенные в нижней части образовательной «пирамиды», стремительно сокращались. Число работников с основным общим образованием уменьшилось на 44%, а с начальным и ниже — на две трети (на 68%). Такая разнонаправленная динамика вызвала заметные сдвиги в образовательной структуре сельской рабочей силы в пользу лиц, имеющих какое-либо профессиональное образование, доля которых в течение 2005–2015 гг. увеличилась на 11,7 п.п., в том числе на 6,4 п.п. окончивших высшие учебные заведения. Удельный вес двух низших образовательных групп сократился на 7,7 п.п.

Главная причина структурных сдвигов, как справедливо отмечает Р. И. Капелюшников, анализируя динамику образовательной структуры всей российской рабочей силы, «во многом объяснялась чисто демографическими факторами. Старшие поколения имели в своем составе сравнительно много лиц с низкой и сравнительно мало лиц с высокой образовательной подготовкой. Среди младших поколений ситуация была обратной» [Капелюшников, 2006, с. 27]. Действительно, молодые сельские работники образованнее своих старших коллег. Рост образовательного уровня в молодых возрастных когортах обеспечивается главным образом повышением доли работников, имеющих высшее образо-

вание. Так, в 2015 г. она устойчиво росла от 15,7% в группе 55–59-летних до 26,2% среди 25–29-летних. При этом удельный вес получивших среднее и начальное профессиональное образование снижался (от 26,4 до 21,2% и от 24,1 до 18,9% соответственно).

Однако, несмотря на рост уровня образования сельской рабочей силы, разрыв в образовательном уровне сельского и городского экономически активного населения сохраняется. Этот разрыв определяется существенно меньшей среди селян долей выпускников вузов и большим удельным весом имеющих только общее образование, прежде всего среднее (полное) и основное. Так, в 2015 г. доля обладателей вузовских дипломов среди экономически активных селян была на 17,5 п.п. меньше, чем среди горожан, в 2005 г. этот разрыв составлял практически ту же величину — 16,8 п.п. Удельный вес окончивших полную среднюю школу был среди сельской рабочей силы на 11,0 п.п. выше, чем среди городской (в 2005 г. — на 10,6 п.п.).

Представление о структуре предложения квалифицированного труда дает распределение экономически активного сельского населения с высшим и средним профессиональным образованием по направлениям подготовки (табл. 2). Среди рабочей силы с высшим образованием абсолютными лидерами являются педагоги и экономисты, на долю которых приходится около четверти обладателей вузовских дипломов. Следующей по численности является группа выпускников технических специальностей, к которым относится шестая часть селян, имеющих высшее образование. Заметим, что дипломированных специалистов в области сельского хозяйства относительно немного — к ним относятся только десятая часть (9,2%) сельского экономически активного населения с высшим образованием.

Таблица 2

**Распределение экономически активного сельского населения
с высшим и средним профессиональным образованием
по направлениям подготовки, 2015 г.
(процент по столбцу)**

Образовательные специальности	Сельское население						Городское население	
	ВО			СПО			ВО всего	СПО всего
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины		
Образование и педагогика	27,0	15,0	36,1	11,3	3,5	17,1	14,6	8,9
Экономика и управление	24,8	13,8	33,3	20,4	5,4	31,7	27,3	18,9

Образовательные специальности	Сельское население						Городское население	
	ВО			СПО			ВО всего	СПО всего
	всего	муж- чины	жен- щины	всего	муж- чины	жен- щины		
Техника и технологии	17,9	33,1	6,4	35,4	62,6	14,9	29,8	46,3
Гуманитарные и социальные науки	12,5	14,8	10,7	3,3	4,3	2,5	13,0	3,9
Сельское хозяйство	9,2	15,7	4,3	12,3	20,3	6,2	2,0	3,5
Здравоохранение	4,0	3,1	4,7	13,5	2,4	21,8	6,6	14,4
Естественные науки и математика	2,5	3,2	1,9	0,1	0,1	0,2	3,4	0,1
Культура и искусство	1,4	0,7	1,9	2,7	1,0	3,9	2,1	2,3
Прочие	0,7	0,7	0,7	1,1	0,4	1,6	1,2	2,4

Источник: данные ОНПЗ; расчеты автора.

Структура сельской рабочей силы с высшим образованием по полученным в вузах специальностям отличается от их городских коллег. Эти различия сконцентрированы фактически в трех направлениях подготовки: технической, где доля селян на 11,9 п.п. меньше, чем среди городского населения; сельскохозяйственной и педагогической, в которых удельный вес среди сельского населения на 7,2 п.п. и 12,4 п.п. (соответственно) больше. Первые два различия объяснимы особенностями территориально-поселенческого размещения отраслей — промышленные предприятия, которые предъявляют основной спрос на специалистов в области техники и технологии, расположены преимущественно в городах, сельское хозяйство, выступающее ключевым потребителем специалистов-аграриев, сконцентрировано в сельской местности. Практически двухкратный «перевес» доли дипломированных педагогов в составе селян с высшим образованием по сравнению с горожанами отчасти связан с малокомплектностью сельских школ, небольшой наполняемостью классов и меньшим количеством учащихся на одного учителя.

Значимые различия имеются в предложении труда гендерных групп. Женщин существенно больше среди педагогов (на 21,1 п.п.) и экономистов (на 19,5 п.п.), мужчин — среди инженеров и технологов (на 26,7 п.п.), а также среди специалистов-аграриев (на 11,4 п.п.).

Еще более существенная дифференциация отмечается при анализе возрастных групп (табл. 3). Среди экономически активного сельского населения молодых возрастов значимо выше доля выпускников экономических специальностей, а также обладателей дипломов в области гуманитарных и социальных наук. Так, около 30% рабочей силы в возрасте до 40 лет имеют экономическую подготовку, среди 50-летних работников таких почти вдвое меньше (16,5%), а в самой старшей возрастной группе — меньше в 2,5 раза (13,1%). Удельный вес окончивших вузы по направлению «Гуманитарные и социальные науки» устойчиво убывает с 16–17% среди 20–30-летних занятых до 5% среди работников в возрасте 50 лет и старше¹. С другой стороны, среди 20–30-летних существенно ниже доля имеющих педагогическое и, что особенно важно, аграрное образование. Среди 20-летних экономически активных селян с высшим образованием менее пятой части являются дипломированными педагогами, среди 30-летних — четверть, среди работников старше 40 лет — треть. С возрастом растет и доля специалистов в области сельского хозяйства, увеличиваясь почти втрое — с 6–7% среди 20–30-летних селян до 18,4% среди 60-летних работников.

Таблица 3

**Распределение сельского экономически активного населения
с высшим образованием по направлениям подготовки, 2015 г.**
(процент по столбцу)

	До 29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–72 года
Экономика и управление	31,2	29,1	21,7	16,5	13,1
Техника и технологии	19,5	16,4	15,9	20,2	18,9
Образование и педагогика	18,9	24,0	34,3	32,9	32,9
Гуманитарные и социальные науки	15,8	17,1	10,4	5,4	4,9
Сельское и рыбное хозяйство	6,0	6,7	9,0	14,7	18,4
Здравоохранение	3,5	2,9	4,5	5,3	6,1
Естественные науки и математика	2,6	1,9	2,2	2,9	4,3
Культура и искусство	1,1	1,2	1,6	2,0	1,5
Прочие	1,6	0,6	0,4	0,1	0

Источник: данные ОНПЗ; расчеты автора.

¹ Почти 70% выпускников направления «Гуманитарные и социальные науки» получают подготовку в области права.

Как следствие, возрастная структура сельского экономически активного населения с высшим образованием по направлениям подготовки существенно отличается. Выделяются две специальности — «Гуманитарные и социальные науки» и «Экономика и управление», в которых структура рабочей силы смещена в сторону молодых возрастов. Около 30% работников, имеющих соответствующие дипломы, моложе 30 лет, еще 34–40% находятся в интервале 30–39 лет. Доля работников старше 50 лет с дипломами по этим направлениям не превышает 15%. Возрастная структура экономически активных селян, окончивших вузы по специальностям «Сельское и рыбное хозяйство» и «Образование и педагогика», является заметно более «старой». В группе специалистов аграрного профиля удельный вес лиц старших возрастов (50 лет и старше) в 2,5 раза больше — 41%, а молодых работников (до 30 лет) — в два раза меньше (17%). Столь существенная возрастная дифференциация отражает изменения, происходящие в структуре предложения квалифицированного труда.

Обратим внимание, что значимые различия в возрастной структуре экономически активного населения с высшим образованием, проживающего в сельских и городских поселениях, не обнаружены (табл. 4). Эти различия отсутствуют как при анализе возрастной структуры в целом, так и в разрезе отдельных направлений подготовки. Исключение представляют специалисты в области техники и здравоохранения. Среди селян доля молодых специалистов в возрасте до 30 лет на 7–9 п.п. больше, чем среди горожан. Однако в более старших возрастах преимущество смещается к городским работникам. Наиболее же существенная дифференциация характерна для выпускников сельскохозяйственного профиля. Возрастная структура селян, имеющих высшее аграрное образование, является более старой по сравнению с горожанами с аналогичным образованием. Так, 40,9% дипломированных аграриев, живущих в селе, старше 50 лет, что на 12,0 п.п. больше по сравнению с городскими коллегами, и 37,9% моложе 40 лет, среди горожан таких почти на 9,2 п.п. больше. Таким образом, распространенное утверждение, что выпускники вузов не едут работать в село, верно лишь отчасти и прежде всего в отношении получивших сельскохозяйственное образование. Представленные данные свидетельствуют в первую очередь о проблеме «закрепляемости и приживаемости» молодых специалистов в сельских поселениях. Именно этим объясняются особенности возрастной структуры выпускников технического и медицинского профиля: часть из них (по нашим оценкам, не менее трети), приехав в село после завершения учебы в вузе и получив в течение 3–5 лет определенный опыт практической работы, затем возвращается в город. Этот вывод подтверждает и распределение выпускников по году окончания учебного заведения. Среди экономически активных селян, имеющих

высшее техническое и медицинское образование, доля выпускников 2011–2015 гг. на 6–8 п.п. больше, чем среди горожан. В когортах 1980–1990-х гг. выпусков наблюдается перевес в пользу работающих в городах (в среднем на 3–4 п.п.).

Таблица 4

**Возрастная структура городского и сельского
экономически активного населения с высшим образованием
по направлениям подготовки, 2015 г. (процент по строке)**

		До 29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–72 года
Все ЭАН с ВО	Город	24,1	30,8	22,2	18,2	4,7
	Село	26,0	28,3	21,5	19,2	4,9
Образование и педагогика	Город	19,1	28,6	26,8	20,0	5,6
	Село	18,2	25,1	27,3	23,4	6,0
Экономика и управление	Город	32,7	33,2	18,7	12,8	2,6
	Село	30,8	33,9	19,4	13,3	2,6
Техника и технологии	Город	20,9	27,1	22,6	23,1	6,2
	Село	28,3	25,9	19,0	21,6	5,2
Гуманитарные и социальные науки	Город	29,0	37,8	19,6	11,1	2,4
	Село	32,9	39,0	17,9	8,3	1,9
Сельское хозяйство	Город	19,3	27,8	24,0	22,7	6,2
	Село	17,0	20,9	21,2	31,0	9,9
Здравоохранение	Город	13,2	23,8	27,8	26,9	8,3
	Село	22,3	20,5	24,2	27,0	7,5

В таблице приведены данные по шести самым массовым направлениям подготовки ВО.

Источник: данные ОНПЗ; расчеты автора.

Рассмотрим вкратце основные характеристики экономически активного сельского населения со средним профессиональным образованием. Треть (35,4%) из них имеют образование технического профиля, пятая часть — экономического. 12,3% получили СПО сельскохозяйственной специализации (табл. 2). В отличие от городского населения среди селян меньше доля завершивших обучение по техническому (на 10,9 п.п.) и больше по аграрному (на 8,8 п.п.) направлению.

Особенности половозрастной структуры сельской рабочей силы со средним профессиональным образованием аналогичны тем, что обнаружены в группе специалистов с высшим образованием. Мужчин существенно больше среди получивших подготовку в области техники и тех-

нологии (на 47,7 п.п.) и сельского хозяйства (на 14,1 п.п.); женщин — среди имеющих СПО в области экономики и управления (на 26,3 п.п.), здравоохранения (на 19,4 п.п.) и педагогики (13,6 п.п.). Доля окончивших техникумы по направлению «Сельское хозяйство» среди молодых работников (до 30 лет) вдвое меньше, чем среди 50–60-летних (8 и 16–17% соответственно). Как и в случае со специалистами с высшим аграрным образованием, возрастная структура селян, имеющих среднее профессиональное образование данного профиля, является более старой по сравнению с городскими коллегами. Среди экономически активных сельских жителей, окончивших техникумы и получивших специальность сельскохозяйственного профиля, доля лиц в возрасте моложе 40 лет, на 9,3 п.п. меньше, чем среди горожан, имеющих аналогичное образование (30,6 и 39,9% соответственно), а работников старше 50 лет — на 8,0 п.п. больше (42,8 и 34,8%).

Структура предложения труда по большинству направлений подготовки СПО достаточно устойчива, за исключением выпускников технической и аграрной специализации. В первом случае наблюдается рост доли выпускников при движении от старших к молодым возрастам (от 33–34% в группе 50 лет и старше до 41% среди 20-летних); во втором — устойчивое снижение с 16–17% в группе 50–60-летних до 8% среди 20-летних.

Итак, предложение квалифицированного труда на сельском рынке труда на протяжении 2005–2015 гг. неуклонно росло как в абсолютных, так и в относительных масштабах. Этот рост происходил главным образом за счет лиц, имеющих высшее образование. Существенные изменения претерпела структура предложения. В ней увеличилась доля лиц, имеющих профессиональную подготовку в области экономики и управления, а также социально-гуманитарных наук, и значительно сократился удельный вес специалистов, получивших аграрное образование. Эти сдвиги особо ярко выражены в молодых возрастах. Результатом описанных изменений стало старение квалифицированных сельскохозяйственных кадров.

Спрос на квалификацию и образование на сельском рынке труда

Для оценки спроса на квалифицированный труд и соотношения с его предложением используем подход, впервые предложенный Д. Хекером [Hecker, 1992]¹. Как известно, уровень профессиональной квалифи-

¹ Несмотря на то что данный подход дает обобщенную оценку спроса и предложения на квалифицированный труд, он активно используется экспертами международных организаций, например, ОЭСР [Education at a Glance, 2016; OECD Skills Outlook, 2017].

кации определяется степенью сложности стоящих перед работником задач, а специализация — той предметной областью, к которой относятся требуемые знания и умения. На основании этих критериев Международная стандартная классификация профессий и разработанный на ее основе Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ) выделяют девять профессионально-квалификационных групп, которые образуют иерархию, упорядоченную с точки зрения требуемой квалификации¹. В соответствии подходом, разработанным Д. Хекером, все рабочие места и соответствующие им профессионально-должностные позиции разбиваются на две группы — требующие высокой квалификации и образования и не требующие этого. К первой группе относятся руководители, специалисты высшего и среднего уровня квалификации, т.е. группы 1–3 по ОКЗ, ко второй — группы 4–9 по ОКЗ. С другой стороны, рабочая сила делится на две группы в зависимости от полученной профессиональной подготовки — имеющих третичное образование и не имеющих его. Оценивая число рабочих мест, требующих высокой квалификации, мы получаем характеристику объема спроса на квалифицированный труд, а сравнивая этот показатель с численностью экономически активного населения, имеющего третичное образование, — обобщенное представление о соотношении спроса и предложения квалифицированного труда и об его изменении во времени.

К сожалению, доступная статистика о профессионально-квалификационной структуре занятости сельского населения имеется только за 2010–2015 гг., но и она является достаточно красноречивой. За 2010–2015 гг. численность сельской рабочей силы, имеющей высшее и среднее профессиональное образование, возросла с 7188 тыс. до 7763 тыс. человек, т.е. на 575 тыс. человек, или на 8,0%. За этот же период число сельских работников, относящихся к руководителям и специалистам высшего и среднего уровня квалификации, увеличилось с 4803 тыс. до 5029 тыс. человек, т.е. на 226 тыс. человек, или 4,7%. Иначе говоря, спрос на квалифицированный труд растет медленнее (и в абсолютных, и в относительных размерах) его предложения. В результате разрыв между предложением и спросом увеличился с 49,7 до 54,4%². Таким образом, примерно для половины сельской рабочей силы с дипломами

Среди российских исследователей он был применен Р. И. Капелюшниковым [Капелюшников, 2012] для оценки предложения и спроса на квалифицированный труд для российского рынка труда в целом.

¹ Строго говоря, выделяют не 9, а 10 групп. Данные по группе 10 «Вооруженные силы» не рассматриваются.

² Подчеркнем, что хотя и на городском рынке труда предложение квалифицированного труда превосходит спрос на него, однако разрыв между ними существенно меньше — 35–37%. Кроме того, в течение 2010–2015 гг. спрос рос большими темпами, чем предложение (8,7 и 6,8% соответственно).

высших учебных заведений и техникумов на рынке труда физически отсутствуют рабочие места, которые по уровню сложности и квалификации предлагаемой работы соответствуют полученному образованию. Кроме того, следует обратить внимание, что 74% прироста численности руководителей, специалистов высшего и среднего уровня квалификации пришлось на неформальный сектор, в котором основная часть рабочих мест предполагает простой низкопроизводительный труд, не требующий высокого уровня образования и квалификации.

Итак, анализ агрегированных статистических данных позволяет заключить, что спрос на квалифицированный труд сельских работников существенно отстает от его предложения. Кроме того, спрос растет более медленными темпами, чем предложение, в результате чего разрыв между ними увеличивается.

В какой мере профессиональное образование, прежде всего высшее и среднее, востребовано на сельском рынке труда? Ответ на этот вопрос дает анализ соответствия между уровнем образования сельских работников и их профессионально-квалификационным статусом (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение работников с различным уровнем образования
по профессионально-квалификационным группам, 2015 г.**
(процент по столбцу)

Профессионально-квалификационные группы	Село			Город		
	ВО	СПО	НПО	ВО	СПО	НПО
Руководители	15,0	6,7	2,6	17,2	7,6	2,7
Специалисты высшего уровня квалификации	52,3	4,7	0,4	58,0	5,2	0,5
Специалисты среднего уровня квалификации	11,0	34,6	4,6	10,4	39,6	5,3
Работники, занятые подготовкой информации	2,4	3,7	1,7	2,4	3,8	2,9
Работники сферы обслуживания	6,7	14,6	19,2	5,3	14,6	23,7
Квалифицированные работники сельского хозяйства	3,6	7,0	9,2	0,5	1,0	1,1
Квалифицированные рабочие промышленности	3,1	9,9	20,2	2,5	12,7	31,3
Операторы и машинисты	3,3	10,6	27,5	2,2	9,7	22,4

Профессионально-квалификационные группы	Село			Город		
	ВО	СПО	НПО	ВО	СПО	НПО
Неквалифицированные рабочие	2,6	8,2	14,6	1,5	5,8	10,1
Доля работников с «избыточным» образованием	32,7	35,7	14,6	24,8	29,2	10,1

Полужирным курсивом выделены группы работников, имеющие «избыточный» уровень образования, чей образовательный потенциал соответственно недоиспользуется.

Источник: данные ОНПЗ, 2015 г.; расчеты автора.

Данные, представленные в табл. 5, свидетельствуют о том, что недоиспользуется образовательный потенциал каждого третьего сельского работника, имеющего высшее и среднее профессиональное образование (32,7 и 35,7% соответственно), и 14,6% получивших начальное профессиональное. Данные группы работников занимают рабочие места, требующие формально более низкие уровни профессиональной подготовки, чем они обладают. В целом для более четверти (27,8%) сельского занятого населения, имеющего какое-либо профессиональное образование, оно является «избыточным». Это говорит о невысоком качестве полученного образования и/или о его нерациональном использовании, когда работники, имея определенную профессиональную подготовку, вынуждены заниматься неквалифицированными видами труда.

Вероятность недоиспользования полученного образования у сельских работников выше, чем у городских. Среди последних 22,9%, т.е. почти на 5 п.п. меньше, имеют «избыточное» образование. При этом, чем выше уровень профессионального образования, тем больше различия в его востребованности между городскими и сельскими работниками. Эти различия составляют 7,9 п.п. для выпускников вузов, 6,5 п.п. для получивших среднее профессиональное образование и 4,5 п.п. для окончивших ПТУ. Таким образом, именно сельские работники с высшим образованием имеют максимальный относительный «проигрыш» (с точки зрения востребованности образования), оказываясь в результате в самом невыгодном положении в сравнении со своими городскими коллегами.

Показатели невостребованности высшего и среднего профессионального образования существенно дифференцированы по образовательным специальностям, которые имеют сельские работники (табл. 6). Реже всего занимают позиции, предполагающие более низкие уровни профессиональной подготовки, обладатели медицинских дипломов. Чаще всего сталкиваются с этим работники, получившие социально-

гуманитарное, техническое и аграрное образование. Причем выпускники технических и сельскохозяйственных вузов являются абсолютными лидерами по «движению вниз» по квалификационно-должностной лестнице: каждый пятый (20,2%) селянин, имеющий инженерный диплом, и четверть (27,1%) дипломированных сельскохозяйственных специалистов трудятся на рабочих позициях. Аналогично складывается ситуация и среди работников, получивших среднее профессиональное образование. С одной стороны, только десятая часть выпускников медицинских специальностей занимают позиции, не соответствующие уровню своего образования. На другом полюсе находятся работники, имеющие техническое и сельскохозяйственное СПО: у более половины из них образовательный потенциал недоиспользуется.

Таблица 6

**Доля сельских и городских работников
с «избыточным» образованием
по основным образовательным специальностям, 2015 г.
(в процентах от численности соответствующей группы)**

Образовательные специальности	Работники с «избыточным» ВО		Работники с «избыточным» СПО	
	село	город	село	город
Здравоохранение	11,6	5,5	9,1	4,6
Образование и педагогика	26,5	28,5	15,4	12,7
Экономика и управление	30,8	24,4	21,0	13,2
Гуманитарные и социальные науки	39,2	27,5	23,8	15,1
Техника и технологии	39,1	25,2	56,5	47,8
Сельское хозяйство	43,6	34,3	57,5	48,8
В среднем	32,7	24,8	35,7	29,2

Источник: данные ОНПЗ, 2015 г.; расчеты автора.

По сравнению с работающими в городах для дипломированных сельских работников практически всех образовательных специальностей характерен более высокий уровень невостребованности профессионального образования. Очевидное удивление вызывает тот факт, что шансы занять квалификационно-должностную позицию, соответствующую уровню имеющегося образования, у выпускников вузов и техникумов сельскохозяйственного профиля, живущих в сельских поселениях, значительно меньше, чем у горожан.

Недоиспользование полученного образования может выражаться не только в том, что работники с высоким образованием перемещаются в группы с низкой квалификацией, но и в том, что они трудятся не по специальности, даже оставаясь при этом на «своих» ступенях профессионально-квалификационной иерархии.

Более трети (38,5%) сельских работников, имеющих какое-либо профессиональное образование, сказали, что их работа не имеет связи с полученной профессией. В городах работа чаще связана с профессией по диплому: доля горожан, отрицающих наличие такой связи, составляет 28,0%, т.е. на 10,5 п.п. меньше, чем среди сельских жителей.

Чем ниже уровень профессионального образования, тем больше вероятность отсутствия связи между работой на селе и специальностью, полученной в учебном заведении. О том, что работа не связана с полученной специальностью, говорят почти половина (47,2%) занятых селян, имеющих начальное профессиональное образование, 40,6% — среднее профессиональное и четверть (26,3%) — высшее. Нецелевое использование полученного образования является следствием занятости на рабочих местах, требующих меньшего уровня квалификации. Об отсутствии связи работы с полученным образованием существенно чаще говорят работники, чей образовательный потенциал недоиспользуется (табл. 7).

Таблица 7

**Доля сельских работников, отрицающих связь работы
с полученной профессией, 2015 г.**

(в процентах от численности соответствующей группы)

Образовательная специальность	Работники с ВПО			Работники с СПО		
	все	с оптимальным образованием	с «избыточным» образованием	все	с оптимальным образованием	с «избыточным» образованием
Здравоохранение	5,0	2,0	28,2	16,8	9,6	88,5
Образование и педагогика	19,8	9,2	49,0	32,2	21,2	92,8
Экономика и управление	24,7	10,9	55,5	41,1	28,5	88,3
Гуманитарные и социальные науки	27,4	14,1	47,9	43,1	28,3	90,3
Техника и технологии	32,2	17,2	55,5	46,8	45,1	48,2
Сельское хозяйство	45,6	23,0	75,0	58,3	49,4	65,0
В среднем	26,3	12,5	54,8	40,6	29,1	61,5

Источник: данные ОНПЗ, 2015 г.; расчеты автора.

Как и в случае с «избыточным» образованием, вероятность выполнения работы, не соответствующей полученной профессии, существенно дифференцирована по образовательным специальностям. Абсолютными «лидерами» по доле утверждающих, что их работа не связана с полученной специальностью, являются выпускники вузов и техникумов аграрного профиля (45,6 и 58,3% соответственно). «Неверность» сельскохозяйственному образованию в равной мере проявляют мужчины и женщины всех возрастных групп. Обратим внимание, что сельских жителей, отрицающих наличие связи между выполняемой работой и аграрным образованием, не просто чрезвычайно много (фактически каждый второй!), но среди занятых с высшим образованием даже больше, чем среди горожан (45,6 и 39,3% соответственно), и столько же среди работников с СПО (58,3 и 59,1% соответственно).

Заключение

Проведенный анализ показал, что агрегированное предложение квалифицированного труда, если судить по уровню образования сельской рабочей силы и его динамике, постоянно росло. Этот рост определялся главным образом увеличением численности и доли лиц, имеющих высшее образование. Существенные изменения происходили в структуре предложения. В ней увеличилась доля лиц, имеющих экономико-управленческую и юридическую профессиональную подготовку, и значительно уменьшился удельный вес специалистов, получивших аграрное образование. Эти сдвиги особо ярко выражены в молодых возрастах.

Предложение квалифицированного труда на селе существенно превосходит спрос. При этом темпы роста спроса отстают от темпов роста предложения, в результате разрыв между численностью работников с высшим и средним профессиональным образованием и числом рабочих мест, на которых требуется такой уровень подготовки, увеличивается. Иначе говоря, сельская экономика не генерирует необходимое количество рабочих мест, которое требуется для обеспечения соответствующей работой выпускников вузов и техникумов, численность которых неуклонно растет.

Образование и квалификация сельских работников недоиспользуются; велики масштабы образовательно-профессионального несоответствия. Треть сельских специалистов, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, трудятся на рабочих местах, требующих по крайней мере формально меньшего уровня профессиональной подготовки; столько же занимаются работой, не связанной с полученной специальностью. В наибольшей степени проблемы недоиспользования и нецелевого использования образования касаются тех, кто получил

сельскохозяйственные специальности. По сравнению с сельскими дипломированными работниками, получившими образование по другим направлениям подготовки, они имеют наименьшие шансы удержаться в своей профессионально-квалификационной группе, демонстрируют максимальные показатели нисходящей мобильности как по масштабам, так и по «глубине» спуска вниз, чаще всех отрицают наличие связи между работой и полученной специальностью. Примечательно и отчасти парадоксально, что по всем этим показателям крестьяне с аграрным образованием проигрывают своим городским коллегам, имеющим аналогичное образование.

Полученные результаты ставят под сомнение обоснованность утверждений о дефиците на селе квалифицированных работников. Если и в дальнейшем сохранится тенденция отставания спроса на квалифицированную рабочую силу от ее предложения, то следствием этого станет формирование на селе жестко сегментированного рынка труда. (Заметим в скобках, что в настоящее время мы наблюдаем начало этого процесса.) Такой рынок труда будет располагать ограниченным числом «хороших» рабочих мест — с высокой заработной платой, благоприятными условиями занятости, официально оформленными трудовыми отношениями, возможностями для профессионального развития и карьерного роста. Основная же часть рабочих мест будет «плохими» — с низкими неконкурентными зарплатами, малопривлекательными условиями занятости, неформальными трудовыми отношениями, с практически нулевыми шансами для построения профессиональной и должностной карьеры. При этом возможности для социальной мобильности будут существенно ограничены. Формирование такого рынка труда приведет к значительному увеличению на селе масштабов недоиспользования и нецелевого использования квалифицированной рабочей силы, к росту ее миграции в города, ускоренному старению сельского населения и его депопуляции.

Список литературы

1. *Блинова Т. В., Потапов А. П.* Трудовой потенциал модернизации российского села // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2011. — № 1. — С. 313–323.
2. *Бондаренко Л. В.* Сельский рынок труда: состояние и тенденции // Вестник сельского развития и социальной политики. — 2015. — № 3. — С. 2–10.
3. *Вегрен С., Никулин А.* Аграрные амбиции России и ее скромный сельский человеческий капитал // Экономическая политика. — 2014. — № 3. — С. 7–35.
4. *Капелюшников Р. И.* Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России. Часть 1 // Вопросы экономики. — 2012. — № 2. — С. 52–66.

5. *Капелюшников Р. И.* Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // Вопросы экономики. — 2006. — № 10. — С. 19–40.
6. *Скульская Л. В., Широкова Т. К.* Современные условия развития сельских территорий России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2015. — № 13. — С. 240–260.
7. *Education at a Glance.* — Paris: OECD, 2016.
8. *Hecker D.* Reconciling Conflicting Data on Jobs for College Graduates // Monthly Labor Review. — 1992. — Vol. 115. — No. 7. — P. 3–12.
9. *OECD Skills Outlook 2017. Skills and Global Value Chains.* Paris: OECD, 2017.

The list of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Blinova T. V., Potapov A. P.* Trudovoj potencial modernizacii rossijskogo sela // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. — 2011. — № 1. — P. 313–323.
2. *Bondarenko L. V.* Sel'skij rynek truda: sostojanie i tendencii // Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki. — 2015. — № 3. — P. 2–10.
3. *Vegren S., Nikulin A.* Agrarnye ambicii Rossii i ejo skromnyj sel'skij chelovečeskij kapital // Ekonomičeskaya politika. — 2014. — № 3. — P. 7–35.
4. *Kapelyushnikov R. I.* Spros i predloženie vysokokvalificirovannoj rabočej sily v Rossii. Čast' 1 // Voprosy ekonomiki. — 2012. — № 2. — P. 52–66.
5. *Kapelyushnikov R. I.* Struktura rossijskoj rabočej sily: osobennosti i dinamika // Voprosy ekonomiki. — 2006. — № 10. — P. 19–40.
6. *Skul'skaja L. V., Shirokova T. K.* Sovremennye usloviya razvitiya sel'skih territorij Rossii // Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN. — 2015. — № 13. — P. 240–260.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Мосейко В. В.¹,

Калининградский государственный технический университет
(Калининград, Россия)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИИ: АНАЛИЗ НЕРАВЕНСТВА

В данной статье представлен анализ пенсионного неравенства в системе современного государственного пенсионирования в России. Цель работы — выявить пенсионное неравенство на каждой стадии формирования пенсионного блага и показать связь между пенсионным неравенством и реализацией механизма пенсионных предпочтений в системе государственного пенсионирования. В рамках поставленной цели кратко рассматривается эволюция концепций о социальном неравенстве, изучаются его причины. Автором предложено рассматривать пенсионное неравенство как субъектные дифференциации, возникающие в процессе формирования и получения пенсионного блага. В исследовании анализируются факторы, которые способствуют возникновению деприваций как в процессе формирования пенсионных прав, так и на этапе получения пенсионного блага. В результате проведенного анализа были выявлены многочисленные проявления пенсионного неравенства на разных стадиях пенсионного процесса, а также обнаружена связь между отдельными формами пенсионного неравенства и политикой пенсионных предпочтений. Выводы и предложения, сформулированные в данной работе, могут быть использованы для дальнейшего исследования отдельных аспектов пенсионного неравенства.

Ключевые слова: пенсионирование, пенсионное обеспечение, пенсия, пенсионное благо, неравенство.

PENSION PROVISION IN RUSSIA: THE ANALYSIS OF INEQUALITY

The article provides the analysis of pension inequality in the system of modern state pension provision in Russia. The purpose of work is to reveal pension inequality at each stage of forming pension good and to show the correlation between pension inequality and the implementation of pension preferences mechanism in the system of state pensioning. The paper briefly considers the evolution of social inequality

¹ Мосейко Виктория Владимировна, к.э.н., доцент института финансов, экономики и менеджмента; e-mail: vimoseiko@gmail.com

concepts and studies the reasons for social inequality. The author views pension inequality as the subject differentiations arising in the course of forming and receiving pension good. The research analyzes the factors which entail deprivations both in the course of forming pension rights and receiving pension good. The analysis reveals numerous manifestations of pension inequality at different stages of pension process and identifies the correlation between particular forms of pension inequality and pension preferences policy. The paper offers conclusions and recommendations that can be used for further examination of particular aspects in pension inequality.

Key words: pensioning, pension insurance, pension, pension good, inequality.

Введение

Пенсионные системы, появившиеся в результате поиска возможностей для обеспечения людей с ограниченной трудоспособностью, на современном этапе, кроме прочего, призваны снизить социальное неравенство в обществе за счет улучшения уровня и качества жизни пенсионеров. По мере развития государственных форм пенсионирования произошло усложнение социальной структуры группы пенсионеров. Различия в условиях формирования и получения пенсионного блага определили направления в пенсионной дифференциации и особенностях неравенства пенсионеров.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях разнородных правил российского пенсионирования, сформировавших особую социальную структуру.

Руководствуясь методологией ВОЗ, в рамках данного исследования рассматриваются различные возрастные группы: от 25 до 44 лет — молодая группа, 44–60 лет — средняя группа, 60–75 лет — пожилая группа¹, но с менее жесткими границами, что вызвано особенностями пенсионного процесса: в частности, гендерным отличием пенсионного возраста в Российской Федерации и возможностями досрочного выхода на пенсию.

Цель работы — обнаружить пенсионное неравенство на разных этапах формирования пенсионного блага и выявить связь между пенсионным неравенством и реализацией политики пенсионных привилегий. В рамках поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретические основы социального неравенства; проанализировать государственное регулирование экономики и социальных отношений как одну из причин социального неравенства; выделить

¹ По методологии ВОЗ выделяются следующие возрастные группы: от 25 до 44 лет — это молодой возраст, 44–60 лет — это средний возраст, 60–75 лет — пожилой возраст, 75–90 лет — это старческий возраст, а после 90 — это долгожители.

категорию «пенсионное неравенство» как один из видов социального неравенства и рассмотреть его формы в процессе формирования и получения пенсионного блага с учетом возможностей различных возрастных групп; выявить влияние механизма пенсионных привилегий на формирование пенсионного неравенства.

Теоретические основы социального неравенства

В самом общем виде неравенство означает дифференциацию индивидов и социальных групп из-за неодинакового доступа к ограниченным ресурсам, в качестве которых Э. Гидденс рассматривает материальные ресурсы [Гидденс, 1999, с. 151–179], другие исследователи добавляют к этому ограниченные ресурсы духовного потребления [Шкаратан, 2012, с. 38], среди которых чаще всего называют такие социальные блага, как власть и престиж [Смелзер, 1994, с. 274; Штомпка, 2005, с. 349], степень могущества, престиж профессии, образование, религиозную традицию и принадлежность к определенным родственным или этническим группам [Barber, 1984], конкуренцию между человеческим физическим капиталом и социальным капиталом, взаимодействие семьи и образование [Эспинг-Андерсен, 2008, с. 256].

В условиях разнообразия взглядов на сущность социального неравенства и причин его возникновения появились многочисленные теории социального неравенства. Н. Смелзер выделяет следующие теории неравенства: функционализма, в рамках которых неравенство формируется вследствие выбора рода деятельности, одаренности (Э. Дюркгейм), а также выполнения социальных функций (К. Дэвис, У. Мур); теории конфликта, где конфликт между господствующим и эксплуатируемым классом зависит от преобладания того или иного вида экономической организации (К. Маркс), от тенденции к концентрации власти (Микельс), от характера власти (Дарендорф); а также теории, которые в качестве причин неравенства рассматривают власть, богатство и престиж (М. Вебер), репутацию (Уорнер), власть и привилегии (Трейман) [Смелзер, 1994].

В работах начала XXI в. в качестве источников неравенства стали все чаще называть образование и специфику интеллектуального труда [Кругман, 2009; Иноземцев, 2000; Стиглиц, 2015; Фукуяма, 2007], технологический прогресс [Стиглиц, 2015], смену политического курса [Кругман, 2009; Стиглиц, 2015], глобализацию [Сен, 2004], финансовый сектор [Galbraith, 2012; Стиглиц, 2015] и рассматривать социальное неравенство как явление многофакторное. Так, в качестве ключевых источников современного неравенства в США Дж. Стиглиц выделяет рентоориентированное поведение отдельных хозяйствующих субъектов, поощряемое государством; отраслевые сдвиги и технологические

изменения; глобализацию; снижение количества профсоюзов; экономическую дискриминацию; нестабильность в экономике; недостаточность социальных выплат; безработицу [Стиглиц, 2015].

Найти главную и универсальную причину неравенства невероятно сложно. Не исключено, что с развитием общества будут возникать все новые основания, порождающие социальную дифференциацию.

Государственное регулирование экономики и социальных отношений как причина социального неравенства

Существует два взгляда на влияние государственного регулирования. Первая позиция сводится к недостаточности государственного регулирования и к его неправильной организации (наиболее хорошо развито в трудах кейнсианского направления), вторая — рассматривает государственное управление как вредное с точки зрения деформации процессов, протекающих в социально-экономической сфере (либеральная экономическая мысль).

Один из адептов современного кейнсианства Дж. Стиглиц считает, что неравенство *«в самом широком смысле есть результат политики правительства, которая формирует его посредством технических изменений, а также экономических и политических механизмов»*, и его главным источником *«являются управленческие ошибки в макроэкономике и их последствия»* [Стиглиц, 2015, с. 118].

Справедливости ради следует заметить, что мысли о государстве как инструменте ликвидации бедности и социального неравенства высказывались и в докейнсианскую эпоху. Поиск способов улучшения жизни и быта беднейшего населения привел к формированию концепции социального государства [Назар, 2013], практически воплощенной в моделях государственного устройства послевоенного периода. Важнейшим способом преодоления социального неравенства в социальных государствах стал механизм перераспределения, предполагающий жесткое регулирование труда, социальную защиту и социальное страхование, прогрессивное налогообложение. Большинство современных экономистов считают перераспределительные механизмы объективно необходимыми, что предопределяет популярность социального инжиниринга в вопросах снижения уровня социального неравенства: анализируются отдельные компоненты, связи перераспределения в целях поиска наиболее эффективных моделей. П. Кругман, к примеру, обращает внимание на снижение неравенства в середине XX в. в США благодаря изменившемуся политическому курсу в социальной и налоговой политиках [Кругман, 2009, с. 134]. Дж. Ролз считает справедли-

вым неравенство в заработной плате после уплаты налогов и получения государственных трансфертов в той мере, в какой оно служит наименее обеспеченным [Ролз, 1995]. Эти идеи чрезвычайно популярны и находят свое отражение в рекомендациях для социальной и налоговой политик, регулирования трудовых отношений как за рубежом [Atkinson, 2015], так и в России [Гонтмахер, 2015].

Второй подход апеллирует к негативным последствиям от государственного воздействия. А.Смит, анализируя заработную плату и прибыль, писал о неравенствах, обусловленных самим характером занятий, и неравенствах, вызываемых вмешательством государства [Смит, 1962, с. 88—119]. Причины неравенства, обусловленного влиянием государства, Смит считает более значимыми и называет три способа их возникновения: *«Во-первых, ограничивая конкуренцию в некоторых промыслах меньшим числом людей, во-вторых, усиливая конкуренцию в других промыслах сравнительно с тем, что было бы при естественных условиях; в-третьих, стесняя свободный переход труда и капитала от одного промысла к другому и с одного места в другое»* [Смит, 1962, с. 102]. Подход Смита не утратил своей актуальности и сегодня, однако его «Исследование...» вышло в свет в XVIII в., когда системы социального и в том числе пенсионного обеспечения созданы не были, поэтому его критика относится к государственному регулированию в целом, но не к сфере социальной защиты.

Л. Мизес как один из наиболее ярких критиков социального обеспечения в основном делает акцент на неэффективное использование капитала и ликвидацию системы частных сбережений [Мизес, 2008, с. 789—798]. В период его жизни и творчества системы социального обеспечения лишь только зарождались, и поэтому оценить все аспекты их существования не представлялось возможным. В работах его учеников Ф. Хайека и М. Роттбарда критикуются теории, направленные на достижение равенства, а природа неравенства сводится к естественным причинам [Ротбард, 2010, с. 317; Хайек, 2011, с. 352—354]. М. Фридман ставит под сомнение прогрессивное налогообложение как способ снижения неравенства [Фридман, 2006, с. 199], а также показывает негативные последствия от применения правительством мер социальной политики: введения минимального размера оплаты труда, социального жилищного строительства, страхования по старости [Фридман, 2006, с. 205—224].

На связь между социальным неравенством и политикой welfare state обращает внимание Г. Эспинг-Андерсен: *«A more basic question, it seems, is what kind of stratification system is promoted by social policy. The welfare state is not just a mechanism that intervenes in, and possibly corrects, the structure of inequality; it is, in its own right, a system of stratification»* [Esping-Andersen, 1990, p. 23].

Не ново представление о взаимосвязи неравенства и государственной политики в российской социологической мысли. Рассматривая социальную систему советского общества, О. Шкаратан подчеркивает, что «советская социальная политика в реальности была политикой защиты интересов номенклатуры, хотя внешне эта политика представлялась как политика защиты интересов трудящихся» [Шкаратан, 2012, с. 162]. В. Найшуль, сравнивая «собесовскую» советскую систему и рыночную в США, говорит о значительном превышении неравенства в доходах в СССР, чем в США [Найшуль, 1989].

Анализ неравенства в пенсионных системах типа pay-as-you-go в конце XX — начале XXI в. главным образом сосредоточен на исследовании социальных конфликтов между налогоплательщиками, выгодоприобретателями и будущими поколениями [Котликофф, Бернс, 2005], обусловленных демографическими изменениями второй половины XX в. Дальнейшая эволюция систем пенсионирования вскрывает целый ряд ранее незаметных проблем: одна из них связана с появлением нового вида неравенства среди претендентов на получение государственных пенсий.

Пенсионное неравенство: понятие, формы, причины

Пенсионное неравенство как разновидность социального неравенства возникает в процессе формирования и получения пенсионного блага (пенсионный процесс) и сводится к субъектным дифференциациям в результате приобретения пенсионных прав и впоследствии пенсионных благ. Под пенсионным благом понимается вся совокупность денежных выплат, товаров и услуг, получаемых в рамках действующей пенсионной системы индивидом в связи с приобретением статуса «пенсионер». Наиболее распространенной формой пенсионного блага в практике современных государств является пенсия [Мосейко, 2009].

Неравенство может быть представлено в разных формах. О. Шкаратан предлагает рассматривать его в аналогичных формах, присущих равенству, а именно: 1) равенство/неравенство личностное; 2) равенство/неравенство возможностей достигнуть желаемых целей (равенство шансов); 3) равенство/неравенство условий жизни (благосостояние, образование и т.д.); 4) равенство/неравенство результатов [Шкаратан, 2012, с. 38]. В экономической литературе рассматриваются и другие формы неравенства, например, неравенство уязвимости (*vulnerability*), неравенство в рамках жизненного курса (*life course prospective*) и т.д. Наиболее популярен анализ неравенства благосостояния, измеряемого посредством доходов и расходов (потребления).

Приобретение пенсионного блага длительно: в страховых пенсионных системах оно возникает с момента начала трудовой деятельности в легальном секторе экономики и уплаты налогов [Pension at a Glance...,

2015], благодаря чему формируются пенсионные права и пенсионный капитал, необходимые для получения пенсионного блага в будущем.

«Зарабатывание» пенсии включает в себя следующие стадии: первичный выход на рынок труда и трудовая деятельность; получение пенсионных прав, минимально необходимых для получения конкретного вида пенсионного блага в будущем (например, выработка льготного стажа); получение пенсионного блага и его улучшение при имеющихся возможностях (увеличение размера фиксированной выплаты при достижении возраста 80 лет, перерасчет для работающих пенсионеров, индексация и т.д.).

Первичный выход на рынок труда происходит в молодом возрасте, в среднем возрасте приобретаются пенсионные права при осуществлении трудовой деятельности, и, наконец, в пожилом возрасте достигается сама возможность получения пенсионного блага.

Таблица 1

Пенсионный процесс формирования и получения пенсионного блага

Этапы приобретения пенсионного блага	Возрастные категории	Проявления неравенства в процессе приобретения пенсионного блага
Первичный выход на рынок труда и трудовая деятельность	25–44	Возможность трудоустройства в легальном секторе экономики Возможность трудоустройства с высоким уровнем дохода
Получение пенсионных прав в рамках трудовой деятельности, минимально необходимых для получения конкретного вида пенсионного блага в будущем	44–60	Приобретение преференций для получения в дальнейшем пенсионного блага
Получение пенсионного блага и его улучшение при имеющихся возможностях	От 60	Дифференцированный пенсионный возраст

Источник: составлено автором.

В большинстве случаев первичное трудоустройство возникает до 25 лет во время или сразу после окончания учебы. В разных странах обнаруживаются особенности трудоустройства, обусловленные культурными и образовательными стандартами. В XX в. наметилась тенденция увеличения периода обучения: люди пытаются получить хорошее образование и для этого затрачивают гораздо больше времени, чем раньше [Becker, 1962]. Отсюда, средний возраст выхода на рынок труда также увеличивается. В России окончание школы происходит в 16–18 лет, после чего в большинстве случаев обучение продолжается в колледжах или вузах до 20–23 лет. В 2014 г. на долю лиц, не достигших 20-летнего возраста, приходилось только 0,8% в общей возрастной структуре за-

нятости; на долю лиц до 25 лет — 8,5%; от 25 до 44 лет — 52,4% [Труд и занятость, 2015, с. 26]. В 2014 г. 31,5% занятых имели высшее образование, в то время как в 2005 г. их доля была 25,3% [Труд и занятость, 2015, с. 31].

В целях формирования пенсионных прав важно наличие рабочих мест в легальной экономике, их отсутствие предопределяет неравенство возможностей в трудоустройстве. Учитывая размер неформального сектора, его региональные особенности, а также структурные характеристики, можно обозначить основные параметры неравенства возможностей на начальном этапе формирования пенсионного блага в зависимости от места жительства и выбора рода деятельности. Так, по данным [Сонина, Цепляева, 2014], в 2013 г. численность занятых в неформальном секторе экономики составила 16 млн чел. и неравномерно распределилась в регионах (например, в Санкт-Петербурге теневая занятость охватывала 2,2% от занятого населения в этом регионе, в Москве — 3,7%, наибольшее значение теневой занятости (40%) на Северном Кавказе) и отраслях (торговля, с/х, строительство представлены наибольшей долей неформальной занятости).

Не менее важным условием формирования пенсионного блага является уровень дохода, который во многих концепциях социального неравенства рассматривается в качестве основного фактора [Rothman, 1999]. В Российской Федерации пик дохода приходится на возраст 30 лет, далее доход начинает снижаться, при этом максимальный уровень зарплаток россиян превосходит показатель возрастной группы 15–20 лет всего в полтора раза [Косова, 2015]. В условиях высокого уровня неравенства по доходам (коэффициент фондов в 2014 г. в Российской Федерации составил 16, а коэффициент Джинни — 0,416 [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 158]) существуют профессиональные и возрастные группы с различным уровнем возможностей формирования пенсионных прав. Отдельного внимания заслуживает широкая распространенность занятости в госсекторе (27,6% занятых в экономике работают в организациях государственной или муниципальной форм собственности [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 111]), где государство-работодатель устанавливает нормативы доходов и тем самым определяет ориентиры социальной структуры класса бюджетников.

В средней возрастной группе (44–60 лет) происходит окончательное формирование пенсионных прав: выработка минимально необходимого страхового стажа, накопление пенсионных баллов, достижение пенсионного возраста и, возможно, приобретение пенсионных преференций: профессиональных — за особые условия труда или статусных — привилегии за социальное положение.

Пенсионные льготы формируют так называемый институт досрочных пенсий. Многие эксперты называют этот институт в современ-

ном пенсионировании проблемным и отмечают несправедливость его устройства [Синявская, 2005; Малева, Синявская, 2005]. Проведенные в нашей стране исследования показывают, что далеко не во всех случаях, предполагающих досрочный выход на пенсию, наблюдается снижение трудоспособности из-за условий труда или жизнедеятельности. По данным ПФР, в 2010 г. свыше 73% получателей досрочных пенсий, не достигших общеустановленного пенсионного возраста, продолжали работать, причем 3/4 — на тех же рабочих местах. Известно также, что в 2010 г. 30% новых назначений пенсий составляли досрочные пенсионеры по старости, а средний фактический пенсионный возраст в 2011 г. составил у мужчин 53,7 лет, а у женщин — 52,5 года [Синявская, 2014].

Современные правила досрочного пенсионирования способствуют формированию неравенства возможностей и активно закрепляют его в средней возрастной группе (45–60 лет), когда пенсионные льготы становятся выгодоприобретателями. Благодаря дополнительному доходу в активной фазе своего жизненного цикла у них появляются большие возможности для формирования и модернизации личностных стратегий активного долголетия, которые могут предусматривать дополнительный отдых, смену деятельности, переезд и т.д. Институт досрочных пенсий, таким образом, формирует не только неравенство возможностей, но и неравенство в рамках жизненного курса.

Более того, функционирование института досрочных пенсий порождает так называемый эффект Матфея [Merton, 1996], суть которого сводится к тенденции роста привилегий и углублению дискриминации: появившись однажды, преференции сохраняются на длительные годы. А поскольку сокращение сословных привилегий часто бывает непопулярно в социальной среде и рискованно для политической карьеры, то при одновременной ограниченности финансовых ресурсов, усугубляющейся в периоды экономических спадов, происходит ухудшение положения остальных групп пенсионеров.

Переход в категорию пенсионеров в возрастной группе 45–60 лет сопряжен не только с досрочным выходом на пенсию, но и с гендерными различиями в пенсионном возрасте, вызывающими пенсионное неравенство возможностей. Среди экспертов нет однозначного мнения по поводу справедливости применения пониженного пенсионного возраста для женщин. В качестве оправдывающего аргумента рассматривают двойственность социальной роли женщины-матери и женщины-работника [Захаров, Тучкова, 2002, с. 210–211], критикуя, приводят данные о более высокой продолжительности жизни женщин в сравнении с мужчинами (ожидаемая продолжительность жизни при рож-

дении в 2014 г. для женщин составила 75,43 года, для мужчин — 64,07 [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 90]).

Отсрочка пенсионного возраста, введенная в 2015 г., вряд ли повлияет на снижение пенсионного неравенства, вызванного досрочными пенсиями и более ранним выходом на пенсию для женщин, поскольку, во-первых, эта мера, вероятно, не будет популярной [Мосейко, Фролова, 2016], а во-вторых, точка отсчета определяется дифференцированным пенсионным возрастом.

Большинство в группе пожилых (от 60 лет) являются получателями пенсионного блага, поэтому пенсионное неравенство приобретает здесь новые формы.

Таблица 2

**Основные формы пенсионного неравенства
в группе пожилых пенсионеров**

	Основные формы пенсионного неравенства			
	неравенство возможностей	неравенство в доходах	неравенство в рамках жизненного курса	неравенство в потреблении
Проявления пенсионного неравенства	Дифференцированный пенсионный возраст Досрочные пенсии	Средний размер отдельных видов пенсий Ограничение максимального размера пенсии	Молодые пенсионеры благодаря более раннему выходу на пенсию приобретают возможность изменить свою жизнь (смена работы, использование пенсии как дополнительного дохода)	Возможно при выходе на пенсию пенсионеры из сельских мест, благодаря личному подсобному хозяйству имеют более высокий уровень потребления продуктов питания, а вот городские пенсионеры лучше обеспечены услугами (например, медицинскими)

Источник: составлено автором.

Одной из наиболее очевидных форм неравенства в группе пожилых является пенсионное неравенство в доходах. В его рамках выделяется широкий спектр вопросов, среди них неравенство в доходах в трудовой и нетрудовой периоды; неравенство в размере пенсии между российскими и зарубежными пенсионерами; неравенство среди получателей разных видов пенсионного обеспечения; неравенство между пенсионерами, получающими страховые пенсии и социальные пенсии; бед-

ность российских пенсионеров как нижняя часть распределения пенсионных доходов и др.¹.

Относительный уровень пенсионных доходов оценивается через коэффициент замещения (соотношение средней пенсии и средней заработной платы), который по международным стандартам должен составлять не менее 40%. В 2002 г. коэффициент замещения составлял 31,6%, в 2003 г. — 29,8% и с тех пор ежегодно снижался вплоть до 2008 г., когда он составил 24,3%, начиная с 2009 г. коэффициент замещения начал заметно расти (27,9%) [Российский статистический ежегодник, 2010, с.181] и достиг 35,7% в 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149]. Впоследствии коэффициент замещения продолжил падение (33,2% в 2014 г. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149]), демонстрируя неравенство доходов в трудовом и пенсионном периодах.

Более детальный анализ системы пенсионного обеспечения выявляет множество проявлений неравенства доходов по разным видам пенсионного обеспечения: например, средний размер пенсии по старости в 2014 г. составил 11 569 руб., в то время как средний размер пенсии для государственных гражданских служащих в тот же период составил 15 550 руб. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 150].

В ряде случаев, напротив, обнаруживается равенство в доходах или по крайней мере приближение к нему, однако за уравниванием в доходах скрываются другие формы неравенства, главным образом связанные с реализацией потенциальных возможностей и соответственно жизненного курса.

Начиная с 2010 г. в России применяется практика, согласно которой пенсии не могут быть ниже установленного прожиточного минимума в регионе. При назначении пенсии с размером ниже прожиточного минимума пенсионеру полагается доплата до установленного размера. Эта мера приводит к амбивалентным последствиям. С одной стороны, реализуются идеи социальной справедливости: пенсия, действительно, не должна быть ниже прожиточного минимума. С другой стороны, доплаты до минимального порогового уровня зачастую создают ситуации, когда размер пенсионной выплаты ранее не работавшего пенсионера незначительно отличается от размера пенсии имеющего длительный период трудового/страхового стажа.

Подобного рода несправедливость проявляется в конкретных примерах. Однако ее можно проиллюстрировать через количественное соотношение прожиточного минимума пенсионера, соответствующего, по сути, минимальному размеру пенсии, и средним размером пенсии.

¹ Следует иметь в виду, что наш анализ сосредоточен исключительно на пенсионных доходах пенсионеров, зарегистрированных в системе ПФР.

**Соотношение среднего размера назначенных пенсий
с величиной прожиточного минимума пенсионера, %**

Годы	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера, %	97,8	165,4	163	176,5	165,4	163

Источник: [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149].

Из таблицы видно, что в 2005 г. размер средней пенсии соответствовал прожиточному минимуму пенсионера (ПМП), а в настоящий момент превышает ПМП чуть более чем в 1,5 раза.

При решении одних проблем по устранению неравенства между отдельными социальными группами одновременно порождаются социальные конфликты другого качества, сопряженные с новыми проявлениями социального неравенства. Так, введение с 2015 г. минимального уровня пенсионных коэффициентов потенциально создает ситуацию, когда, достигнув пенсионного возраста и при наличии минимально необходимого страхового стажа, не будет накоплено необходимое количество баллов, что означает отказ в назначении пенсии [Мосейко, Фролова, 2016] и формирование социальной структуры в группе пожилых. Новые правила индексации пенсии, распространяющиеся только на неработающих граждан, формируют пенсионное неравенство возможностей между работающими и неработающими пенсионерами.

Еще одна значимая форма неравенства — это неравенство в потреблении. Анализируя потребление, важно понять, как меняется его структура при выходе на пенсию и далее при переходе из группы пожилых (60–75 лет) в старческую группу (75–90 лет) и старше. Многочисленные исследования по странам мира, как правило, подтверждают факт снижения потребления при выходе на пенсию [Ниворожкина и др., 2010]. Однако разумно полагать, что имеется существенная разница в потреблении работающих и неработающих пенсионеров (есть данные по снижению потребления на 20,6% для лиц, вышедших на пенсию и прекративших трудовую деятельность [Ниворожкина и др., 2010]); пенсионеров в пожилой и старческой возрастных группах в силу естественного старения и вследствие этого изменения структуры интересов и потребностей.

Динамика реальных доходов пенсионеров изменяет объемы и структуру потребления. Реальный размер назначенных пенсий начал снижаться с 2011 г., в 2014 г. составил 100,9% к предыдущему году [Рос-

сийский статистический ежегодник, 2015, с. 149] и привел к снижению потребления для тех пенсионеров, у которых пенсия является единственным или основным источником дохода. С другой стороны, снижение реальных доходов часто сопровождается изменением жизненного курса человека: в целях удовлетворения базовых потребностей начинают создаваться или активнее разрабатываться личные подсобные хозяйства (ЛПХ). И в этой связи уровень потребления продуктов питания у пенсионеров, имеющих ЛПХ, может быть значительно выше.

Эксперты в области геронтологии в последнее время говорят о низком стандарте потребления пожилых лиц в России в сравнении с современными стандартами потребления: речь идет о доступности социальной инфраструктуры. При этом в ряде исследований подчеркивается возрастающий уровень депривации в связи с инвалидностью, переходом из одной возрастной группы в другую, безработицей, проживанием в сельской местности.

Таким образом, на каждом из этапов пенсионного процесса, который в данной работе рассматривается в соответствии с возрастными группами 25–44 года, 44–60 лет, 60–75 лет, как при формировании пенсионных прав, так и при непосредственно получении пенсионного блага наблюдается пенсионное неравенство, вызванное разнообразными причинами.

Одним из источников пенсионного неравенства является пенсионная политика, в рамках которой происходит воздействие на социальную структуру занятых в экономике (будущих пенсионеров) и выгодоприобретателей (пенсионеров). Наиболее отчетливым примером проявления пенсионного неравенства вследствие пенсионной политики является неравенство из-за пенсионных привилегий по гендерному принципу, профессии, статусу.

Заключение

Феномен социального неравенства волновал экономистов с самого зарождения экономической науки. Многочисленные работы рассматривают те или иные аспекты социального неравенства. Однозначного ответа на вопрос, каковы истинные причины неравенства, нет до сих пор. В качестве основ социального неравенства выдвигаются самые разнообразные основания.

Государственное регулирование экономики рассматривается как одна из причин социального неравенства еще со времен Адама Смита. Им было положено начало рассмотрению негативного влияния государства на социальное неравенство. Впоследствии такой подход был развит в работах других представителей экономической мысли. Противоположная позиция, напротив, вызывает к недостаточности го-

сударственного вмешательства в социально-экономическую сферу: усиление позиций государства в регулировании социальных отношений может способствовать сокращению социального неравенства.

Одним из видов социального неравенства является пенсионное неравенство, которое представляет собой дифференциации в различных возрастных группах, возникающие в рамках пенсионного процесса при формировании и получении пенсионного блага. Пенсионное неравенство может быть представлено в тех же формах, что и социальное неравенство.

В ходе проведенного исследования пенсионного неравенства в системе государственного пенсионного страхования была обнаружена связь между политикой преференциального пенсионного обеспечения и возникновением пенсионного неравенства возможностей, жизненного курса и доходов, главным образом в средней возрастной группе.

Список литературы

1. *Гонтмахер Е.* Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 68–81.
2. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
3. *Захаров М. Л., Тучкова Э. Г.* Право социального обеспечения: Учебник. 2-е изд., испр. и перераб. — М.: Издательство БЕК, 2002. — 560 с.
4. *Иноземцев В.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 67–77.
5. *Косова Л.* Третий возраст: социальное самочувствие // Демоскоп Weekly. — 2015. — № 667–668. [Электронный ресурс]. Возрастная кривая дохода. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php> (дата обращения: 13.06.2016).
6. *Котликофф Л., Бернс С.* Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 348 с.
7. *Кругман П.* Кредо либерала / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В. Л. Иноземцева. — М.: Изд-во «Европа», 2009. — 368 с.
8. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы / Серия «Аналитические доклады НИСП». — М.: Поматур, 2005. — 76 с.
9. *Мизес Л. Фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2008. — 878 с.
10. *Мосейко В. В., Фролова Е. А.* Институциональные инновации российского пенсионного обеспечения и их влияние на пенсионные стратегии индивидов // Вестник УрФу. — 2016. — № 2. — С. 277–296.

11. *Мосейко В. В.* Пенсия в условиях современной социально ориентированной рыночной экономики // Вестник ТГУ. — 2009. — № 318. — С. 173–175.
12. *Назар С.* Путь к великой цели: история одной экономической идеи / Пер. с англ. А. Сатунина, Н. Шаховой. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 704 с.
13. *Найшуль В.* Проблемы создания рынка в СССР // Постигение. — М.: Прогресс. 1989. — 592 с.
14. *Ниворожская Л. И., Ниворожский А. М., Абазиева К. Г.* Модель разрывной регрессии как инструмент оценки изменений в потреблении при выходе на пенсию // Прикладная эконометрика. — 2010. — № 3. — С. 112–126.
15. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 813 с.
16. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. / Росстат. — М., 2015. — 728 с.
17. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Науч. ред. и пер. с англ. В. В. Целищева. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. — 536 с.
18. *Роттбард М.* Власть и рынок / Пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. — Челябинск: Социум, 2010. — 418 с.
19. *Сен А. К.* Развитие как свобода. — М.: Новое издательство, 2004. — С. 432.
20. *Синяевская О.* Выигравшие и проигравшие в новой пенсионной реформе. Самые интересные доклады XV Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ, 2014. URL: <http://www.opes.ru/1686807.html> (дата обращения: 10.12. 2015).
21. *Синяевская О.* Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. — 2005. — № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (дата обращения: 24.06.2016).
22. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
23. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962.
24. *Сонина Ю., Цепляева Ю.* Россия: неформальная занятость как новый феномен. 27 февраля 2014. Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analitics/2014/neformaltrudF.pdf> (дата обращения: 12.07.2016).
25. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. — М.: Эксмо, 2015. — 291 с.
26. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — 274 с.
27. *Фридмен М.* Капитализм и свобода / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2006. — 420 с.
28. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2007. — 588 с.
29. *Хайек Ф.* Либерализм / Индивидуализм и экономический порядок. — С. 352–354 / Пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшников. — Челябинск: Социум, 2011. — 394 с.
30. *Шкаратан О.* Социология неравенства. Теория и реальность // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

31. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
32. *Эспинг-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 241–266.
33. *Atkinson A. B.* Inequality, What Can Be Done? — Harvard University Press, 2015. — 400 p.
34. *Barber B. R.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. — University of California Press, 1984. — 320 p.
35. *Becker G.S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70. — No. 5. — Part 2. — P. 9–49.
36. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 34 p.
37. *James K. Galbraith,* Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just before the Great Crisis. — New York: Oxford University Press, 2012. — 336 p.
38. *Merton R. K.* The Matthew Effect // R. K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Szotompa. — Chicago: The University of Chicago Press, 1996. — P. 318–338.
39. Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators. Available at: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/8115201e.pdf?expires=1473876367&id=id&accname=guest&checksum=8D9E746ACAD25304E2212988DE068FCF> (Retrieved: 15.08.2015).
40. *Rothman R. A.* Inequality and Stratification: Race, Class & Gender. — Prentice-Hall, 1999–XIII.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gontmakher E. Sh.* Rossiiskie sotsial'nye neravenstva kak faktor obshchestvenno-politicheskoi stabil'nosti (Russian social inequalities as a factor of public-political stability) // Voprosy ekonomiki. — 2013. — № 4. — S. 68–81.
2. *Giddens A.* Sociologija / Per. s angl.; nauch. Red. V.J. Jadov; obshh. red. L. S. Gur'jevoj, L. N. Posilevicha. — M.: Jeditorial URSS, 1999. — 703 s.
3. *Zaharov M. L., Tuchkova J. G.* Pravo social'nogo obespechenija: Uchebnik. 2 izd., ispr. I pererab. — M.: Izdatel'stvo BEK, 2002. — 560 s.
4. *Inozentsev V.* «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshhestve // Sociol. Issled. — 2000. — № 6. — S. 67–77.
5. *Kosova L.* Tretij vozrast: social'noje samochuvstvie // Demoskop Weekly. — 2015. № 667–668. [Electronyj resource]. Vozrastnaja krivaja dohoda. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php> (Retrieved: 13.06.2016).
6. *Kotliroff L., Berns S.* Pensionnaja sistema pered burej: To, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushhem svyjtj strany. — M.: Al'pina Biznes Buk, 2005. — 348 s.
7. *Krugman P.* Kredo liberal // Centr issleovanij postindustrial'nogo obshhestva; Vstup. stat'ja V. L. Inozemceva. — M.: Izd-vo «Evropa», 2009. — 368 s.

8. *Maleva T. M., Siniavskaja O. V.* Pensionnaia reforma v Rossii: istoriia, rezul'taty, perspektivy [Pension reform in Russia: history, results, prospects]. Seria «Analiticheskie doklady NISP». — M.: Poma-tur Publ., 2005. — 76 s. (In Russian).
9. *Mizes L. Fon.* Chelovecheskaja deatel'nost': tractat po ekonomicheskoi teorii / Per. s 3 ispr. angl. izd. A. V. Kurjaeva. — Cheljabinsk: Socium, 2008. — 878 s.
10. *Moseiko V. V., Frolova E. A.* Institucional'nye innovacii rossijskogo pensionnogo obespechenia I ih vliianie na pensionnye strategii individov // Vestnik UrFU. — 2016. — № 2. — S. 277–296.
11. *Moseiko V. V.* Pensija v uslovijah sovremennoj social'no orientirovannoj jekonomiki // Vestnik TGU. — 2009. — № 318. — S. 173–175.
12. *Nazar S.* Put' velikoi celi: istorija odnoj jekonomicheskoi idei/per. s angl. A. Satunina, Y. Shahooj. — M.: AST: CORPUS, 2013. — 704 s.
13. *Najshul V.* Problemy sozdaniia rynka v SSSR // Postihenie. — M.: Progress, 1989. — 592 s.
14. *Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Abazieva K. G.* Model razryvnoi regressii kak instrument oenki izmenenij v potrblenii pri vyhode na pensiju // Prikladnaja jekonometrika. — 2010. — № 3. — S. 112–126.
15. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2010: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2010. 813 s.
16. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2015: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2015. 728 s.
17. *Rolz Dzh.* Teoriia spravedlivosti / Nauch. red. i per. s angl. V. V. Celihheva. — Novosibirsk: Idatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1995. — 536 s.
18. *Rottbard M.* Vlast i ryok / Per. s angl. B. S. Pinskner po red. Gr. Sapova. — Cheljabinsk: Socium, 2010. — 418 s.
19. *Sen A. K.* Razvitie kak svoboda. — M: Novoe izdatel'stvo, 2004. — 432 s.
20. *Sinjavskaja O.* Vyigraevshie i proiravshie v novoi pensionnoi reforme. Samye intersnyje doklady XV Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. URL: <http://www.opec.ru/1686807.html> (Retrieved: 10.12.2015).
21. *Sinjavskaja O.* Kaka povyshat pensionnyj vorast v Rossii // Otechestvennye zaiski. — 2005. — № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (Retrieved: 24.06.2016).
22. *Smelzer N.* Sociologia: per. s angl. — M.: Feniks, 1994. — 688 s.
23. *Smit A.* Issledovanie o prirode I prichinah bogatstva narodov. — M.: Socjkgiz, 1962.
24. *Sonina J., Cepljaeva J.* Rossija: neformal'naja zanjatost' kak novyj fenomen. 27 fevralja 2014. Centr makrojekonomicheskikh issledovanij Sberbanka Rossii. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (Retrieved: 12.07.2016).
25. *Stiglic Dzh.* Cena neravenstva. Chem rassloeie obshhestva grozit nashemu budushemu. — M.: Jeksmo, 2015. — 291 s.
26. Trud b zanjatost' v Rossii. 2015: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2015. — 274 s.
27. *Fridmen M.* Kapitalizm i svoboda / Per. angl. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. — 420 s.
28. *Fukujama F.* Konec istorii I poslednij chelovek / Per. s angl. M. B. Levina. — M.: AST, 2007. — 588 s.

29. *Hajek F.* Liberalism / Individualism i jekonomicheskij porjadok. S. 352–354 / Per. s angl. O. A. Dmitrievoy pod red. R. I. Kapeljushnikova. — Cheljabinsk: Socium, 2011. — 394 s.
30. *Skaratan O.* Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost' // Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». — M.: Izd. dom vysshej shkoly, 2012. — 512 s.
31. *Shtompka P.* Sociologia. Analiz sovremennogo obshhestva / Per. c pol'sk. S. M. Chervonnoj. — M.: Logos, 2005. — 664 s.
32. *Jespersen G.* Dva obshhestva, odna sociologija i nikako teorii // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. — 2008. — T. 6. — № 2. — S. 241–266.

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

Жабина С. А.¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАНАЛА БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ

В статье на основе квартальных балансовых данных по российским банкам за 2010–2016 гг. с использованием динамических панельных регрессий было проанализировано влияние инструмента денежно-кредитной политики Банка России на кредитный портфель банков. Особое внимание уделялось индивидуальным банковским характеристикам, определяющим реакцию кредитного портфеля банков на изменения денежно-кредитной политики. В результате был выявлен работающий канал банковского кредитования в России, причем степень изменения кредитного портфеля банков в ответ на изменения инструмента монетарной политики зависит от уровня ликвидности, размера банка и наличия привлеченных средств от Банка России в пассивах.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, канал банковского кредитования, динамические панельные регрессии.

ECONOMETRIC ANALYSIS OF BANK LENDING CHANNEL EFFICIENCY IN RUSSIA

The paper investigates the relationship between monetary policy indicator and bank lending in Russia using dynamic panel regressions and quarterly banks' balance sheets data for the period of 2010–2016. The main purpose of the paper is to identify bank characteristics, which determine the reaction of bank lending to monetary policy shocks. The results support the existence of a bank lending channel of monetary transmission. The extent to which banks change lending in response to monetary policy changes depends on banks' liquidity, size and refinancing from the central bank.

Key words: monetary policy, bank lending channel, dynamic panel regressions.

Введение

Помимо воздействия на экономику через процентные ставки и валютные курсы денежно-кредитная политика также оказывает влияние

¹ Жабина Светлана Александровна, аспирант экономического факультета; e-mail: sa.zhabina@gmail.com

на кредитную активность. Со стороны предложения на кредитном рынке ужесточение монетарной политики приводит к тому, что банки сокращают свой кредитный портфель [Peek, Rosengreen, 1995]. В соответствии с традиционной концепцией работы кредитного канала [Bernanke, Blinder, 1988] ограничительная денежно-кредитная политика посредством продаж на открытом рынке приводит к сокращению банковских резервов и, как следствие, к уменьшению объемов депозитов, которые могут привлечь кредитные организации (эффект денежного мультипликатора). Располагая меньшим количеством депозитов, банки обладают меньшим объемом средств, которые они могут выдавать в качестве кредитов. Тогда заемщики, зависящие от банковских кредитов, не получают необходимые средства для совершения запланированных покупок. В результате этого падают расходы, что ведет к сокращению совокупного спроса и падению экономической активности.

В настоящее время проведение монетарной политики непосредственно предполагает контроль над краткосрочными процентными ставками, тем самым перестает прослеживаться прямая связь между уровнем банковских резервов и денежно-кредитной политикой. Следовательно, сложно выделить причинно-следственную связь между резервами и банковским кредитованием. Альтернативное объяснение механизма канала банковского кредитования представлено в работе [Disyatat, 2011]. Ужесточение монетарной политики приводит к росту процентных ставок на денежном рынке, что увеличивает для банков стоимость привлечения дополнительных средств, тем самым растет чувствительность кредитного портфеля банков к их балансовым характеристикам (к примеру, к капиталу).

На сегодняшний день в отечественной экономической литературе особенности функционирования канала банковского кредитования недостаточно изучены по сравнению с основными аспектами традиционных каналов процентной ставки и валютного курса.

Решения Банка России, способствующие достижению заявленных целей монетарной политики, должны разрабатываться с учетом работающих каналов передачи. Вопрос о наличии действующего канала банковского кредитования в России остается нерешенным. Преимущественно эконометрические исследования по данной проблематике основывались на данных за период, предшествующий мировому финансовому кризису 2008–2009 гг., и при этом не было выявлено значимого влияния монетарной политики ЦБ на кредитный портфель банков [Дробышевский и др., 2002; Дробышевский и др., 2008; Соколов, 2009; Леонтьева, 2012]. Поэтому особый интерес представляет посткризисный период, в том числе в связи с произошедшими изменениями в денежно-кредитной политике и структуре банковской системы. Кроме того, недостаточно разработанным является вопрос о том, за счет каких

особенностей отдельные банки способны смягчать негативный эффект со стороны ограничительной монетарной политики на кредитование.

Статья имеет следующую структуру. В первой части рассматриваются существующие подходы к оценке работоспособности канала банковского кредитования, определяются банковские показатели, релевантные при анализе воздействия денежно-кредитной политики на величину кредитования нефинансового сектора. Во второй части статьи приводятся методология исследования и описание используемых данных. В третьей части анализируется работоспособность канала банковского кредитования в России, а также выявляются различия в реакции кредитного портфеля банков на изменения монетарной политики в зависимости от индивидуальных банковских характеристик. В четвертой части представлены основные выводы, полученные в результате эконометрического моделирования.

Эмпирические исследования, анализирующие работу канала банковского кредитования

Канал банковского кредитования с точки зрения балансов банков предполагает уменьшение предложения кредитов в результате ужесточения монетарной политики. Однако банки, обладающие достаточным запасом ликвидных активов и имеющие доступ к недепозитным источникам финансирования, способны не допустить сильного сокращения кредитного портфеля при ужесточении монетарной политики, привлекая дополнительные средства или продавая имеющиеся ликвидные активы.

Существует два самых распространенных подхода к анализу работоспособности канала банковского кредитования: подход, предполагающий построение векторных авторегрессий на макроэкономических данных, и микроэкономический подход.

Построение векторных авторегрессий осуществлялось, к примеру, в работах [Дробышевский и др., 2002; Дробышевский и др., 2008; Virmani, 2004]. Как правило, данный подход предполагает использование следующих переменных: доля кредитов нефинансовому сектору в совокупных активах банковского сектора, инструмент монетарной политики, выпуск, уровень цен. Эффективность канала банковского кредитования определяется наличием значимых откликов доли кредитов в совокупных активах банковского сектора на шок инструмента денежно-кредитной политики и выпуска на шок переменной, отвечающей за канал банковского кредитования.

Микроэкономический подход предполагает использование не агрегированных данных по всему банковскому сектору, а данных по каждому отдельному банку. Наиболее цитируемой работой, в которой ис-

следуется эффективность канала банковского кредитования с помощью микроэкономического подхода, является статья [Kashyap, Stein, 2000]. В данной работе, используя данные по кредитным организациям США, авторам удалось выявить работающий канал банковского кредитования, а также эффект ликвидности. Суть эффекта ликвидности заключается в том, что при ограничительной монетарной политике растет чувствительность кредитного портфеля мелких банков к имеющимся в их распоряжении ликвидным активам. При этом авторы определили, что канал банковского кредитования не работает через крупные банки, так как они обладают широкими возможностями для привлечения финансирования, а следовательно, их кредитный портфель в меньшей степени зависит от шоков монетарной политики, несмотря на ликвидную позицию.

В работе [Gambacorta, 2001] на основе построения динамической панельной регрессии по данным отдельных банков Италии, автор пришел к выводу о существовании действующего канала банковского кредитования. Кроме того, он добавил в анализ не только показатель ликвидности банка, как это было сделано в работе [Kashyap, Stein, 2000], но и показатель капитализации банка, а также размер (отношение активов банка к совокупным активам банковского сектора).

Были получены следующие результаты. Изменение объема кредитов в результате изменения процентной ставки не зависит, как оказалось, от размера банка, что противоречит выводам работы [Kashyap, Stein, 2000]. Данный результат может быть объяснен наличием тесных взаимоотношений между мелкими фирмами и мелкими банками. Выгоды от сотрудничества создают стимулы для банков сглаживать ограничительное воздействие монетарной политики на кредиты. Кроме того, длительные партнерские отношения между фирмами и банками позволяют последним получить больше информации о платежеспособности их заемщиков, тем самым увеличивая стимулы к продолжению финансирования фирм.

Для менее ликвидных банков негативный эффект от ужесточения монетарной политики оказывается сильнее, чем для ликвидных банков.

Капитализация банков оказалась незначимой. По мнению авторов, это связано с тем, что мера, используемая для расчета капитализации (отношение капитала к активам), не отражает структуру портфеля банка или же его рисковые характеристики.

В работе [Kashyap, Stein, 2000] авторы установили, что кредитный канал работает преимущественно за счет балансов мелких банков. Однако в работе [Cetorelli, Goldberg, 2012] с помощью дополнительного разделения крупных банков на глобальные (те, у которых есть филиалы или дочерние компании в зарубежных странах) и неглобальные, был получен значимый результат и для крупных банков. Авторам удалось вы-

явить связь между эффективностью монетарной политики и банковской глобализацией. В данной работе авторы переопределили механизм канала банковского кредитования: глобальный банк может нивелировать воздействие первоначального шока монетарной политики за счет привлечения средств от своих дочерних банков и филиалов, находящихся за рубежом. Авторам удалось по-прежнему выявить работающий канал банковского кредитования в США, а также подтвердить гипотезу о том, что крупные неглобальные банки в меньшей степени способны противостоять шокам монетарной политики.

Микроэкономический подход был применен и в работе [Дробышевский, Трунин, 2008]. Используя в качестве индикатора монетарной политики ставку на рынке межбанковских кредитов, за период с 1-го квартала 2000 г. по 3-й квартал 2007 г. было выявлено значимое влияние индикатора денежно-кредитной политики на величину кредитов, выданных нефинансовому сектору. При этом более сильное сокращение темпов прироста выданных кредитов было характерно для мелких банков и банков с меньшей капитализацией. Данное исследование позволило в некоторой степени подтвердить работоспособность канала банковского кредитования в России, однако все же ставку на рынке межбанковских кредитов не совсем корректно считать индикатором монетарной политики.

В исследовании [Перевышин, Перевышина, 2015], проведенном на микроэкономических данных за период с 2010 по 2013 г., подтвердилась гипотеза о негативном влиянии ставки монетарной политики на объемы банковского кредитования. Не было обнаружено значимого влияния ликвидности и достаточности капитала банка на степень зависимости его кредитного портфеля от ставки процента по операциям РЕПО. В данной работе было установлено, что чем выше доля зарубежных средств в активах банка, тем меньше влияние ставки РЕПО на величину выданных кредитов. Также было выявлено значимое влияние ставки процента на величину выданных кредитов банками, для которых доля средств, привлеченных от Банка России, находилась в интервале от 5 до 10%.

На основе проведенного обзора эмпирических исследований были выделены основные гипотезы, которые проверялись в статье. Денежно-кредитная политика оказывает более сильное влияние на кредитный портфель:

- менее ликвидных банков. Банки с меньшей ликвидностью не могут в полной мере защитить свой кредитный портфель от ужесточения монетарной политики, используя имеющиеся в их распоряжении денежные средства, ценные бумаги и другие ликвидные активы;
- банков с меньшей капитализацией. Для банков с меньшей достаточностью капитала ограничен доступ к кредитным ресурсам,

поэтому их кредитный портфель сильнее зависит от шоков монетарной политики;

- банков с меньшей долей активов в совокупных активах банковского сектора. Мелкие банки имеют простую структуру капитала и финансируются в основном за счет депозитов и собственного капитала, поэтому сильнее реагируют на изменения монетарной политики.

Данные и методология

Функционирование канала банковского кредитования обусловлено зависимостью кредитных организаций от действий Центрального банка [Kashyap, Stein, 1993]. Данные о структуре пассивов кредитных организаций свидетельствуют о том, что до 2008 г. Банк России недостаточно активно использовал операции рефинансирования коммерческих банков. Таким образом, до 2008 г. доля привлеченных средств от Банка России была близка к нулю и составляла всего лишь 0,2%. Ситуация резко изменилась в период мирового финансового кризиса. В 2009 г. произошло увеличение объема кредитов, депозитов и прочих привлеченных средств от Банка России, их доля достигла 12% (рис. 1).

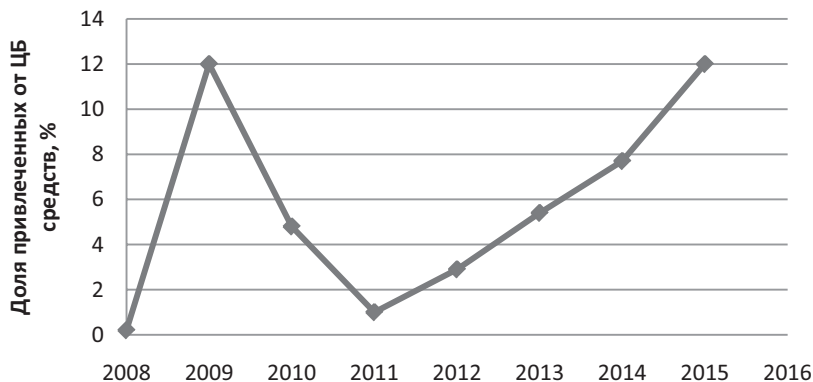

Рис. 1. Динамика доли привлеченных средств от ЦБ РФ в пассивах кредитных организаций

Источник: построено автором на основе данных из Отчетов о развитии банковского сектора и банковского надзора, ЦБ РФ.

Такие действия ЦБ способствовали непрерывному осуществлению платежей банковским сектором, а также препятствовали чрезмерному оттоку средств с клиентских счетов и депозитов. В 2011 г. доля привлеченных средств от Банка России достигла докризисного уровня. На протяжении всех последующих периодов данный показатель про-

должил увеличиваться. Формирование ресурсной базы банков осуществлялось в основном за счет заимствований у ЦБ и средств организаций. Это связано с возникшим дефицитом ликвидности, оттоком капитала, а также фактическим закрытием доступа к внешним рынкам и замедлением темпов роста экономики. Таким образом, анализ канала банковского кредитования осуществлялся за период с 1-го квартала 2010 г. по 1-й квартал 2016 г.

Влияние монетарной политики на кредитный портфель банков зависит от различной степени доступа банков к привлечению недепозитных источников средств. Поэтому при анализе трансмиссионного механизма важная роль отводится исследованию банковских показателей, благодаря которым кредитная организация способна ослабить негативное влияние ограничительной денежно-кредитной политики. К таким показателям относятся: ликвидность банка, уровень достаточности капитала и размер банка (доля активов банка в совокупных активах банковского сектора).

Так как рассматриваемый временной интервал небольшой, то невозможно получить достаточно точные и достоверные оценки с помощью построения векторных авторегрессий. Кроме того, большое значение для анализируемого механизма монетарной трансмиссии имеют индивидуальные банковские показатели. Поэтому в статье использовался микроэкономический подход. Достаточно сложной задачей является выявление факторов, из-за которых произошло изменение объемов банковского кредитования, так как неизвестно, причиной послужило изменение предложения кредитов или же изменение спроса на кредиты. Важная предпосылка, которая необходима для идентификации канала банковского кредитования, заключается в том, что влияние шоков денежно-кредитной политики на предложение кредитов является неоднородным, т.е. большему влиянию со стороны Центрального банка подвержены банки со слабыми финансовыми показателями. Такие кредитные организации не могут найти альтернативных источников для привлечения средств. Выявление зависимости изменений кредитного портфеля в результате шоков монетарной политики от банковских показателей будет свидетельствовать о том, что корректировка банковского кредитования произошла не только из-за изменения спроса на кредиты.

Были собраны данные по 1032 банкам за период с 1-го квартала 2010 г. по 1-й квартал 2016 г. Балансовые данные по кредитным организациям были взяты из оборотно-сальдовой ведомости по счетам бухгалтерского учета (форма 101), находящейся в открытом доступе на сайте Банка России¹. В форме 101 отдельно для каждого банка содержится детальная

¹ <http://cbr.ru/credit/forms.asp>

информация об активах и пассивах кредитной организации за каждый месяц. С использованием MS Access и языка запросов SQL были генерированы необходимые агрегаты для каждого банка на основе имеющихся данных, представленных на отдельных балансовых счетах (Глава А) бухгалтерского учета¹. Такими агрегатами выступали: 1) выданные кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам, 2) ликвидные активы (денежные средства, депозиты банка в ЦБ, средства на корреспондентских счетах в ЦБ и долговые обязательства Банка России), 3) капитал и резервы (раздел 1, форма 101), 4) совокупные активы банка, 5) просроченная задолженность и просроченные проценты по кредитам нефинансовым организациям и физическим лицам.

В качестве индикатора монетарной политики использовалась ставка по операциям РЕПО, так как в соответствии с системой инструментов денежно-кредитной политики² Банк России управляет ликвидностью посредством аукционов РЕПО на срок одна неделя, и в 2013 г. эту ставку ЦБ РФ назвал ключевой.

В качестве контрольных переменных были использованы темп прироста ВВП и индекс реального эффективного валютного курса. Данные о ставке по операциям РЕПО и индексе реального эффективного курса рубля были взяты из официальной статистики Банка России, данные о темпе прироста ВВП с сайта Федеральной службы государственной статистики.

Оценивалась следующая спецификация модели на панельных данных с помощью двухшагового обобщенного метода моментов (GMM):

$$x_{it} = \mu_i + \alpha x_{it-1} + \sum_{j=0}^4 \beta_j MP_{t-j} + \sum_{j=1}^4 \gamma_j Z_{it-j} MP_{t-j} + \sum_{j=1}^4 \lambda_j Z_{it-j} + \\ + \sum_{j=1}^4 \varphi_j Controls_{t-j} + \varepsilon_{it},$$

где x_{it} — зависимая переменная (темпы прироста выданных кредитов нефинансовым организациям и физическим лицам), MP_t — индикатор монетарной политики, Z_{it} — специфические банковские характеристики (уровень ликвидности, капитализации, размер), $Controls_t$ — контрольные переменные, ε_{it} — случайная ошибка, μ_i — фиксированный эффект для каждого банка, α , β , γ , λ , φ — оцениваемые параметры. Включение контрольных переменных необходимо для учета циклических колебаний.

В дальнейшем при оценке общего вида модели было определено оптимальное количество лагов с точки зрения значимости коэффици-

¹ <http://www.cbr.ru/PSysystem/P-sys/385-p.pdf>

² http://www.cbr.ru/DKP/print.aspx?file=standart_system/system.htm&pid=dkp

ентов и характеристик качества модели. В результате рассматривались следующие спецификации модели:

$$x_{it} = \mu_i + \alpha x_{it-1} + \sum_{j=0}^1 \beta_j MP_{t-j} + \gamma Z_{it-1} MP_{t-1} + \lambda Z_{it-1} + \varphi Controls_{t-1} + \varepsilon_{it}.$$

Такая модель позволяет не только определить, зависит ли банковское кредитование от монетарной политики Центрального банка, но и проанализировать то, каким образом изменения кредитного портфеля в ответ на действия ЦБ зависят от индивидуальных банковских характеристик. Для этого в модель включается произведение индикатора монетарной политики на показатель, характеризующий каждый банк ($Z_{it-1} \cdot MP_{t-1}$). Специфические банковские переменные и контрольные переменные включаются в модель с лагом в один квартал, чтобы избежать возможной проблемы эндогенности.

Результаты проведенного эконометрического исследования

Основные результаты проведенного анализа представлены в табл. 1–4. В табл. 1 в графе «модель 1» представлена базовая модель без добавления индивидуальных банковских характеристик. Затем оценивались модели с добавлением отдельно ликвидности, размера и капитализации. В модель 5 включались все банковские показатели с целью проверки полученных результатов на устойчивость. Для каждой модели в соответствии с р-значениями для тестов Саргана и Ареллано—Бонда все используемые инструменты являются экзогенными.

Таким образом, инструмент монетарной политики Банка России (ставка по операциям РЕПО) оказывает значимое влияние на объемы выданных кредитов нефинансовым организациям и физическим лицам, т.е. величина банковского кредитования зависит от изменений монетарной политики ЦБ РФ, следовательно, кредитный канал является работоспособным.

Таблица 1

Оценка модели для темпа прироста выданных кредитов

Зависимая переменная: темп прироста выданных кредитов	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Темп прироста выданных кредитов (1 лаг)	0,17*** (0,015)	0,143*** (0,014)	0,17*** (0,016)	0,158*** (0,023)	0,134*** (0,019)
Индикатор монетарной политики (ставка РЕПО)	−0,11 (0,15)	−0,28** (0,14)	−0,11 (0,15)	−0,19 (0,19)	−0,15 (0,17)

Зависимая переменная: темпы прироста выданных кредитов	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Ставка РЕПО (1 лаг)	−0,39*** (0,12)	−0,65*** (0,13)	−0,39*** (0,12)	−0,65*** (0,21)	−0,65*** (0,18)
Ликвидность (1 лаг)		0,695*** (0,06)			0,699*** (0,075)
Ликвидность · ставка РЕПО (1 лаг)		0,029*** (0,0078)			0,015* (0,009)
Размер (1 лаг)			−3,92 (2,89)		−3,49 (4,42)
Размер · ставка РЕПО (1 лаг)			−0,039 (0,027)		−0,032 (0,044)
Капитализация (1 лаг)				0,703*** (0,178)	0,587*** (0,143)
Капитализация · ставка РЕПО (1 лаг)				0,026 (0,017)	0,011 (0,014)
p-value для теста Ареллано—Бонда AR(1) AR(2)	0,000 0,273	0,000 0,073	0,000 0,265	0,000 0,213	0,000 0,119
p-value для теста Саргана	0,023	0,031	0,011	0,032	0,015
Контрольные переменные (темпы прироста ВВП, индекс REER)	да	да	да	да	да
Число банков	966	966	966	966	966
Число наблюдений	17661	17661	17661	17661	17661
*** — $p < 0,01$, ** — $p < 0,05$, * — $p < 0,1$					

Источник: составлено автором.

Реакция банка на изменения монетарной политики не зависит от его размера, так как коэффициенты при переменных «размер банка» и «произведение размера на ставку РЕПО» оказались незначимыми, что противоречит выводам исследований, проведенных для США, например [Kashyap, Stein, 2000]. В соответствии с обзором эмпирических исследований предполагалось, что, так как мелкие банки обладают простой структурой капитала и финансируются в основном за счет депозитов,

то они подвержены более сильному влиянию со стороны монетарной политики. Однако, проанализировав доли депозитов в структуре пассивов кредитных организаций (рис. 2), не было выявлено существенных различий в доле депозитов в пассивах пятидесяти крупнейших банков по размеру активов и остальных более мелких банков.

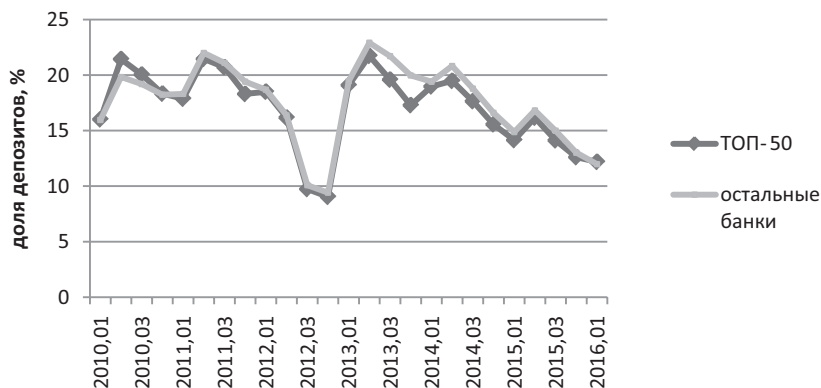

Рис. 2. Динамика доли депозитов в пассивах в зависимости от величины банковских активов

Источник: составлено автором.

Полученный результат устойчив, так как в модели 5 (табл. 1) сохранилась значимость коэффициентов и практически не изменились их количественные оценки.

Отдельно были выделены группы банков по величине привлеченных от ЦБ средств. Оценивалась базовая версия модели обобщенным методом моментов, где в качестве зависимой переменной использовался темп прироста выданных кредитов нефинансовым организациям и физическим лицам, в качестве регрессоров — зависимая переменная с лагом, индикатор монетарной политики в текущем периоде и с лагом, также контрольные переменные (темпы прироста ВВП с лагом и индекс реального эффективного валютного курса с лагом). Результаты построения модели по банкам, для которых доля привлеченных от Банка России средств в пассивах положительная, и по банкам, не привлекающим кредиты и депозиты ЦБ, представлены в табл. 2. Все коэффициенты в данной таблице значимы, результаты тестов Саргана и Ареллано—Бонда подтверждают экзогенность всех используемых инструментов. В модели для банков, не привлекающих средства Банка России, ставка по операциям РЕПО в текущем периоде оказалась незначима, поэтому она была исключена.

**Влияние монетарной политики на темп прироста кредитов
в зависимости от рефинансирования со стороны ЦБ**

	Не привлекают кредиты и депозиты Банка России (доля рефинансирования от ЦБ в пассивах = 0)	Привлекают кредиты и депозиты Банка России (доля рефинансирования от ЦБ в пассивах > 0)
Количество банков	700	332
Коэффициент при темпе прироста кредитов с лагом	0,124 (0,01)	0,15 (0,0014)
Коэффициент при ставке РЕПО		–0,51 (0,037)
Коэффициент при ставке РЕПО с лагом	–0,389 (0,153)	–0,68 (0,032)
Средний долгосрочный эффект от увеличения ставки РЕПО	–0,45	–1,4

Источник: составлено автором.

Таким образом, влияние денежно-кредитной политики, как ожидалось, сильнее для банков, привлекающих средства от Банка России. Существует не только значимое и отрицательное влияние индикатора монетарной политики, проявляющееся в следующем квартале, но и мгновенное влияние ставки по операциям РЕПО на кредитный портфель банков, привлекающих средства от ЦБ.

Особенностью банковской системы России является высокая концентрация активов. Активы ПАО «Сбербанк» за исследуемый временной интервал всегда превышали 30% всех активов банковского сектора. Причем рыночная доля данной кредитной организации постоянно росла. Уровень концентрации увеличивался, в том числе за счет отзыва лицензий на осуществление банковских операций (рис. 3).

В связи с этим логично рассмотреть отдельно влияние монетарной политики на пятьдесят крупнейших банков по размеру активов и на все оставшиеся кредитные организации. Результаты оценки представлены в табл. 3. Как для пятидесяти крупнейших банков, так и для всех остальных по-прежнему выявлено значимое и отрицательное влияние индикатора монетарной политики на темп прироста кредитного портфеля. Однако эффект оказался больше для банков из ТОП-50, чем для всех остальных банков. Это связано с тем, что мелкие банки, имеющие ограниченный доступ к операциям рефинансирования Банка России (или вообще не имеющие такого доступа), обладающие недостаточно широкими возможностями по привлечению средств на денежном рынке, как правило, формируют значительную «подушку ликвидно-

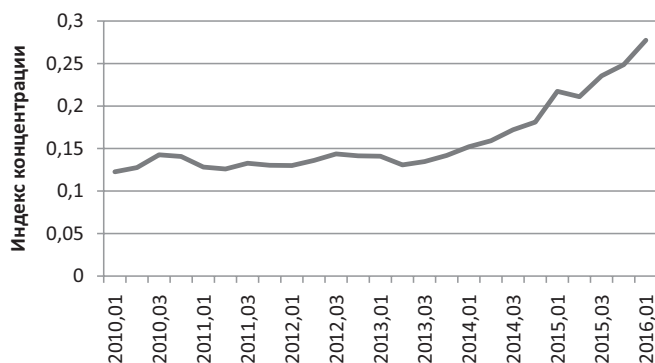

Рис. 3. Динамика индекса Герфиндаля—Хиршмана для отечественного банковского сектора
 Источник: построено автором.

сти», что позволяет им сглаживать негативный эффект от сдерживающей денежно-кредитной политики. Кроме того, оказалось, что для 46 из 50 крупнейших банков доля кредитов и депозитов, привлеченных от Банка России, в пассивах положительная. А так как ранее в статье было установлено, что кредитные организации, привлекающие рефинансирование от ЦБ, сильнее реагируют на изменения индикатора монетарной политики, то такой факт может также использоваться в качестве объяснения большей подверженности пятидесяти крупнейших банков действиям Банка России.

Таблица 3

Влияние монетарной политики на темп прироста кредитов в зависимости от размера банка

Зависимая переменная: темпы прироста выданных кредитов	50 крупнейших банков		Остальные банки	
	Модель 1	Модель 2	Модель 1	Модель 2
Темп прироста выданных кредитов (1 лаг)	0,151*** (0,0029)	0,15*** (0,0058)	0,154*** (0,014)	0,152*** (0,024)
Индикатор монетарной политики (ставка РЕПО)	−0,164 (0,64)	0,5 (0,39)	−0,107 (0,167)	−0,23 (0,203)
Ставка РЕПО (1 лаг)	−0,53** (0,266)	−1,47*** (0,33)	−0,33** (0,143)	−0,62** (0,26)
Ликвидность (1 лаг)		0,343*** (0,081)		0,68*** (0,088)
Ликвидность · ставка РЕПО (1 лаг)		0,112*** (0,02)		0,0022 (0,015)

Зависимая переменная: темп прироста выданных кредитов	50 крупнейших банков		Остальные банки	
	Модель 1	Модель 2	Модель 1	Модель 2
Капитализация (1 лаг)		–0,235*** (0,074)		0,658*** (0,18)
Капитализация · ставка РЕПО (1 лаг)		–0,0033 (0,013)		0,022 (0,017)
p-value для теста Ареллано—Бонда AR(1) AR(2)	0,0008 0,0825	0,0005 0,122	0,000 0,205	0,000 0,19
p-value для теста Саргана	0,446	0,223	0,037	0,043
Контрольные переменные (темп прироста ВВП, индекс REER)	да	да	да	да
Число банков	50	50	918	918
Число наблюдений	966	966	16695	16695
*** — $p < 0,01$, ** — $p < 0,05$, * — $p < 0,1$				

Источник: составлено автором

Реакция крупнейших банков на изменения индикатора монетарной политики зависит только от уровня ликвидности. Такой результат совпадает с выводами для модели, оцененной по всем банкам. Чем больше ликвидность, тем слабее влияние денежно-кредитной политики на кредитный портфель крупных банков. Более высокие показатели капитализации связаны с более низкими темпами прироста кредитного портфеля, следовательно, для выполнения обязательных нормативов накопление резервных запасов капитала сдерживает чрезмерный рост кредитной активности.

Так как было выявлено значимое влияние инструмента монетарной политики на банковское кредитования, возникает вопрос, не произойдет ли при снижении ставок усиление кредитной активности банков и, как следствие, рост просроченной задолженности. Возможно, банки захотят выдавать больше кредитов, в том числе и «плохим» заемщикам? Возникновение канала принятия риска тестировалось в работе [Jimenez, Ongena, Peydro, 2014]. Авторы с помощью построения тобит-моделей на панельных данных балансов банков пришли к выводу, что при снижении процентных ставок банки с меньшей капитализацией выдают больше кредитов заведомо рисковым фирмам. Если падают процентные ставки, то обостряется агентская проблема, так как менеджерам необходимо получить более высокую доходность. В условиях снижающихся ставок это становится возможным только путем

инвестирования в более рискованные активы. Также при стимулирующей монетарной политике в результате сокращения номинальных процентных ставок для заемщиков увеличивается величина денежного потока, следовательно, банки склонны выдавать таким заемщикам больше кредитов (возникает эффект балансового канала). Все это ведет к чрезмерному принятию риска банками. Кредитные организации с меньшей капитализацией стремятся увеличить свой капитал, так как большой капитал гарантирует инвесторам возврат их активов. Следовательно, такие банки нуждаются в увеличении прибыли, чего можно добиться, вкладывая средства в более рискованные активы, т.е. изменения монетарной политики транслируются на банки еще и по каналу принятия риска.

Поэтому в статье также анализировалась зависимость величины просроченной задолженности по кредитам нефинансовым организациям и физическим лицам и просроченных процентов по кредитам от монетарной политики Банка России. По аналогии с предыдущими построенными моделями в качестве зависимой переменной использовался темп прироста просроченной задолженности. В качестве регрессоров — зависимая переменная с лагом, ставка по операциям РЕПО, банковские характеристики. В модель включалась только ликвидность и капитализация банков. Не учитывалась переменная «размер» банка, так как в соответствии с предыдущим анализом (табл. 1) она не оказывает значимое влияние на кредитную активность банка.

В табл. 4 представлены полученные результаты. Найденные r -значения теста Саргана и Ареллано—Бонда утверждают, что все используемые инструментальные переменные являются экзогенными. Индикатор монетарной политики оказывает значимое и положительное влияние на темпы прироста просроченной задолженности. Такой результат отличается от результатов исследования [Jimenez, Ongena, Peydro, 2014], в котором для Испании был получен отрицательный коэффициент при индикаторе монетарной политики. Отрицательный коэффициент означал бы, что снижение ставок ведет к чрезмерному принятию риска банками. Однако это не соответствует особенностям российской экономики. За исследуемый период произошел значительный рост индикатора монетарной политики. На фоне замедления роста экономики, осложнения макроэкономической ситуации многие заемщики оказались неплатежеспособными, что привело к увеличению просроченной задолженности.

Коэффициенты при переменных «капитализация» и «капитализация · ставка РЕПО» оказались значимыми. Чем меньше капитализация, тем выше темпы прироста просроченной задолженности. При падении ставки по операциям РЕПО темпы прироста просроченных кредитов

упадут на меньшую величину для банков с меньшей капитализацией. Это может служить некоторым свидетельством существования канала принятия риска.

Таблица 4

Оценка модели для темпа прироста просроченной задолженности

Зависимая переменная: темп прироста просроченной задолженности	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Темп прироста просроченной задолженности (1 лаг)	−0,069*** (0,0064)	−0,071*** (0,0063)	−0,071*** (0,0063)
Ставка РЕПО (1 лаг)	10,92* (5,7)	10,38* (5,61)	9,79* (5,73)
Ликвидность (1 лаг)	−0,28 (0,19)		−0,203 (0,198)
Ликвидность · ставка РЕПО (1 лаг)	0,033 (0,021)		0,024 (0,024)
Капитализация (1 лаг)		−0,52** (0,259)	−0,46* (0,26)
Капитализация · ставка РЕПО (1 лаг)		0,054** (0,027)	0,044* (0,026)
p-value для теста Ареллано—Бонда AR(1) AR(2)	0,000 0,964	0,000 0,99	0,000 0,987
p-value для теста Саргана	0,053	0,043	0,046
Контрольные переменные (темп прироста ВВП, индекс REER)	да	да	да
Число банков	917	917	917
Число наблюдений	15716	15716	15716
*** — $p < 0,01$, ** — $p < 0,05$, * — $p < 0,1$			

Источник: составлено автором.

Заключение

С помощью оценки динамических регрессионных моделей на панельных данных было выявлено отрицательное и значимое влияние индикатора монетарной политики на темп прироста выданных кредитов нефинансовым организациям и физическим лицам. Такой результат свидетельствует о том, что в период с 1-го квартала 2010 г. по 1-й квартал 2016 г. канал банковского кредитования в России являлся работоспособным.

Негативный эффект на темп прироста выданных кредитов при ограничительной денежно-кредитной политике смягчается благодаря показателю ликвидности банка, т.е. большему влиянию со стороны монетарной политики подвержены менее ликвидные банки.

Также был проанализирован эффект денежно-кредитной политики на величину банковского кредитования в зависимости от того, привлекает ли банк кредиты и депозиты Центрального банка. Оказалось, что кредитные организации, не привлекающие кредиты и депозиты от Банка России, в меньшей степени зависят от его действий, чем банки, в структуру пассивов которых входят средства от ЦБ.

Так как российская банковская система обладает высокой концентрацией и первые пятьдесят банков по величине активов сосредотачивают основную долю активов всей банковской системы, также было проанализировано влияние монетарной политики отдельно на пятьдесят крупнейших банков и на все остальные банки. Оказалось, что крупные банки подвержены более сильному влиянию со стороны ЦБ, так как практически все банки из ТОП-50 привлекают средства от Банка России, а менее крупные банки, наоборот, формируют значительные запасы ликвидных активов, не имея доступа к кредитам и депозитам ЦБ.

Выявленное негативное влияние ограничительной монетарной политики на кредитный портфель банков позволяет одновременно ожидать роста кредитной активности при смягчении денежно-кредитных условий, что вызывает опасения насчет динамики просроченной задолженности. Однако построенные модели свидетельствуют о том, что ставка по операциям РЕПО положительно, а не отрицательно влияет на темп прироста просроченной задолженности, что обусловлено ухудшением платежеспособности заемщиков в последние годы в связи с негативной макроэкономической ситуацией. При этом была подтверждена гипотеза о функционировании канала принятия риска, так как оказалось, что чем ниже капитализация банка, тем больше темп прироста просроченной задолженности.

Таким образом, полученные в рамках исследования результаты позволяют сделать вывод о значимости канала банковского кредитования в российской экономике за период с 2010 г. по первый квартал 2016 г. Следовательно, ЦБ может стимулировать экономику, не прибегая к существенным изменениям процентных ставок. Учитывая различия в поведении крупных и мелких банков, банков, привлекающих рефинансирование со стороны Банка России и не привлекающих такие средства, ЦБ сможет достичь поставленных целей при осуществлении монетарной политики и при этом не допустить возможных проблем, связанных со стабильностью банковского сектора.

Список литературы

1. *Дробышевский С., Козловская А.* Внутренние аспекты денежно-кредитной политики России. Научные труды. — М.: Ин-т экономики переходного периода, 2002.
2. *Дробышевский С., Трунин П., Каменских М.* Анализ трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики в российской экономике. Научные труды. № 116Р. — М.: Ин-т экономики переходного периода, 2008.
3. *Леонтьева Е.* Механизм кредитно-денежной трансмиссии в России // Centre for Economic and Financial Research at New Economic School. WP № 175, 2012.
4. *Перевышина Е., Перевышин Ю.* Оценка действенности кредитного канала в российской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2015. — № 4 (28). — С. 96–110.
5. *Соколов М.* Канал банковского кредитования в России // Финансы и бизнес. — 2009. — № 4. — С. 68–89.
6. *Bernanke B., Blinder A.* A Credit, Money, and Aggregate Demand // The American Economic Review. — 1988. — Vol. 78. — No. 2. — P. 435–439.
7. *Cetorelli N., Goldberg L.* Banking Globalization and Monetary Transmission // The Journal of Finance. — 2012. — Vol. LXVII. — No. 5. — P. 1811–1843.
8. *Disyatat P.* The bank lending channel revisited // Journal of Money, Credit and Banking. — 2011. — Vol. 43. — No. 4. — P. 711–734.
9. *Gambacorta L.* Bank-specific characteristics and monetary policy transmission: the case of Italy // European Central Bank, Working Paper № 103, 2001.
10. *Jimenez G., Ongena S., Peydro J., Saurina J.* Hazardous times for monetary policy: what do twenty-three million bank loans say about the effects of monetary policy on credit risk-taking? // Econometrica. — 2014. — Vol. 82. — No. 2. — P. 463–505.
11. *Kashyap A., Stein J.* Monetary Policy and Bank Lending // NBER Working Papers № 4317, 1993.
12. *Kashyap A., Stein J.* What Do a Million Observations on Banks Say About the Transmission of Monetary Policy? // The American Economic Review. — 2000. — Vol. 90. — No. 3. — P. 407–428.
13. *Peek J., Rosengreen E.* Is Bank Lending Important for the Transmission of Monetary Policy? An overview // New England Economic Review. Federal Reserve Bank of Boston. — 1995. — P. 1–13.
14. *Virmani V.* Examination of the Credit Channel of Monetary Transmission in India // IIMA Working Papers from Indian Institute of Management Ahmedabad, Research and Publication Department. No 2004-09-03, 2004.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Drobyshevskij S., Kozlovskaja A.* Vnutrennie aspekty denezhno-kreditnoj politiki Rossii. Nauchnye trudy. — M.: In-t jekonomiki perehodnogo perioda, 2002.
2. *Drobyshevskij S., Trunin P., Kamenskih M.* Analiz transmisionnyh mehanizmov denezhno-kreditnoj politiki v rossijskoj jekonomike. Nauchnye trudy. № 116R. — M.: In-t jekonomiki perehodnogo perioda, 2008.

3. *Leont'eva E.* Mehanizm kreditno-denezhnoj transmissii v Rossii // Centre for Economic and Financial Research at New Economic School. WP № 175, 2012.
4. *Perevyshina E., Perevyshin Ju.* Ocenka dejstvennosti kreditnogo kanala v rossijskoj jekonomike // Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii. — 2015. — № 4 (28). — S. 96–110.
5. *Sokolov M.* Kanal bankovskogo kreditovanija v Rossii // Finansy i biznes. — 2009. — № 4. — S. 68–89.

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

Тиунова М. Г.¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ВЛИЯНИЕ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДИНАМИКУ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Статья посвящена исследованию влияния денежно-кредитной политики Банка России на динамику реального ВВП, его компонентов, реальной заработной платы и численности занятых в период 2003–2016 гг. В работе осуществляется расчет оценок степени чувствительности основных показателей реального сектора российской экономики к шокам инструментов монетарной политики, денежной базы и обменного курса рубля на основе модели байесовской структурной векторной авторегрессии (BSVAR) с использованием наиболее свежих статистических данных. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что денежно-кредитное регулирование российской экономики приводит к изменению реальных переменных. Ожидаемая ограничительная политика Центрального банка РФ, заключающаяся в увеличении ключевой ставки процента, оказала статистически значимое слабоотрицательное воздействие на реальные показатели.

Ключевые слова: монетарная политика, реальный сектор экономики, байесовский подход в эконометрике, векторные авторегрессии.

THE MONETARY POLICY IMPACT ON THE DYNAMICS OF RUSSIA'S REAL ECONOMY

The article examines the influence of monetary policy of the Bank of Russia on the dynamics of real GDP and its components, real wages and employment from 2003 to 2016. Using the Bayesian structural vector autoregression model (BSVAR) with recent dataset, the paper provides the calculation of the extent of changes in the main Russia's real sector indicators in response to monetary policy, money base and exchange rate shocks. The analysis allows to conclude that monetary policy leads to real variables changes in Russia. The expected contractionary monetary policy of the Central Bank

¹ Тиунова Марина Григорьевна, аспирант экономического факультета; e-mail: tiunovamg@gmail.com

of Russia with higher interest rates had a statistically valid weak negative effect on real indicators.

Key words: monetary policy, real sector of economy, Bayesian econometric approach, vector autoregressions.

Введение

В ноябре 2014 г. Банк России завершил процесс перехода к инфляционному таргетированию. Смена режима денежно-кредитной политики происходила в довольно неблагоприятных макроэкономических условиях, характеризующихся обострением геополитической ситуации в мире, введением санкций против России со стороны развитых стран и ответных санкций, а также падением мировых цен на нефть. В этой связи в рамках экспертного сообщества существовало большое число споров по вопросу о том, насколько своевременным и оправданным было это преобразование.

Ужесточение монетарной политики усилило значимое негативное воздействие внешних шоков на российскую экономику: по данным исследования [Нуреев, Чусовянов, 2016], падение ключевых экономических показателей, в том числе инвестиций и ВВП, в условиях таргетирования инфляции оказалось выше, чем при политике валютного коридора. С другой стороны, в условиях значительных инфляционных рисков сохранение ключевой ставки на уровне, соответствующем умеренной жесткости денежно-кредитной политики, является необходимым в 2017 г. [Чернядьев, Власов, 2016].

Исходя из вышесказанного, определение влияния текущей монетарной политики на экономическую активность в России оказывается довольно важным для выбора приоритетов и содержания политики денежных властей для выполнения определенных задач экономического развития. Цель данного исследования состоит в определении воздействия денежно-кредитной политики Банка России на динамику основных показателей реального сектора российской экономики.

Структура работы выглядит следующим образом. Вначале приводится обзор эмпирических исследований, в которых авторы делают попытки получить количественные оценки взаимосвязей между изменением инструментов монетарной политики и динамикой реальных переменных в различных странах. Следующая часть статьи посвящена обоснованию выбора модели байесовской структурной векторной авторегрессии (Bayesian Structural Vector AutoRegression — BSVAR) в качестве методологической основы исследования. Третья и четвертая части включают описание используемых данных и спецификации модели соответственно. В пятом разделе представлены результаты расче-

тов модели и оценки чувствительности реальных переменных к шокам денежно-кредитной политики в России. Заключительная часть статьи основана на качественной интерпретации полученных количественных оценок. Делается вывод об особенностях денежно-кредитного регулирования российской экономики в 2003–2016 гг.

Влияние денежно-кредитной политики на реальный сектор экономики в эмпирических исследованиях

Большинство современных исследований, посвященных анализу влияния монетарной политики на динамику реальных переменных, носят эмпирический характер и демонстрируют применение различных эконометрических методов. Авторы этих работ получают подтверждение наличия статистически и экономически значимых взаимосвязей между изменениями значений инструментов денежно-кредитной политики и показателями реального сектора экономики.

В преимущественной части исследований в качестве индикатора монетарной политики рассматривается ставка процента. Это характерно для работ, посвященных анализу как российской экономики, так и экономики зарубежных стран. Авторы едины в том, что положительный шок ставки процента оказывает негативное воздействие на экономическую активность [Bernanke et al., 2005]: в результате роста процентной ставки происходит падение выпуска [Bhyian, 2012], промышленности [Gertler, Karadi, 2015], потребления, инвестиций и занятости. К примеру, в работе [Bloor, Matheson, 2010] показано, что в результате роста процентной ставки на 1 п.п. происходит падение ВВП на 0,2%, сокращение производства строительной отрасли на 0,5% и снижение занятости на 0,2%. В исследовании [Cloyne, Hürtgen, 2016] падение выпуска в этом случае составляет 0,6%. Ухлиг [Uhlig, 2005] обнаружил незначимый эффект воздействия сдерживающей монетарной политики на выпуск по причине используемого метода структурной идентификации модели векторной авторегрессии — путем наложения знаковых ограничений, — который на практике довольно часто приводит к неинформативным результатам [Арефьев и др., 2015].

Особенность монетарной политики в России, заключающаяся в смене режима за последние два десятилетия и выборе различных целевых ориентиров своей деятельности на историческом промежутке времени, привела к разнообразию в выборе индикаторов денежно-кредитной политики. Наиболее широкий перечень инструментов ЦБ РФ исследуется в работе [Ломиворотов, 2014]: здесь учитывается и политика процентных ставок, и операции на валютном рынке, и операции

по предоставлению или абсорбированию ликвидности коммерческим банкам, т.е. те инструменты, которыми Банк России фактически оперировал в своей деятельности. По данным исследования, обесценение рубля на 1% приводит к росту производства на 0,05%. Инвестиции в ответ на рост ставок по операциям РЕПО на 1 п.п. демонстрируют значимый негативный отклик в размере 0,2–0,6%. Тем не менее автор пришел к выводу о том, что колебания значений большей части макроэкономических переменных в России обусловлены шоками экзогенных переменных внешнего сектора, нежели шоками монетарной политики Банка России. К примеру, вклад шоков денежно-кредитной политики ЦБ РФ в дисперсию производства промышленной отрасли и производства товаров составил 8%, в то время как вклад шоков переменных внешнего сектора в динамику этих показателей составил 38 и 35% соответственно.

Другие экономисты, ссылаясь на смену режима денежно-кредитной политики в России, в качестве инструмента политики регулятора в своих исследованиях выбирали денежную массу или валютный курс, поскольку с начала 2000-х гг. используемые Банком России инструменты оказывали сильное непосредственное воздействие на динамику денежных агрегатов или валютный курс, являющийся целевым ориентиром деятельности монетарных властей в докризисный период.

Расширение денежной массы приводит к росту реальной экономики. В работе [Вашелюк и др., 2015] показано, что в ответ на положительный шок денежной базы происходит значимый временный рост промышленного производства и рост общего уровня цен, что снижает эффективность увеличения денежного предложения для роста реальной экономической конъюнктуры в долгосрочном периоде.

В исследовании [Шульгин, 2016] было получено, что монетарная политика позволяет оказывать воздействие на реальные переменные, однако наибольшую проблематичность для регулятора представляет нивелирование шоков цен биржевых товаров, влияние которых на реальный сектор является довольно сильным. При помощи своих инструментов ЦБ РФ имеет возможность полностью нивелировать все возможные комбинации структурных шоков в отношении показателей потребления и занятости.

Ответ на вопрос о направлении влияния изменения валютного курса на реальные показатели остается открытым. В статье [Бадасен и др., 2015] исследуются причины разнонаправленности взаимосвязи между этими показателями. С одной стороны, девальвация национальной валюты за счет удешевления отечественных товаров относительно импортных стимулирует импортозамещение и приводит к росту отечественного выпуска. Но с другой стороны, существует множество факторов, которые приводят к тому, что обесценение национальной валюты оказывает

негативное воздействие на выпуск в экономике, среди которых рост номинированных в иностранной валюте издержек фирм и стоимости обслуживания зарубежного долга, удорожание импортируемых сырья, материалов и технологий, ухудшение ожиданий инвесторов и рост рисков невозврата кредитов. В исследовании было показано, что девальвация рубля приводит к значимому снижению производства строительной отрасли и к значимому росту выпуска экспортоориентированных отраслей. В то же время ослабление рубля не имеет статистически значимого влияния на выпуск базовых отраслей, промышленного производства и отраслей с высокой долей импорта в затратах.

Байесовский подход к оценке векторных авторегрессий и выбор разновидности априорного распределения

Авторы представленных исследований используют такие эконометрические методы, как векторные авторегрессии VAR, в том числе с наложением структурных ограничений SVAR, с выделением главных компонент FAVAR или оцененные при помощи байесовских методов B(S)VAR, а также динамические стохастические модели общего равновесия DSGE. Построение стандартной модели VAR сопряжено с ограничениями размерности и потому не является оптимальным методом оценивания, поскольку это может оказать негативное воздействие на смысловое содержание модели вследствие пропуска важных переменных. Построение DSGE-модели основано на формулировке системы довольно жестких предпосылок, что плохо согласуется с точным описанием реальных данных [Шульгин, 2016]. В то же время байесовский подход к оценке векторных авторегрессий (B(S)VAR) имеет ряд преимуществ по сравнению с другими моделями.

Байесовский подход предполагает, что исследователь обладает определенной информацией, которая содержится в фактических данных, и априорной информацией о распределении коэффициентов модели. Исследователь может объединить эту информацию и получить апостериорное распределение коэффициентов модели (для стандартной VAR-модели в сокращенной форме $Y = XB + E$):

$$P(B, \sum | Y) = P(Y | B, \sum) \times P(B, \sum),$$

апостериорная информация = данные $\times$ априорная информация

где $P(B, \sum | Y)$ — апостериорная функция плотности; $P(Y | B, \sum)$ — функция максимального правдоподобия для модели векторной авторегрессии; $P(B, \sum)$ — априорная функция плотности, при помощи которой задаются изначальные представления о распределении коэффициентов.

Основное достоинство моделей байесовских VAR заключается в том, что они позволяют избежать проблемы «проклятия размерности», т.е. делают возможной оценку взаимодействия большого числа переменных на относительно коротких рядах. Это особенно актуально для исследования последствий влияния денежно-кредитной политики на широкий перечень экономических показателей в России, поскольку достоверная статистика по российской экономике характеризуется относительной непродолжительностью временных рядов.

Более того, байесовские модели позволяют учесть современные представления о динамике макроэкономических переменных в долгосрочном периоде. Имеется в виду тот факт, что с увеличением номера лага влияние некой переменной на ее текущее значение постепенно сокращается. Или то, что динамика определенного показателя в большей мере определяется лаговыми значениями этой переменной, нежели другими факторами. Также BVAR-модели имеют высокую прогнозную силу за счет задания априорных представлений, что, в свою очередь, позволяет снизить неопределенность в распределении параметров модели. Помимо прочего, субъективность исследователя при выборе разновидности априорного распределения задается в явном виде [Демешев, Малаховская, 2016].

Применение байесовской регуляризации в макроэкономических исследованиях связано с использованием следующих разновидностей априорных распределений: распределения Миннесоты, сопряженного или независимого нормально-обратного распределения Уишарта.

Разработка априорного распределения Миннесоты связана с намерением ученых отразить тот факт, что большинство макроэкономических временных рядов изменяются в соответствии с законом случайного блуждания и являются нестационарными. Распределение Миннесоты — это многомерное нормальное распределение с несколькими независимыми гиперпараметрами, с нулевыми элементами ковариационной матрицы коэффициентов модели помимо главной диагонали и постоянной ковариационной матрицей ошибок (для $Y = XB + E$ и $b = \text{vec}(B)$). Оно может быть записано в виде:

$$\left\{ \begin{array}{l} b \sim N(\underline{b}, \underline{\Sigma}_b) \\ \underline{\Sigma} = \text{const} \\ b \text{ и } \underline{\Sigma} \text{ независимы} \end{array} \right. .$$

При использовании распределения Миннесоты в качестве априорного апостериорное распределение коэффициентов модели также относится к классу нормальных, и его параметры зависят от параме-

тров априорного распределения, от исходной информации, содержащейся в данных, и предполагаемой известной исследователю ковариационной матрицы ошибок. Поэтому для получения выборки из апостериорного распределения исследователю достаточно воспользоваться численным методом Монте-Карло, предполагающим извлечение значений из нормального распределения с указанными характеристиками.

В целом использование априорного распределения Миннесоты отличается сравнительной простотой реализации, но в то же время имеет существенный недостаток в виде предположения о постоянстве ковариационной матрицы ошибок, поскольку в действительности исследователь не может достоверно это утверждать.

Эта предпосылка снимается в рамках использования сопряженного нормально-обратного априорного распределения Уишарта: теперь при помощи байесовских методов осуществляется оценка как ковариационной матрицы параметров, так и ковариационной матрицы ошибок. Этот вид распределения есть многомерное семейство непрерывных вероятностных распределений, зависящих от четырех параметров, которое можно представить в виде:

$$\begin{cases} \mathbf{b} | \mathbf{\Sigma} \sim N(\underline{\mathbf{b}}; \mathbf{\Sigma} \otimes \mathbf{\Omega}) \\ \mathbf{\Sigma} \sim \text{InverseWishart}(\underline{\mathbf{S}}, \nu) \end{cases}$$

Априорное распределение обладает свойством сопряженности по отношению к многомерному нормальному распределению с неизвестными математическим ожиданием и ковариационной матрицей. В данном случае апостериорное распределение также является многомерным нормальным, поэтому алгоритм генерации выборки из него может быть осуществлен при помощи метода Монте-Карло аналогично предыдущему случаю.

Существенным недостатком сопряженного нормально-обратного априорного распределения Уишарта является возникновение зависимости между дисперсиями различных коэффициентов модели для разных уравнений. Это означает, что исследователь, руководствуясь определенными теоретическими соображениями и накладывая некоторые ограничения на отдельные параметры модели, фактически накладывает ограничения и на другие коэффициенты, что может нарушить смысловую целостность итоговой модели.

Отличие следующего вида априорного распределения — независимого нормально-обратного Уишарта — заключается в независимости матрицы параметров и ковариационной матрицы ошибок, а также произвольном виде ковариационной матрицы параметров. Распределение имеет следующий вид:

$$\begin{cases} b \sim N(\underline{b}; \underline{\sum}_b) \\ \underline{\sum} \sim InverseWishart(\underline{S}, \underline{v}). \\ b \text{ и } \underline{\sum} \text{ независимы} \end{cases}$$

Затруднение, связанное с применением этого априорного распределения, заключается в возможности аналитического вычисления только условного апостериорного распределения, что делает необходимым применение алгоритма сэмплирования по Гиббсу. Процедура сэмплирования по Гиббсу предполагает, что в начале каждой итерации для некой случайной величины задаются исходные значения, затем происходит генерация случайных величин из условного распределения. При бесконечно большом числе итераций выборки из условных распределений сходятся к совместному распределению и маргинальным распределениям. Поскольку начальные значения неких случайных величин были неизвестны и задавались на усмотрение исследователя, первоначальные итерации относятся к «периоду прожига» и не учитываются. В итоговую выборку из апостериорного распределения входят только последние итерации.

Таким образом, в современных условиях наиболее предпочтительным является использование независимого нормально-обратного априорного распределения Уишарта, которое предполагает байесовскую регуляризацию ковариационной матрицы ошибок и независимость моментов априорных распределений параметров при разных уравнениях, что дает исследователю более широкие возможности по учету содержательных вопросов экономической теории в своей модели.

Описание данных

Для проведения исследования были использованы статистические данные за период с 1-го квартала 2003 г. по 3-й квартал 2016 г. Всего 55 наблюдений. Источники данных — это официальные сайты Центрального банка Российской Федерации¹, Росстата², инвестиционной компании «Финам»³ и Чикагской биржи опционов⁴.

Для того чтобы наблюдаемые в рамках модели зависимости между переменными могли быть интерпретированы в качестве причинно-

¹ URL: <https://www.cbr.ru/>

² URL: <http://www.gks.ru/>

³ URL: <https://www.finam.ru/>

⁴ URL: <http://www.cboe.com/>

следственных взаимосвязей, необходима процедура ее структурной идентификации. Структурная идентификация шоков модели векторной авторегрессии может осуществляться при помощи рекурсивного ранжирования переменных или наложения краткосрочных, долгосрочных или знаковых ограничений. В данном случае будет применен метод рекурсивной ортогонализации, поскольку этот подход, с одной стороны, не требует выполнения строгих теоретических условий (например, нейтральности денег в долгосрочном периоде при наложении долгосрочных ограничений), а с другой — отличается высокой информативностью (по сравнению с наложением знаковых ограничений) и способствует сокращению временных издержек расчетов вследствие применения алгоритма Гиббса. Метод рекурсивного ранжирования предполагает, что переменные упорядочиваются в соответствии с их скоростью реакции на шоки: переменные внешнего сектора, которые не реагируют на шоки; показатели реального сектора экономики, которые реагируют на шоки через несколько периодов; финансовые и монетарные показатели с мгновенной реакцией на шоки.

В рамках данного исследования рассматривались следующие переменные. Показатели внешнего сектора (экзогенные переменные): VIX — индекс волатильности фондового рынка VIX; Brent — цена нефти марки Brent (долл. за баррель). В качестве переменных внешнего сектора были выбраны эти показатели, так как они наилучшим образом описывают экономику Российской Федерации как малую открытую экономику, подверженную шокам со стороны внешних рынков, и страну с экспортоориентированной структурой производства.

Макроэкономические переменные: Export — экспорт в ценах 2008 г. (млрд руб.); GDP — ВВП в ценах 2008 г. (млрд руб.); Consumption — конечное потребление домашних хозяйств (КП) в ценах 2008 г. (млрд руб.); Investment — валовое накопление основного капитала (ВНОК) в ценах 2008 г. (млрд руб.); CPI — базовый индекс потребительских цен (равен 100 в 2008 г.) (контрольная переменная (%)); Employment — численность занятых (млн чел.); Wage — индекс реальной заработной платы (равен 100 в 2008 г.) (%). В перечень макроэкономических переменных были включены показатели, являющиеся ключевыми индикаторами развития реального сектора экономики, — уровень реальных экспорта, ВВП, потребления, инвестиций (накопление основного капитала), заработной платы и занятости, — а также уровень инфляции как целевой ориентир текущей монетарной политики ЦБ РФ и важный индикатор устойчивости развития экономической системы.

Монетарные и финансовые переменные: MIACR — краткосрочная ставка рынка межбанковского кредитования MIACR по заимствованиям в рублях (%); Reserves — международные резервы ЦБ (млрд долл.);

МВ — широкая денежная база (млрд руб.); Position — чистая ликвидная позиция ЦБ по отношению к банковскому сектору (разница между всеми обязательствами ЦБ и всеми требованиями ЦБ по отношению к банкам) (млрд руб.); Exchange — номинальный валютный курс (в рублях за доллар).

В перечень монетарных и финансовых переменных модели были включены три основных инструмента денежно-кредитной политики Банка России на историческом промежутке времени (2003–2016 гг.): валютные интервенции (изменение международных резервов служит косвенной оценкой их величины), операции рефинансирования банковского сектора (чистая позиция ЦБ по отношению к коммерческим банкам) и процентные ставки (краткосрочная ставка рынка межбанковского кредитования). Помимо этого, в модель были включены показатели денежной базы, поскольку в 2003–2004 гг. ЦБ РФ рассматривал денежные агрегаты в качестве цели монетарной политики, и обменный курс рубля как целевой ориентир денежно-кредитной политики Банка России в докризисный период. Также показатели денежной базы и обменного курса позволяют в наилучшей мере продемонстрировать механизм монетарной трансмиссии при качественной интерпретации полученных результатов.

Все ряды очищаются от сезонных эффектов при помощи фильтра Х–12 в программном пакете Eviews. Ряды данных являются нестационарными, но этот факт учитывается в процессе задания элементов ковариационной матрицы параметров байесовской VAR-модели. Кроме того, для реализации алгоритма Гиббса данные трансформируются по аналогии с тем, как это сделано в работе [Carriero et al., 2015]: все переменные (кроме ставки процента и чистой ликвидной позиции Банка России) включаются в модель в виде «множитель 400 обусловлен квартальной периодичностью данных»; чистая задолженность банковского сектора перед ЦБ РФ используется в уровнях; ставка процента взята в долях от 1.

Описание модели

Общая постановка модели векторной авторегрессии с константой:

$$Y_t = C + B_1 Y_{t-1} + B_2 Y_{t-2} + \dots + B_p Y_{t-p} + \varepsilon_t,$$

где $\varepsilon_t \sim N(0, \Sigma)$; $Y_t = \begin{pmatrix} Y_{1,t} \\ Y_{2,t} \\ \dots \\ Y_{n,t} \end{pmatrix}$ — вектор переменных модели размером $n \times 1$.

Модель построена по 55 наблюдениям, включает 14 переменных с 5 лагами. Общее число уравнений модели равно числу переменных $n = 14$. Для каждого уравнения $k = (n \times p + 1)$ коэффициентов, т.е. $k = 14 \times 5 + 1 = 71$.

Для осуществления байесовской оценки векторной авторегрессии в качестве априорного распределения коэффициентов используется независимое нормально-обратное априорное распределение Уишарта. Его применение обусловлено возможностью формулировки теоретических предпосылок о независимости отдельных переменных в модели: это делает возможным учет принципа нейтральности денег или предположения о том, что некая экономика является малой и открытой [Blake, Mumtaz, 2012]. Второй случай характерен для данного исследования: принимается во внимание тот факт, что российская экономика не влияет на показатели мирового рынка, а именно на индекс волатильности VIX и цену нефти марки Brent. Эти содержательные моменты учитываются путем обнуления соответствующих элементов ковариационной матрицы параметров модели.

Для реализации байесовской регуляризации модели используется программный код [Blake, Mumtaz, 2012] для пакета MATLAB. При проведении процедуры байесовской регуляризации априорные представления исследователя учитываются в виде определенной функциональной формы диагональных элементов ковариационной матрицы параметров модели. Чаще всего для этих целей используются четыре основных гиперпараметра «жесткости» априорного распределения — $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3$ и λ_4 — каждый из которых имеет определенный содержательный смысл. Нумерация этих гиперпараметров является условной. При использовании методологии [Blake, Mumtaz, 2012] для наполнения ковариационной матрицы параметров H три гиперпараметра — λ_1, λ_3 и λ_4 — задаются экзогенно. Гиперпараметр λ_2 , отвечающий за степень влияния прочих переменных на динамику некой переменной, по умолчанию полагается равным 1 и не рассматривается в рамках данного подхода.

Гиперпараметр λ_1 , параметр байесовской регуляризации, показывает общую «жесткость» априорного распределения. Чем ближе значение λ_1 к 0, тем в меньшей степени на значения коэффициентов апостериорного распределения оказывает влияние информация, содержащаяся в фактических данных, и в большей мере — априорная информация. И наоборот, при устремлении λ_1 к бесконечности на значения оценок коэффициентов модели в большей мере начинает влиять фактическая информация, а апостериорные оценки коэффициентов сходятся к оценкам по МНК.

В статье [Bańbura et al., 2010] было показано, что выбор гиперпараметра общей жесткости априорного распределения зависит от числа

переменных модели. Есть некоторые рекомендации по выбору его значений [Ломиворотов, 2015]: если модель включает около 10 показателей, то рекомендуемое значение этого гиперпараметра составляет 0,2; для случая 20 переменных — 0,05; для случая 30 переменных — 0,01. При этом излишнее сжатие в сторону априорного распределения (близкие к нулю значения λ_1) на практике приводит к достаточно широким доверительным интервалам и неинформативным результатам. Поскольку в данном исследовании модель включает 14 переменных, то можно предположить, что в качестве значения λ_1 следует выбрать значение около 0,1 ($\frac{0,2+0,05}{2} = 0,125$). Выбор значения этого гиперпараметра на уровне 0,1 соответствует рекомендациям эмпирической литературы [Мамонов, Пестова, 2016]. Иногда выбор λ_1 оптимизируется на основе среднеквадратической ошибки прогноза переменных модели.

При выборе из нескольких допустимых значений гиперпараметра «жесткости» λ_1 не наблюдается нарушения причинно-следственных связей между переменными (рис. 1). На рис. 1 и далее представлены импульсные отклики на уровне 16-го, 50-го и 84-го перцентилей.

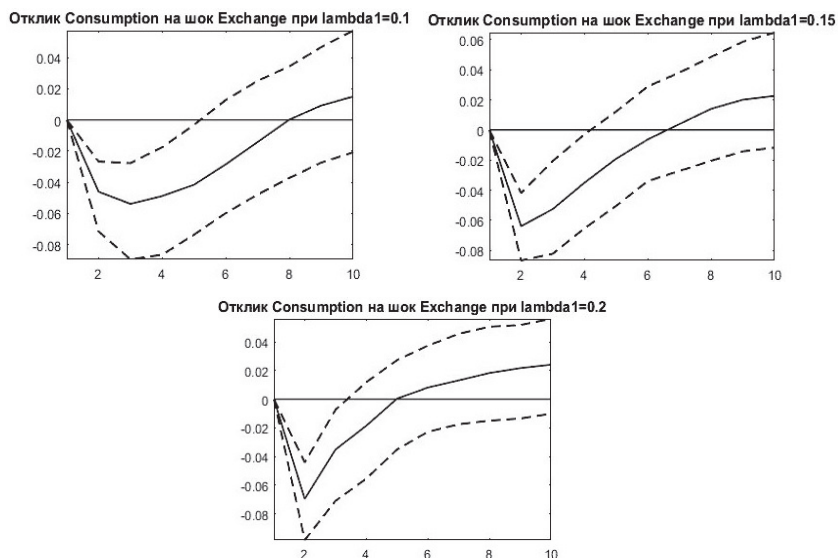

Рис. 1. Отклик реального конечного потребления домашних хозяйств на положительный шок номинального валютного курса при разных значениях гиперпараметра общей «жесткости» априорного распределения λ_1 при прочих равных

Параметр λ_3 отвечает за степень, в соответствии с которой коэффициенты, соответствующие номеру лага выше 1, стремятся к нулю. Большинство макроэкономических переменных изменяются таким образом, что с увеличением номера лага влияние значения переменной на ее текущее значение постепенно сокращается. Соответственно с увеличением порядка лага дисперсия должна убывать при прочих равных условиях. Для нестационарных рядов λ_3 полагают равным 1 [Ломиворотов, 2015].

Параметр λ_4 показывает относительную «жесткость» распределения константы. На практике значения λ_4 устремляют в бесконечность, что в действительности означает отсутствие наложения ограничений на ее величину. В данном случае λ_4 задается равным 100 в соответствии с рекомендациями эмпирической литературы [Пестова, Мамонов, 2016]. При выборе из нескольких допустимых значений гиперпараметра λ_4 наблюдаемые причинно-следственные связи являются устойчивыми (рис. 2).

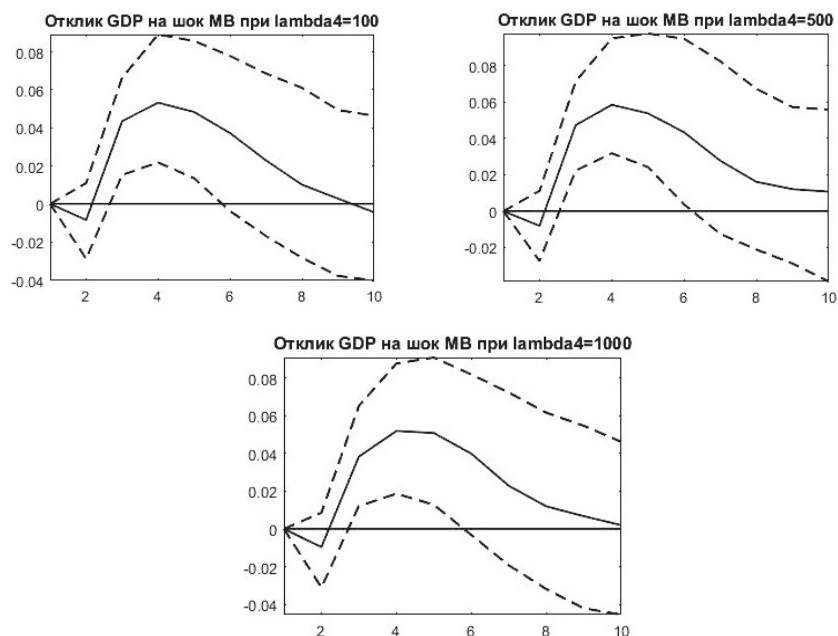

Рис. 2. Отклик реального ВВП на положительный шок денежной базы при разных значениях гиперпараметра «жесткости» априорного распределения константы λ_4 при прочих равных

Таким образом, байесовская оценка итоговой модели векторной авторегрессии осуществляется на основе независимого нормально-обратного априорного распределения Уишарта с экзогенно заданными гиперпараметрами «жесткости» $\lambda_1 = 0,1$; $\lambda_3 = 1$ и $\lambda_4 = 100$.

Заполнение матрицы $H = \sum_b$ ковариаций коэффициентов модели получается путем перемножения Кронекера шкалирующей матрицы $\underline{\Omega}$ на матрицу $\bar{H}$, а именно:

$$\begin{pmatrix} \left(\frac{\sigma_1}{\lambda_0}\right)^2 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & \left(\frac{\sigma_2}{\lambda_0}\right)^2 & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \left(\frac{\sigma_{14}}{\lambda_0}\right)^2 \end{pmatrix} \otimes \begin{pmatrix} (\lambda_0 \lambda_4)^2 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \left(\frac{\lambda_0 \lambda_1}{\sigma_1}\right)^2 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \left(\frac{\lambda_0 \lambda_1}{\sigma_2}\right)^2 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \left(\frac{\lambda_0 \lambda_1}{2^{43} \sigma_1}\right)^2 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \left(\frac{\lambda_0 \lambda_1}{2^{43} \sigma_2}\right)^2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & \dots \end{pmatrix}$$

1 лаг 2 лаг до 5 лага

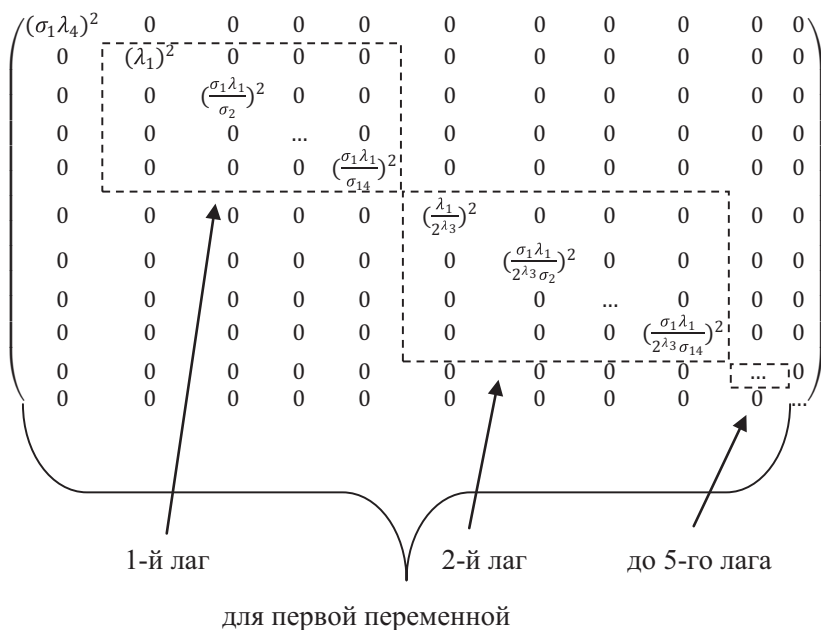
Шкалирующая матрица $\underline{\Omega}$ является квадратной и имеет диагональный вид: элементы на главной диагонали равны $\left(\frac{\sigma_i}{\lambda_0}\right)^2$, где $i = 1, \dots, 14$.

Размерность этой матрицы определяется числом переменных, т.е. 14×14 . Матрица $\bar{H}$ также является квадратной и имеет диагональный вид: ее элемент на главной диагонали для константы равен $(\lambda_0 \lambda_4)^2$

и $\left(\frac{\lambda_0 \lambda_1}{l^{\lambda_3} \sigma_i}\right)^2$ (где $i = 1, \dots, 14$ и $l(\text{лаг}) = 1, \dots, 5$) в остальных случаях. Та-

ким образом, размерность этой матрицы зависит от числа переменных и лагов модели, т.е. 71×71 .

Наполнение матрицы H коэффициентов модели для первой переменной выглядит следующим образом:

Необходимо продолжить перемножение матриц Кронекером до 14-й переменной. Можно заметить, что размер ковариационной матрицы H равен 994×994 : в модели будет происходить оценка 994 диагональных элементов по 55 наблюдениям. Это наглядно демонстрирует то, как байесовская регуляризация позволяет решить проблему излишней параметризации модели.

Оценка чувствительности показателей реального сектора российской экономики к шокам монетарной политики

Выводы о направлении и степени влияния монетарной политики на динамику показателей реального сектора экономики в России формулируются на основе анализа графиков функций импульсного отклика. Вначале необходимо проверить модель на ее соответствие устойчивым теоретическим представлениям о динамике экономических показателей в ответ на шоки, интерес к которым находится за пределами данного исследования.

Положительный шок волатильности фондового рынка VIX указывает на рост пессимистических настроений со стороны инвесторов на мировых рынках, что говорит о снижении объема мирового спроса на углеводороды (приводит к падению российского экспорта нефти) и ее

цены (рис. 3, см. Приложение). Сокращение мировых цен на нефть обуславливает снижение валютной экспортной выручки России, что приводит к изменению соотношения между спросом и предложением валюты на рынке. Это ведет к изменению курса рубля: доллар дорожает, а рубль обесценивается. Рост цены доллара делает импортные товары относительно более дорогими, что в условиях высокой доли потребления российскими гражданами товаров зарубежного производства приводит к скачку инфляции. Происходит падение основных экономических показателей — ВВП, потребления, инвестиций и заработных плат в реальном выражении. Для поддержания курса рубля Банк России выходит на валютный рынок с интервенциями, осуществляя продажу валюты за рубли. Происходит сокращение международных резервов ЦБ РФ и рублевой денежной базы в экономике.

Абсолютно противоположная ситуация наблюдается в случае положительного шока Brent: рост цен на нефть оказывает положительное воздействие на показатели реального сектора (ВВП, потребление, накопление основного капитала, заработную плату, укрепление национальной валюты) российской экономики, которая зависит от рентных доходов (рис. 4).

Инфляция является серьезной проблемой российской экономики. Влияние темпа инфляции на динамику выпуска или экономический рост представляет собой дискуссионную проблему, поскольку нет однозначного ответа на вопрос о том, является оно отрицательным или незначимым для различных стран. Тем не менее в России рост цен приводит к спаду со стороны основных показателей реального сектора (ВВП, потребления, ВНОК) и ведет к обесценению национальной валюты (рис. 5).

Таким образом, модель удовлетворяет современным представлениям о характере взаимосвязи между макроэкономическими переменными, и ее выводам можно доверять. В результате положительного шока ставки межбанковского кредитования $MIACR$ в размере 1 п.п. наблюдается значимое падение реальных ВВП (на 0,03–0,1%) и заработной платы (на 0,1–0,3%) (рис. 6). Положительный шок международных резервов ЦБ РФ в размере 1% приводит к значимому росту реальных экспорта (на 0,01–0,08%), ВВП (на 0,01–0,04%), конечного потребления домохозяйств (на 0,03–0,19%), валового накопления основного капитала (на 0,03–0,2%) и заработной платы (на 0,03–0,2%) (рис. 7). Увеличение денежной базы на 1% приводит к значимому росту реальных ВВП (на 0,01–0,07%), потребления (на 0,01–0,11%), инвестиций (на 0,03–0,15%) и численности занятых (на 0,01–0,03%) (рис. 8). В результате увеличения рефинансирования коммерческих банков наблюдаются статистически значимые слабopоложительные отклики со стороны конечного потребления домашних хозяйств и ВНОК (рис. 9). Девальва-

ция рубля в размере 1% приводит к падению потребления домашних хозяйств на 0,02–0,1% (рис. 10).

Итоговые результаты анализа чувствительности переменных реального сектора экономики в ответ на изменение мер кредитно-денежной политики, а также денежной базы и обменного курса рубля представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Чувствительность (медианный отклик) показателей
реального сектора экономики к изменению инструментов
монетарной политики, денежной базы и обменного курса рубля**

Шоковая переменная		Ставка МІАСR	Между- народные резервы	Денежная база	Чистая ликвидная позиция ЦБ	Валютный курс
Оценка шока		1 п.п.	1%	1%	1000 млрд руб.	1%
Отклик экспорта	Направление	нет	+	нет	нет	нет
	Оценка		0,03%			
	Значимость		да			
	Лаг		0–4			
Отклик ВВП	Направление	-	+	+	нет	нет
	Оценка	0,05%	0,03%	0,04%		
	Значимость	да	да	да		
	Лаг	1–3	0–8	2–7		
Отклик КП д/х	Направление	нет	+	+	+	-
	Оценка		0,10%	0,05%	0,005%	0,05%
	Значимость		да	да	да	нет
	Лаг		0–10	2–10	2–9	0–4
Отклик ВНОК	Направление	нет	+	+	+	нет
	Оценка		0,10%	0,08%	0,01%	
	Значимость		да	да	да	
	Лаг		0–10	0–8	2–8	
Отклик занятости	Направление	нет	нет	+	нет	нет
	Оценка			0,02%		
	Значимость			да		
	Лаг			0–7		
Отклик зарботной платы	Направление	-	+	нет	нет	нет
	Оценка	0,20%	0,10%			
	Значимость	да	да			
	Лаг	1–4	0–10			

Источник: расчеты автора.

Выводы

Монетарная политика оказывает влияние на реальный сектор экономики: было получено подтверждение наличия статистически значимых устойчивых взаимосвязей между изменением инструментов монетарной политики и динамикой реальных переменных.

Основными инструментами денежно-кредитной политики Центрального банка РФ на историческом промежутке времени 2003–2016 гг. являлись операции ЦБ по покупке или продаже иностранной валюты (валютные интервенции), операции Центрального банка по рефинансированию коммерческих банков и процентные ставки.

Наибольшее влияние на изменение реальных показателей, характеризующих динамику макроэкономической конъюнктуры в России, оказал такой инструмент Центрального банка, как валютные интервенции: на шок международных резервов (их изменение является косвенной оценкой величины валютных интервенций) отреагировало наибольшее число переменных реального сектора — экспорт, ВВП, конечное потребление домохозяйств, валовое накопление основного капитала и реальные доходы населения. Это удовлетворяет представлениям о том, что в течение длительного времени основным инструментом воздействия Центрального банка на экономику Российской Федерации были операции на открытом рынке.

Влияние политики валютных интервенций на реальный сектор экономики осуществляется через изменение денежной массы и канал валютного курса. Канал предоставления ликвидности продемонстрировал свою работоспособность: положительный шок международных резервов (покупка иностранной валюты за счет эмиссии рублей) приводит к расширению рублевой денежной базы. В свою очередь, рост денежной базы оказывает положительное воздействие на экономическую динамику: в результате шока происходит значимое увеличение ВВП, потребления и инвестиций в сопоставимых ценах и рост численности занятых. Девальвация рубля приводит к падению потребления, что объясняется высокой долей импорта в потреблении домохозяйств в России. Значимого влияния шока обменного курса рубля на ВВП обнаружено не было, что может быть объяснено разнонаправленностью эффектов ослабления национальной валюты для различных отраслей производства.

Такой инструмент Центрального банка РФ, как операции Банка России по абсорбированию и предоставлению ликвидности, показал ограниченные возможности воздействия на макроэкономические показатели: в ответ на шок чистой ликвидной позиции ЦБ РФ по отношению к банковскому сектору значимый отклик наблюдается со стороны конечного потребления домашних хозяйств и валового накопления

основного капитала, однако оценки этого отклика являются довольно низкими по абсолютной величине и не имеют экономической значимости. Это может быть связано с тем, что предоставление ликвидности экономическим агентам в течение длительного времени осуществлялось в результате политики валютных интервенций Банка России и спрос на кредитные ресурсы со стороны экономических агентов оставался недостаточно высоким с учетом неразвитости фондового рынка в России.

В настоящее время основным инструментом монетарной политики ЦБ РФ является ключевая ставка процента, оказывающая влияние на все краткосрочные ставки в экономике. Было получено подтверждение тому, что положительный шок ставки межбанковского кредитования оказывает негативное воздействие на динамику реальных макроэкономических переменных — ВВП и заработную плату.

В то же время, несмотря на статистическую значимость функций импульсных откликов переменных реального сектора экономики в ответ на шок ставки процента, можно говорить об отсутствии экономической значимости наблюдаемых взаимосвязей, поскольку оценки шоков являются низкими по абсолютной величине и сохраняются значимыми непродолжительное время. Таким образом, текущая ожидаемая сдерживающая денежно-кредитная политика Банка России имеет ограниченное воздействие на динамику реального сектора экономики в России.

Литература

1. *Арефьев Н. Г., Кузнецов С. А., Пономарев К. А.* Как из наблюдаемых корреляций оценить причинно-следственные связи? Сравнение подходов, используемых в экономике и компьютерных науках // *Экономический журнал ВШЭ*. — 2015. — Т. 19. — № 3. — С. 457–496.
2. *Бадасен П. В., Картаев Ф. С., Хазанов А. А.* Эконометрическая оценка влияния валютного курса рубля на динамику выпуска // *Деньги и кредит*. — 2015. — № 7. — С. 41–49.
3. *Ващелюк Н. В., Полбин А. В., Трунин П. В.* Оценка макроэкономических эффектов шока ДКП для российской экономики // *Экономический журнал ВШЭ*. — 2015. — Т. 19. — № 2. — С. 169–198.
4. *Демешев Е. Б., Малаховская О. А.* Картографирование BVAR // *Прикладная эконометрика*. — 2016. — № 3 (43). — С. 118–141.
5. *Ломиворотов Р. В.* Влияние внешних шоков и денежно-кредитной политики на экономику России // *Вопросы экономики*. — 2014. — № 11. — С. 122–139.
6. *Ломиворотов Р. В.* Использование байесовских методов для анализа денежно-кредитной политики в России // *Прикладная эконометрика*. — 2015. — № 2 (38). — С. 41–63.
7. *Нуреев Р. М., Чусовянов Д. С.* Свет и тени политики Банка России в условиях экономических санкций // *Тезисы к Третьему Российскому экономическому конгрессу*. Москва, 19–23 декабря 2016 г.

8. *Пестова А., Мамонов М.* Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики // Экономическая политика. — 2016. — Т. 11. — № 4. — С. 56–92.
9. *Чернядьев Д. Н., Власов С. А.* Умеренно жесткая денежно-кредитная политика необходима для достижения целевого уровня инфляции в 2017 году // Деньги и кредит. — 2016. — № 10. — С. 8–15.
10. *Шульгин А. Г.* Механизм денежной трансмиссии в оцененной DSGE-модели с двумя правилами монетарной политики // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 книгах. — М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2016. — С. 362–374.
11. *Bańbura M., Giannone D., and Reichlin L.* Large Bayesian vector autoregressions // Journal of Applied Econometrics. — 2010. — Vol. 25. — Issue 1. — P. 71–92.
12. *Bernanke B. S., Boivin J., Elias P.* Measuring the effects of monetary policy: A factor-augmented vector autoregressive (FAVAR) approach // The Quarterly Journal of Economics. — 2005. — Vol. 120. — No. 1. — P. 387–422.
13. *Bhuiyan R.* Monetary transmission mechanisms in a small open economy: a Bayesian structural VAR approach // Canadian Journal of Economics. — 2012. — Vol. 45. — No. 3. — P. 1037–1061.
14. *Blake A., Mumtaz H.* Applied Bayesian econometrics for central bankers. Technical Handbook № 4. — London. Centre for Central Banking Studies Technical Handbook, Bank of England. — 2012. — No. 4. — P. 37–41.
15. *Bloor C., Matheson T.* Analyzing shock transmission in a data-rich environment: a large BVAR for New Zealand // Empirical Economics. — 2010. — Vol. 39. — No. 2. — P. 537–558.
16. *Carriero A., Clark T. E., Marcellino, M.* Bayesian VARs: specification choices and forecast accuracy // Journal of Applied Econometrics. — 2015. — Vol. 30. — Issue 1. — P. 46–73.
17. *Cloyne J., Hürtgen P.* The Macroeconomic effects of monetary policy: a new measure for the United Kingdom // American Economic Journal: Macroeconomics. — 2016. — Vol. 8. — No. 4. — P. 75–102.
18. *Gertler M., Karadi P.* Monetary policy surprises, credit costs and economic activity // American Economic Journal: Macroeconomics. — 2015. — Vol. 7. — No. 1. — P. 44–76.
19. *Uhlig H.* What are the effects of monetary policy on output? Results from an agnostic identification procedures // Journal of Monetary Economics. — 2005. — Vol. 52. — Issue 2. — P. 381–419.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aref'ev N. G., Kuznecov S. A., Ponomarev K. A.* Kak iz nabljudаемых корреляций ocenit' prichinno-sledstvennyye svyazi? Svravnenie podhodov, ispol'зуемых v jekonomike i komp'yuternyh naukah // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. — 2015. — Т. 19. — № 3. — С. 457–496.

2. *Badasen P. V., Kartaev F. S., Hazanov A. A.* Jekonometricheskaja ocenka vlijanija valjutnogo kursa rublja na dinamiku vypuska // Den'gi i kredit. — 2015. — № 7. — S. 41–49.
3. *Vashheljuk N. V., Polbin A. V., Trunin P. V.* Ocenka makroekonomicheskikh jeffektov shoka DKP dlja rossijskoj jekonomiki // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. — 2015. — T. 19. — № 2. — S. 169–198.
4. *Demeshev B. B., Malahovskaja O. A.* Kartografirovanie BVAR // Prikladnaja jekonometrika. — 2016. — № 3 (43). — S. 118–141.
5. *Lomivorotov R. V.* Vlijanie vneshnih shokov i denezhno-kreditnoj politiki na jekonomiku Rossii // Voprosy jekonomiki. — 2014. — № 11. — S. 122–139.
6. *Lomivorotov R. V.* Ispol'zovanie bajesovskih metodov dlja analiza denezhno-kreditnoj politiki v Rossii // Prikladnaja jekonometrika. — 2015. — № 2 (38). — S. 41–63.
7. *Nureev R. M., Chusovljanov D. S.* Svet i teni politiki Banka Rossii v uslovijah jekonomicheskikh sankcij // Tezisy k Tret'emu Rossijskomu jekonomicheskomu kongressu. Moskva, 19–23 dekabnja 2016 g.
8. *Pestova A., Mamonov M.* Ocenka vlijanija razlichnyh shokov na dinamiku makroekonomicheskikh pokazatelej v Rossii i razrabotka uslovnyh prognozov na osnove BVAR-modeli rossijskoj jekonomiki // Jekonomicheskaja politika. — 2016. — T. 11. — № 4. — S. 56–92.
9. *Chernjad'ev D. N., Vlasov S. A.* Umerenno zhestkaja denezhno-kreditnaja politika neobhodima dlja dostizhenija celevogo urovnja infljacji v 2017 godu // Den'gi i kredit. — 2016. — № 10. — S. 8–15.
10. *Shul'gin A. G.* Mehanizm denezhnoj transmissii v ocenennoj DSGE-modeli s dvumja pravilami monetarnoj politiki // XVI Aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva: V 4 knigah. — M.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2016. — S. 362–374.

Приложение

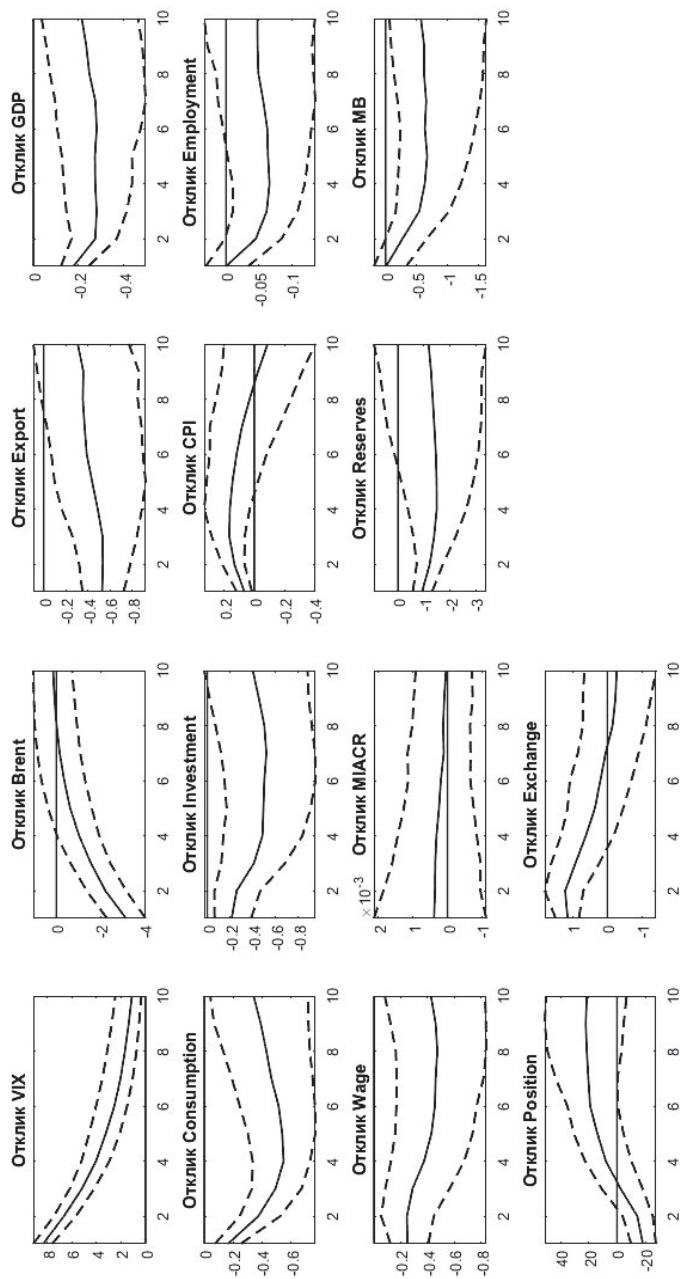

Рис. 3. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок индекса волатильности фондового рынка VIX

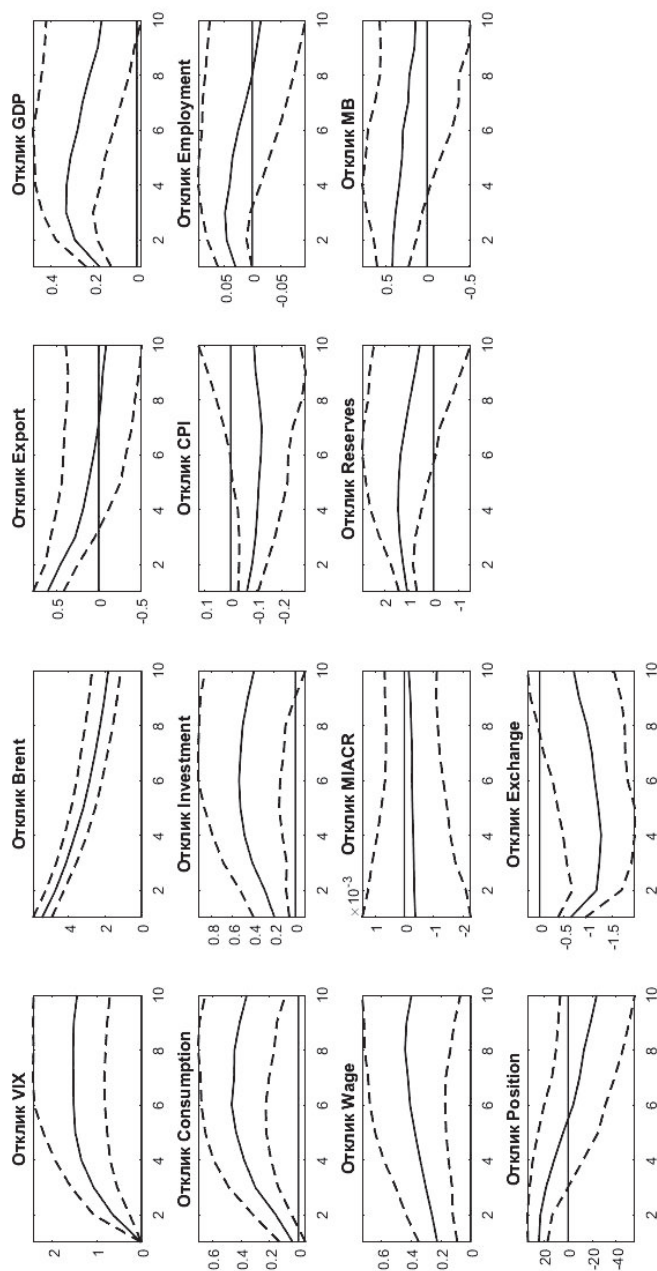

Рис. 4. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок цены нефти марки Brent

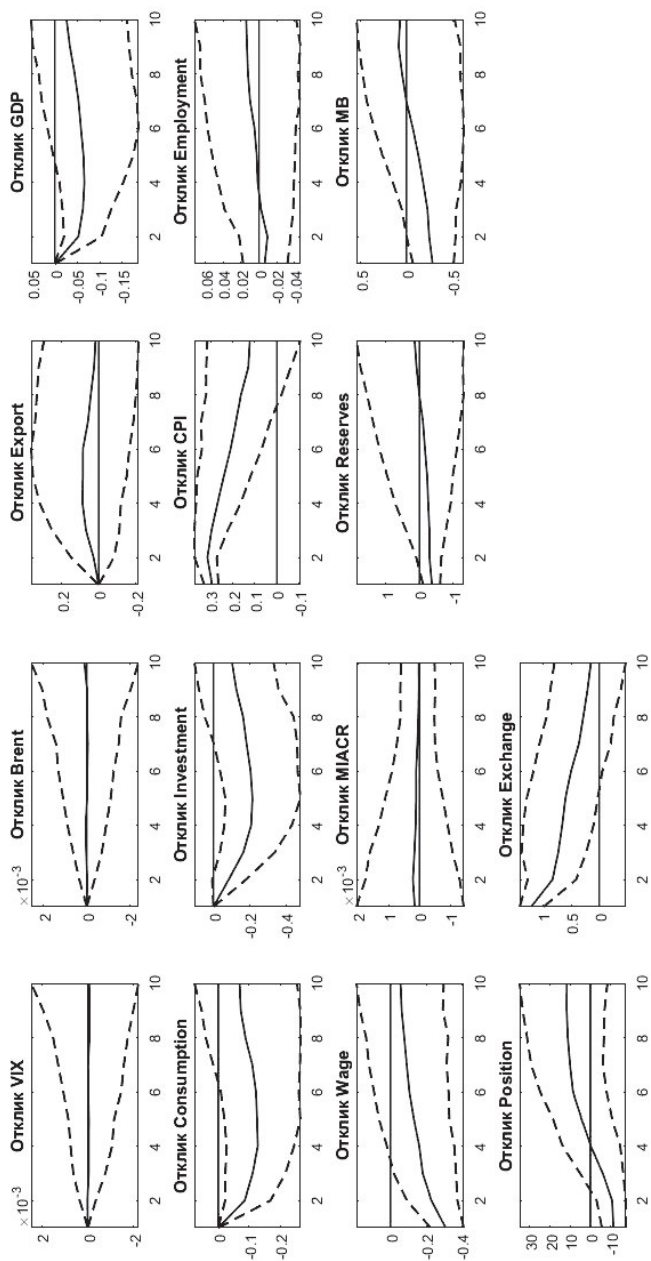

Рис. 5. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок инфляции

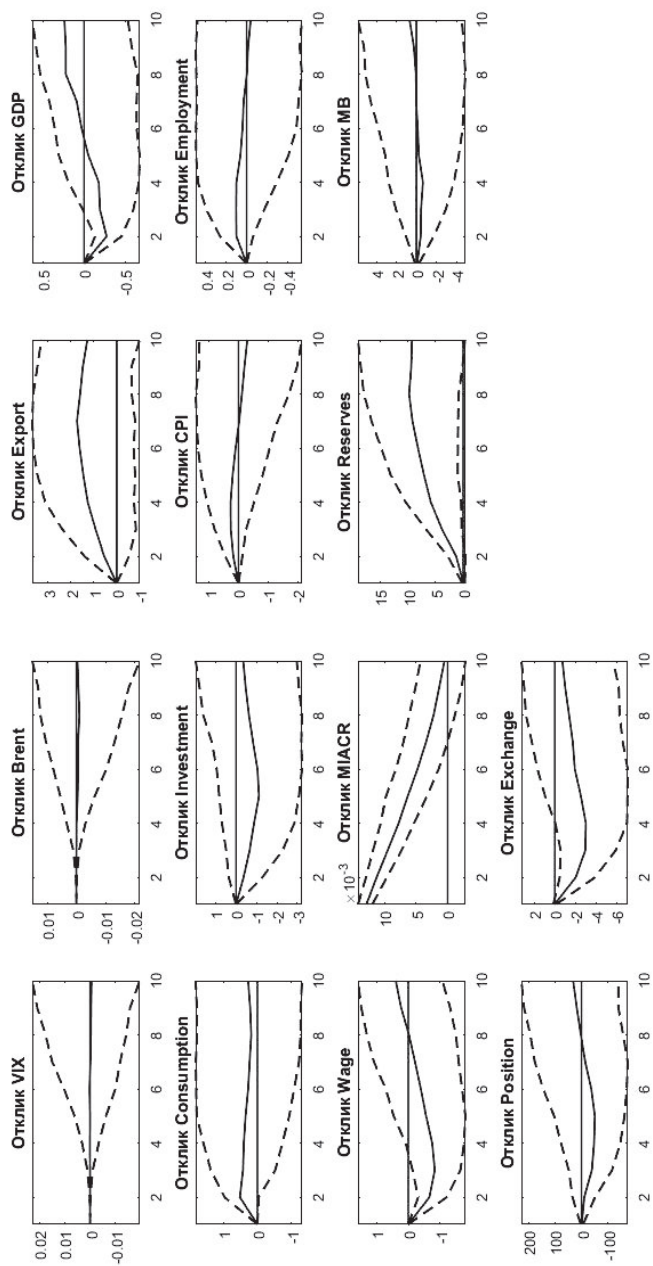

Рис. 6. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок ставки межбанковского кредитования MIACR

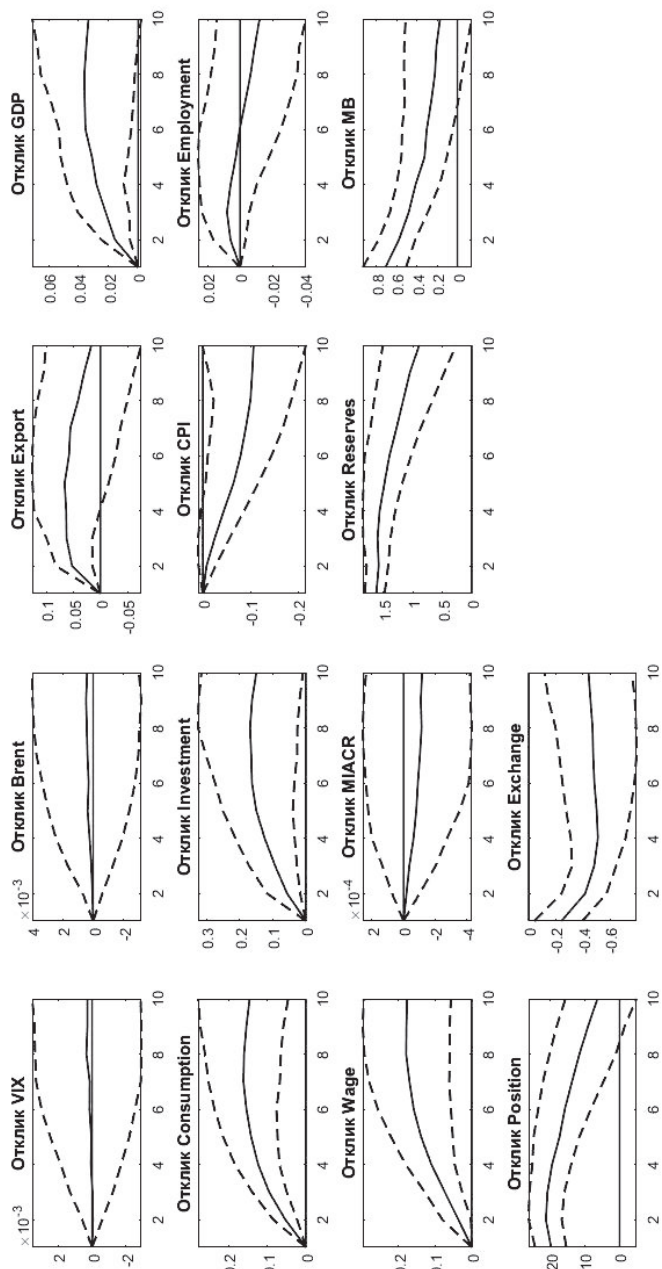

Рис. 7. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок международных резервов

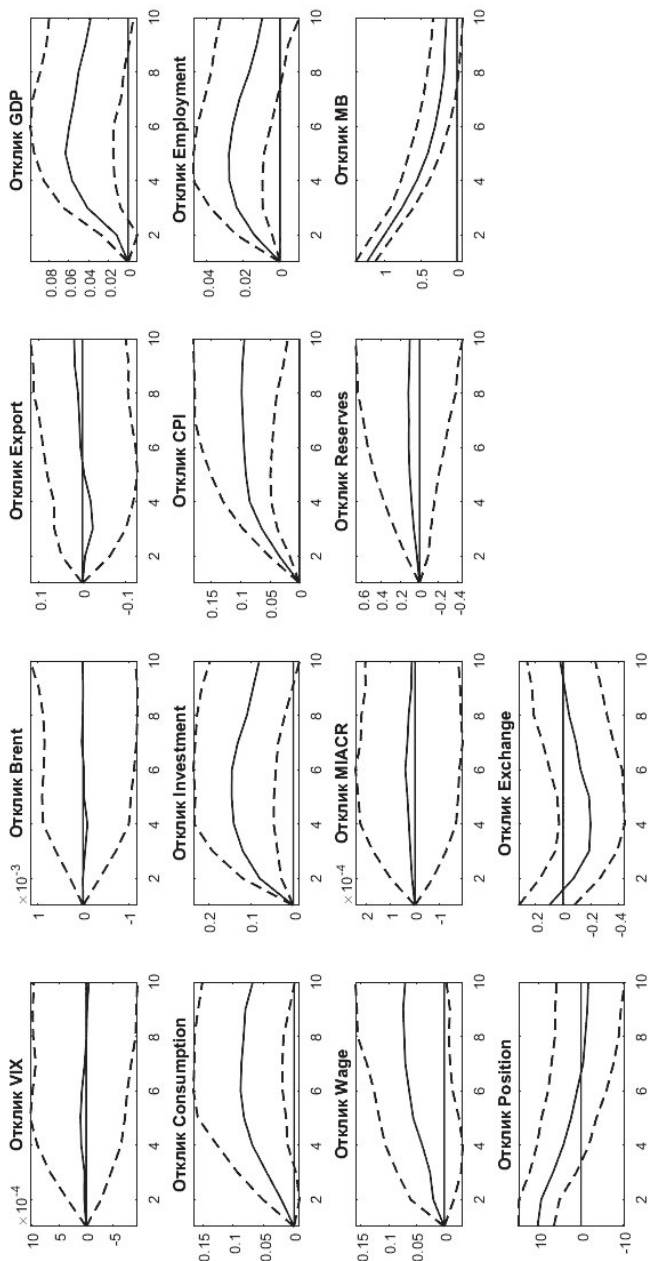

Рис. 8. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок денежной базы

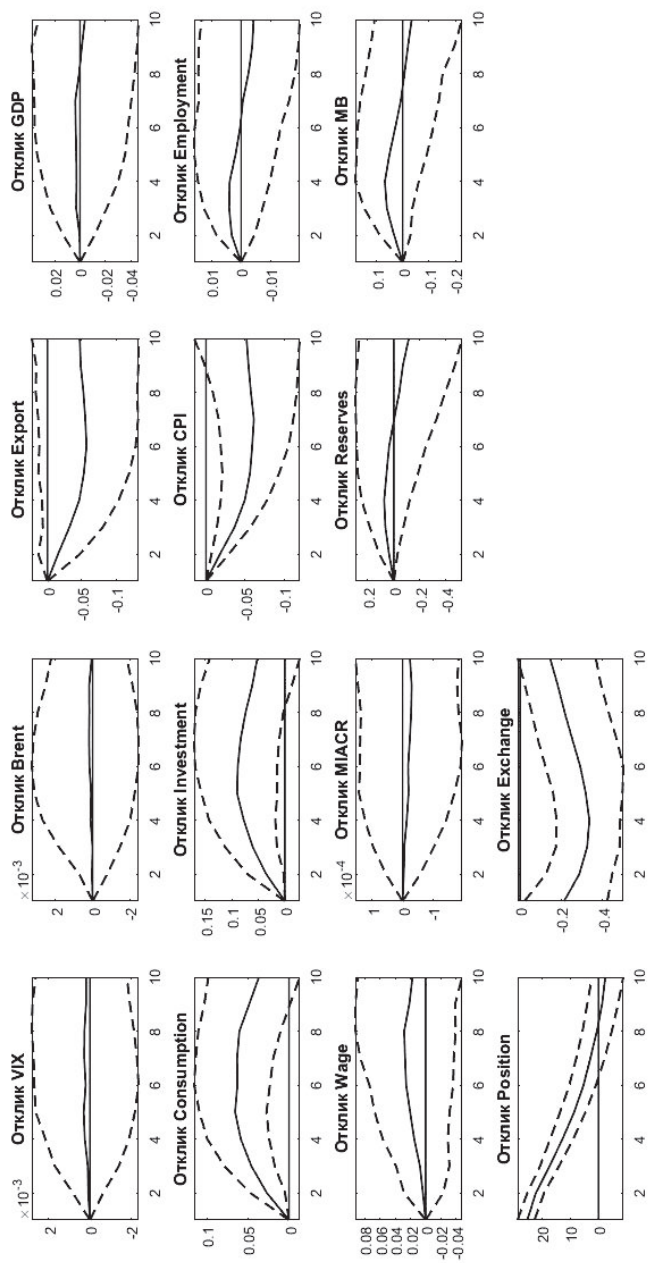

Рис. 9. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок чистой ликвидной позиции Банка России

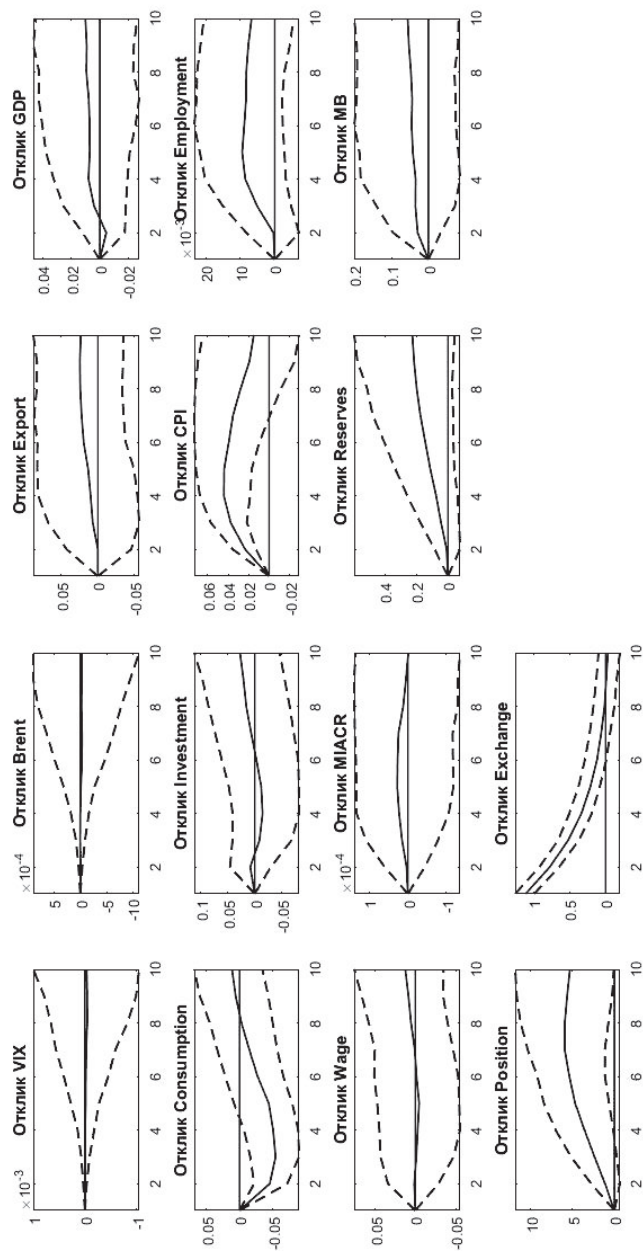

Рис. 10. Отклик всех переменных модели BSVAR на положительный шок обменного курса рубля

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

И. В. Бессарабова¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ РЫНОЧНЫХ РИСКОВ НА ЕВРООБЛИГАЦИИ

В данной работе моделируются количественные метрики оценки рыночных рисков Value-at-Risk и Expected Shortfall для портфеля еврооблигаций российских нефте- и газодобывающих компаний, а также для еврооблигаций каждой компании в отдельности. По результатам моделирования нами было отмечено в целом значительное влияние рыночных рисков на стоимость проанализированных бумаг, а также сделан вывод о том, что нивелировать влияние рыночных рисков полностью невозможно. В связи с этим автор предлагает и обосновывает управленческие и структурные решения и рекомендации, благодаря внедрению которых компаниям — эмитентам еврооблигаций удастся повысить лояльность инвесторов к своим выпускам и тем самым сократить их стоимость, т.е. снизить требуемую доходность инвестора (Value-at-Risk в данном случае выступает в качестве премии за риск).

Ключевые слова: долговое финансирование, еврооблигации, рыночные риски, Value-at-Risk, Expected Shortfall, RAROC.

QUANTITATIVE ESTIMATION APPROACHES TO THE EUROBONDS MARKET RISKS

The paper provides the simulation of quantitative market risks assessment metrics Value-at-Risk and Expected Shortfall for a portfolio of eurobonds of Russian oil and gas companies, and for eurobonds of each particular company. As a result of the modeling, we noted an overall significant market risks' impact on the value of the analyzed securities and made a conclusion that it is impossible to completely neutralize the influence of market risks. In this regard, the author proposes and justifies the administrative and structural solutions and recommendations, the introduction of which will enable the eurobonds issuing companies to enhance investors' loyalty to

¹ Бессарабова Ирина Владимировна, аспирант экономического факультета; e-mail: bessarabova_irina@mail.ru

their issues and thereby reduce their cost, i.e. mitigate the required investors' return (Value-at-Risk in this case acts as a risk-premium).

Key words: debt financing, eurobonds, market risks, Value-at-Risk, Expected Shortfall, RAROC.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена текущей волатильностью на мировых рынках капитала и общей макроэкономической нестабильностью в России (санкции, отсюда почти полная потеря доступа к внешнему долговому рынку как источнику относительно дешевых и долгосрочных средств, сопутствующие проблемы, а именно — сложности с рефинансированием ранее взятых внешних займов и с их погашением в долларах США, недостатки и провалы внутреннего рынка). В связи с этим отечественным эмитентам еврооблигаций крайне важно выявлять, оценивать и управлять рыночными рисками, которые могут серьезно влиять на настроения инвесторов, возможности рефинансирования и общую стоимость долга компании. Так как в большинстве своем еврооблигации номинируются в иностранной валюте, то погашение номинала и ежепериодные выплаты купона зависят от волатильности обменного курса (валютный риск), рыночные колебания цен евробондов влияют на доходность к погашению (процентный риск) и т.д.

В статье исследуется влияние рыночных рисков в агрегированном виде на привлечение долгового финансирования в виде еврооблигаций российскими нефте- и газодобывающими компаниями с использованием количественных методов Value-at-Risk и Expected Shortfall. Эти методы являются одними из наиболее продвинутых и широкоприменяемых в современном риск-менеджменте для оценки рыночных рисков. Кроме оценки влияния вышеописанных рисков на стоимость привлечения евробондов, автором предлагаются управленческие рекомендации по поводу снижения затрат на привлечение еврооблигаций отечественными компаниями в условиях макроэкономической нестабильности.

Статья имеет следующую структуру. Сначала автор анализирует релевантные научные источники по теме исследования. Далее переходит к описанию методологии исследования, а именно обоснованию выбора пула анализируемых российских нефте- и газодобывающих компаний — эмитентов еврооблигаций, краткой характеристике портфеля евробондов данных компаний и пошаговому алгоритму моделирования Value-at-Risk и Expected Shortfall по отобранным еврооблигациям. Затем автором приводится анализ и интерпретация результатов расчетов и предлагаются управленческие решения по снижению затрат на привлечение долгового финансирования в виде еврооблигаций российскими компаниями.

Анализ финансово-экономической учебной и научной литературы

Рассмотрим ключевые российские и зарубежные источники литературы, посвященные методам оценки рыночных рисков, которые принимает на себя компания при формировании долговой структуры финансирования, а также особенностям, роли в современном риск-менеджменте и количественной оценке такой метрики, как стоимость под риском.

Первое публичное описание метода Value-at-Risk (далее VaR) как одного из видов технического (математического) анализа рыночных рисков появилось в 1993 г. в докладе глобального инвестиционного банка J. P. Morgan «Derivatives: Practices and Principles», выполненного по заказу G30 — некоммерческой группы, объединяющей под своей эгидой крупнейшие американские финансовые корпорации. Считается, что сама идея VaR принадлежит председателю совета директоров J. P. Morgan Д. Везерстоуну, который хотел в режиме каждого дня получать от своих сотрудников одностраничный отчет о максимальных потерях по всем трейдинговым позициям в банке, которые ожидаются в течение следующего дня. Немного позже, в октябре 1994 г., банк опубликовал методологию RiskMetrics™ по вычислению VaR [RiskMetrics..., 1999] и разработал специальный программный пакет FourFifteen. На сегодняшний день концепцию VaR для оценки рыночного и некоторых других видов риска используют не только крупные финансовые корпорации и банки, но и более мелкие финансовые организации, а также институциональные инвесторы и нефинансовые корпорации [Кадников, 2009; Лукашов, 2005].

Метод стоимости под риском используется для измерения и оценки рыночного риска одного актива, группы активов (портфеля) или их чувствительности (exposure) в течение определенного периода времени. Привлекательность VaR заключается в простоте интерпретации в качестве совокупной меры риска и управления этим риском по отношению к различным финансовым инструментам и видам деятельности компаний. Под VaR понимают некое приближенное значение максимально разумной потери, которое стоит ожидать компании при реализации возможных рыночных рисков [Culp et al., 1998]. Другими словами, VaR показывает, на сколько денежных единиц может упасть стоимость актива или портфеля активов в результате изменений рыночных цен или обменных курсов. Основными компонентами при вычислении стоимости под риском являются доверительный интервал (confidence level), который обычно выбирают 95%-ный (1,6449σ) или 99%-ный (2,3263σ), и временной горизонт (holding period) — от одного дня и более — как минимальный срок, в течение которого

можно реализовать актив, до истечения данного срока ничего сделать для уменьшения потерь нельзя.

Подробное руководство по оценке VaR можно найти в документе RiskMetrics. Для ценных бумаг с фиксированным доходом сначала предлагается выбрать метод описания денежных потоков: на основании дюрации, номинала (принципала) или номинала и купона в совокупности (cash flow map). Чаше всего используют третий метод. Затем данные денежные потоки по облигации разбивают на один и более (до 14) пиков (vertices) — периодов поступления денежных потоков. Далее этапонно подсчитываются доходность и стандартное отклонение по каждому периоду, корреляционная матрица доходностей, при необходимости — доли для распределения денежных потоков по двум ближайшим пикам, если он не относится ни к одному из выделенных 14 периодов по данной методологии, текущая стоимость денежных потоков и в конце стоимость под риском. Таким образом, мы можем получить разбивку VaR по пикам, т.е. по различным временным периодам, для одной облигации и ее итоговое значение.

Выше был описан один из методов вариаций-ковариаций. Помимо данной группы методов для количественной оценки VaR также используются непараметрические (историческое моделирование) и полупараметрические (EVT, CAViaR) методы, метод компьютерной симуляции Монте-Карло, которые в целом отличаются между собой точностью, эффективностью и сложностью расчетов, а также возможностями применения для оценки рисков по различным финансовым инструментам, как простым, так и производным [Меньшиков и др., 2000; Энциклопедия финансового риск-менеджмента..., 2009; Derivatives and Risk Management Made Simple..., 2013; Manganelli et al., 2001].

Однако метод VaR не единственный способ измерения рыночных рисков. Привлекательность данного метода состоит в его концептуальной простоте и эффективности контроля данных видов рисков. В случаях, когда этот метод нецелесообразно использовать в качестве меры риска, доступны и другие альтернативные варианты, а именно: Expected Shortfall, Cash Flow-at-Risk, Abnormal Return и др. Рассмотрим кратко дополняющий метод *Conditional Value-at-Risk (CVaR) или Expected Shortfall (далее — ES)* [Новая концепция регулирования рыночных рисков..., 2012; Acerbi et al., 2008]. В отличие от концепции стоимости под риском ES позволяет учитывать возможные потери за пределами доверительного интервала, т.е. те самые катастрофические убытки, вероятность которых составляет всего 1% (при 99%-ном уровне доверия), но при их наступлении компания может обанкротиться. Так же как и некоторые продвинутые методы вычисления стоимости под риском, ES учитывает «тяжелые хвосты» и поэтому является более консервативной мерой риска, нежели чем стандартные методы расчета VaR,

так как для одного и того же доверительного интервала CVaR требует резервировать больший капитал.

Выбор пула российских нефте- и газодобывающих компаний — эмитентов еврооблигаций и его характеристика

На основе анализа рейтинга крупнейших компаний России РБК-500 за 2016 г. для исследования был выбран следующий пул отечественных нефте- и газодобывающих компаний (см. табл. 1). Как можно увидеть из данной таблицы, компании были отобраны по показателю выручки, так как по остальным финансовым показателям (EBITDA, чистая прибыль и активы) у них достаточно серьезные расхождения.

Таблица 1

Основные финансовые показатели анализируемых компаний, 2015 г., млрд руб.

№	Компания	Выручка	EBITDA	Прибыль (убыток)	Активы
1	«Газпром»	5985	1875	805	17 052
2	«Лукойл»	5174	769	293	5021
3	«Роснефть»	4120	1245	356	9638
4	«Сургутнефтегаз»	993	-	762	4052
5	«Татнефть»	553	156	106	799
6	«Башнефть»	508	127	60	520
7	«Новатэк»	475	215	74	880
8	«Сахалин Энерджи»	381	-	123	1309
9	«Новый поток»	244	(8)	(32)	187
10	«Славнефть»	224	-	20	312

Источник: мультимедийный холдинг РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 01.02.2017).

Перейдем к рассмотрению доли еврооблигаций данных компаний, находящихся в обращении на конец 2016 г., в их долговом портфеле.

Таблица 2

Еврооблигации в совокупном долговом портфеле анализируемых компаний, 2016 г., млн долл.

№	Компания	Объем выпусков в обращении	Общий долг	Доля евробондов в долговом портфеле компаний
1	«Газпром»	21 895,46	46 995,05	46,6%
2	«Лукойл»	6600,00	13 292,10	49,7%

№	Компания	Объем выпусков в обращении	Общий долг	Доля евробондов в долговом портфеле компаний
3	«Роснефть»	5400,00	46 344,02	11,7%
4	«Сургутнефтегаз»	-	-	-
5	«Татнефть»	-	-	-
6	«Башнефть»	-	-	-
7	«Новатэк»	1886,51	3607,88	52,3%
8	«Сахалин Энерджи»	-	-	-
9	«Новый поток»	-	-	-
10	«Славнефть»	-	-	-

Источник: расчеты автора на основе данных информационного агентства Cbonds.
URL: <http://cbonds.ru/> (дата обращения: 02.02.2017).

Можно заметить из табл. 2, что евробонды занимают существенное место в структуре долга тех компаний, которые заимствуют на данном рынке: у трех из четырех таких компаний доля евробондов в общем долге (учитывались как долгосрочные, так и краткосрочные обязательства и текущая часть долгосрочных обязательств по отчетности МСФО) колеблется на отметке от 46 до 52%, только у «Роснефти» она составляет 11,7%. Следует также отметить, что другие компании («Сургутнефтегаз», «Татнефть», «Башнефть», «Сахалин Энерджи», «Новый поток» и «Славнефть») не имеют выпусков евробондов в обращении, поэтому они были исключены из дальнейшего рассмотрения. «Сургутнефтегаз», «Сахалин Энерджи», «Новый поток» и «Славнефть» вообще никогда не прибегали к такому источнику долгового финансирования как эмиссия еврооблигаций; «Татнефть» в 2002 г. погасила свой первый и единственный выпуск на 300 млн долл.; «Башнефть» досрочно погасила один выпуск на 250 млн долл. через четыре месяца после размещения, другую эмиссию на 15 млрд руб. — через 6,5 месяца. Первоначально объявленные даты погашения обеих эмиссий «Башнефти» — август 2017 г.

Таким образом, всего у отобранных компаний следующее количество выпусков евробондов в обращении на 1 февраля 2017 г.: «Газпром» — 23, «Лукойл» — 7, «Роснефть» — 5 и «Новатэк» — 3. Из данных 38 эмиссий были исключены недолларовые выпуски: EUR — 10, CHF — 3, RUB и GBP — по 1.

Проанализируем более детально портфель еврооблигаций каждой компании (см. табл. 3).

Таблица 3

Характеристика портфеля евробондов анализируемых компаний на 1 февраля 2017 г., млн долл.

Евробонды Компании	Всего		В обращении		В обращении по видам валют, общая сумма (кол-во выпусков)			
	кол-во выпусков	общая сумма	кол-во выпусков	общая сумма	рубли	доллары США	евро	другие валюты
«Газпром»	50	44 712,41	23	21 895,46	-	10 400,00 (9)	9364,61 (10)	2130,85 (4)
«Лукойл»	12	9605,00	7	6600,00	-	6600,00 (7)	-	-
«Роснефть»	8	7050,00	5	5400,00	-	5400,00 (5)	-	-
«Новатэк»	4	2486,51	3	1886,51	236,51 (1)	1650,00 (2)	-	-

Источник: анализ автора на основе данных информационного агентства Cbonds. URL: <http://cbonds.ru/> (дата обращения: 02.02.2017).

«Газпром» впервые вышел на рынок евробондов в октябре 2002 г. и с тех пор осуществил 50 эмиссий на общую сумму более 44,7 млрд долл. На данный момент (01.02.2017) в обращении находится чуть менее половины от всех осуществленных выпусков — 23. По сравнению с остальными анализируемыми компаниями можно отметить широкую диверсификацию выпусков по видам валют. Так, 47,5% от общей суммы выпусков в обращении приходится на долларовые еврооблигации, 42,8% — на евробонды, эмитированные в евро, и оставшиеся 9,7% — на рублевые еврооблигации. Другие три рассматриваемые компании эмитируют евробонды только в долларах, за исключением «Новатэка», который имеет один выпуск на сравнительно небольшую сумму в еврорублях. Все выпуски еврооблигаций «Газпрома» имели фиксированную ставку; 20 эмиссий из 50 предполагали выплату купона раз в год, 27 — дважды в год, две — раз в квартал, и один выпуск предполагал уплату процентов в дату погашения основной суммы займа; все эмиссии неконвертируемые; всего по три выпуска содержали в себе call- и put-опционы соответственно (из находящихся в обращении: два put- и один call-опцион). Распределение выпусков по биржам (листинг): Ирландская (37 выпусков), Люксембургская (7) и Швейцарская (3) биржи. Три выпуска не имели листинга ни на одной бирже.

Как можно заметить из рис. 1, на котором представлено 23 выпуска евробондов «Газпрома» в обращении в координатах «модифицированная дюрация — эффективная доходность», долларовые эмиссии

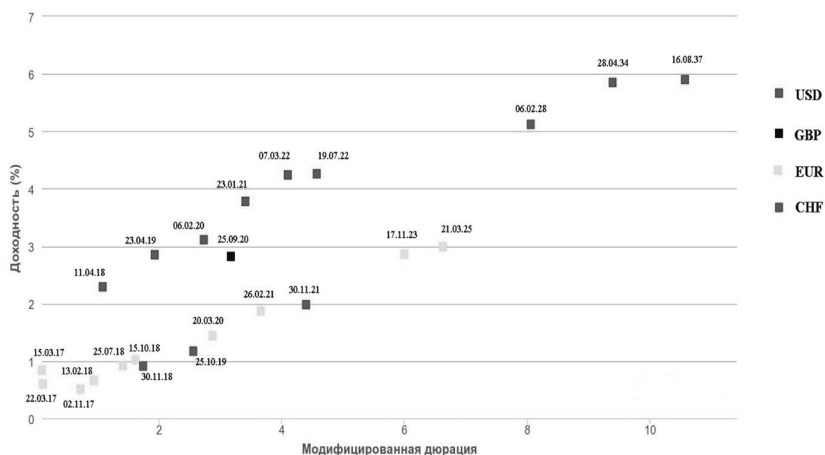

Рис. 1. Карта эмиссий еврооблигаций «Газпрома» в обращении на 1 февраля 2017 г.

Источник: анализ автора на основе данных информационного агентства Cbonds.

URL: <http://cbonds.ru/> (дата обращения: 02.02.2017).

в целом более выгодны инвесторам с точки зрения примерно одинаковой дюрации, как и у остальных бондов, и более высокой доходности. Также большинство бондов достаточно сильно чувствительны к волатильности процентных ставок в зависимости от изменения цены (высокая дюрация, близкая к сроку погашения бондов).

Если же рассматривать только отобранные выше долларové эмиссии четырех компаний, можно отметить, что большинство выпусков «Газпрома» проигрывают в соотношении «риск-доходность» эмиссиям остальных трех компаний (см. рис. 2).

«Лукойл» вышел на рынок еврооблигаций еще в далеком 1997 г. и с тех пор осуществил 12 выпусков на общую сумму 9,6 млрд долл. Все семь выпусков в обращении номинированы в долларах, в другой валюте «Лукойл» никогда не занимал. Так же как и у «Газпрома», евробонды «Лукойла» не предполагали опции плавающей ставки. Однако у трех выпусков, на данный момент погашенных, предполагалась конвертация в АДР компании, обращающиеся на Лондонской бирже. По всем эмиссиям, кроме первой, периодичность выплаты купона была дважды в год. Все выпуски компании в обращении прошли листинг на Лондонской бирже. В целом, так же как и у «Газпрома», большинство бондов компании обладают высокой чувствительностью к колебаниям процентных ставок (см. рис. 2).

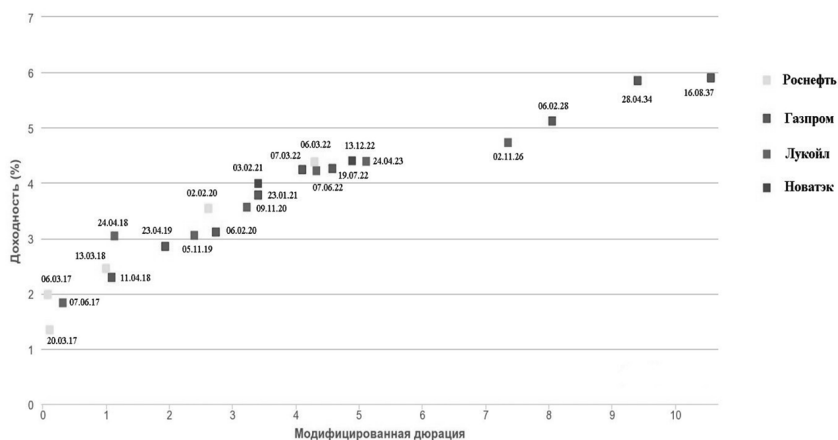

Рис. 2. Карта эмиссий долларовых еврооблигаций «Газпрома», «Роснефти», «Лукойла» и «Новатэка» в обращении на 1 февраля 2017 г.

Источник: анализ автора на основе данных информационного агентства Cbonds.

URL: <http://cbonds.ru/> (дата обращения: 02.02.2017).

Компания «Роснефть» осуществила первую эмиссию еврооблигаций в ноябре 2001 г. В целом по характеристикам облигации компании похожи на бонды «Лукойла»: только долларовые выпуски, фиксированные ставки, полугодовые купонные выплаты, шесть выпусков прошли листинг на Люксембургской бирже и два — на Ирландской бирже. Все эмиссии «Роснефти» не предполагали условий конвертируемости и call- или put-опционов. Как можно увидеть из рис. 2, еврооблигации компании наиболее выгодные для инвестора среди бондов остальных двух российских нефте- и газодобывающих компаний в связи с высокой доходностью и относительно более низкими рисками.

Перейдем к рассмотрению последней компании из пула, которая не отличается такой масштабной активностью на рынке привлечения долга в виде еврооблигаций. Так, крупнейший российский независимый производитель газа, компания «Новатэк», вышла на данный рынок сравнительно недавно, в 2011 г., и занимала четыре раза на общую сумму около 2,5 млрд долл. Три из четырех выпусков были осуществлены в долларах и один — в рублях. Периодичность выплат купонов у всех евробондов компании — дважды в год, ставка фиксированная, опции конвертируемости не предполагается. Все выпуски были листингованы на Ирландской бирже. Из рис. 2 можно заметить, что две евродолларовые облигации компании являются наиболее привлекательными среди облигаций «Газпрома» и «Лукойла» с аналогичными сроками погашения.

Таким образом, были отобраны четыре крупнейшие отечественные нефте- и газодобывающие компании для целей исследования, а также детально проанализированы портфели еврооблигаций данных компаний и выделены как их схожие характеристики (фиксированная ставка, отсутствие опции конвертируемости и условий досрочного выкупа в виде call- и put-опционов, листинг на крупнейших мировых фондовых площадках), так и существенные различия (слабая или вообще отсутствующая диверсификация выпусков по валютам размещения, масштабные расхождения в суммах эмиссий, широкий разброс выпусков с одинаковыми сроками погашения по критериям эффективной доходности и модифицированной дюрации).

Моделирование Value-at-Risk и Expected Shortfall еврооблигаций выбранного пула российских компаний нефтегазового сектора

В целом алгоритм проведенного расчета VaR и ES по отобранным евробондам в отдельности и всему портфелю можно пошагово представить следующим образом.

На первом шаге брались котировки¹ всех еврооблигаций с сайта информационного агентства Cbonds по методологии Cbonds Valuation во избежание большого количества неторгуемых дней при использовании котировок различных бирж. Данная методология индикативного оценивания котировок еврооблигаций основывается на выборе таких котировок, которые в максимальной степени соответствуют рыночной конъюнктуре и сложившимся тенденциям спроса и предложения, в рамках экспертного суждения аналитиков агентства Cbonds. Были взяты котировки за год, с 1 февраля 2016 г. по 1 февраля 2017 г., всего 263 наблюдения. Выбор годового периода обусловлен тем фактом, что для проведения исследования были приняты во внимание рекомендации BIS Market Risk Guidelines касательно следующих параметров: 99%-ный доверительный интервал; расчет волатильности с использованием последних 250 рыночных наблюдений. Ввиду отсутствия котировок по более чем 207 дням из 263 наблюдений из рассмотрения была исключена еврооблигация Лукойл-2026, размещение которой произошло 26 октября 2016 г. Таким образом, итоговый пул еврооблигаций включает в себя 22 выпуска на общую сумму 23,05 млрд долл., из которых девять принадлежит «Газпрому», шесть — «Лукойлу», пять — «Роснефти» и два — «Новатэку» (см. табл. 4).

Вторым шагом стало задание следующих предпосылок по портфелю, состоящему из 22 еврооблигаций отечественных нефте- и газодобывающих компаний: начальный капитал — 1 млн долл. (сумма небольшая для данного рынка, так как на нем преимущественно играют высокопрофессиональные инвесторы), доверительный интервал — 99%-ный (был взят самый строгий интервал согласно рекомендациям BIS Market Risk Guidelines и Базельского комитета по банковскому надзору, так как лучше учесть большие потери, чем недоучесть их), равномерное распределение долей между всеми еврооблигациями в портфеле. В итоге доля евробондов «Газпрома» в общем портфеле составила примерно 40,9%, «Лукойла» — 27,3%, «Роснефти» — 22,7% и «Новатэка» — 9,1%.

На третьем шаге были проведены вспомогательные расчеты в Excel с использованием специальной добавочной библиотеки SRCToolKit. Они включали в себя расчет ковариационной и корреляционных матриц ежедневных и годового изменений и ежедневной волатильности котировок еврооблигаций. Затем при помощи имитационного моделирования возможных сценариев изменения рыночных цен бондов на основе ранее проведенного ковариационного и корреляционного

¹ Биржи и внебиржевые площадки, в том числе и методология Cbonds Valuation, дают не сами котировки еврооблигаций, а их индикативные доходности. Индикативная доходность бралась от котировки last bid (котировка на покупку, закрытие (bid)).

анализа были вычислены сценарии изменения рыночной стоимости активов (т.е. уже с учетом количества каждой облигации в общем портфеле). В данном примере число моделируемых сценариев составило 10 000 наблюдений для каждой из 22 еврооблигаций.

Далее, *на последнем четвертом шаге* были вычислены значения метрик VaR и ES для каждой еврооблигации и портфеля в целом (см. табл. 5). Максимум за период представляет собой максимальное отрицательное значение изменения рыночной стоимости портфеля за весь рассматриваемый период. Данные метрики также были рассчитаны в среде R; незначительные отклонения от значений, вычисленных в Excel, наблюдались с 6-го знака после запятой, что позволяет говорить о высокой точности представленных расчетов.

Таблица 4

Эмиссии долларовых еврооблигаций, отобранных для анализа VaR и ES

№	Бумага	ISIN	Объем эмиссии	Дата погашения
1	Газпром, 8,146%	XS0357281558	1 100 000 000	11.04.2018
2	Газпром, 9,250%	XS0424860947	2 250 000 000	23.04.2019
3	Газпром, 3,85%	XS0885733153	800 000 000	06.02.2020
4	Газпром, 5,999%	XS0708813810	600 000 000	23.01.2021
5	Газпром, 6,510% (1)	XS0290580595	1 300 000 000	07.03.2022
6	Газпром, 4,95% (2)	XS0805570354	1 000 000 000	19.07.2022
7	Газпром, 4,95%	XS0885736925	900 000 000	06.02.2028
8	Газпром, 8,625%	XS0191754729	1 200 000 000	28.04.2034
9	Газпром, 7,288%	XS0316524130	1 250 000 000	16.08.2037
10	Лукойл, 6,356%	XS0304273948	500 000 000	07.06.2017
11	Лукойл, 3,416%	XS0919502434	1 500 000 000	24.04.2018
12	Лукойл, 7,250%	XS0461926569	600 000 000	05.11.2019
13	Лукойл, 6,125%	XS0554659671	1 000 000 000	09.11.2020
14	Лукойл, 6,656%	XS0304274599	500 000 000	07.06.2022
15	Лукойл, 4,563%	XS0919504562	1 500 000 000	24.04.2023
16	Роснефть, 3,149% (1)	XS0861980372	1 000 000 000	06.03.2017
17	Роснефть, 6,625% (2)	XS0292530309	800 000 000	20.03.2017
18	Роснефть, 7,875%	XS0324963932	1 100 000 000	13.03.2018
19	Роснефть, 7,250%	XS0484209159	500 000 000	02.02.2020
20	Роснефть, 4,199%	XS0861981180	2 000 000 000	06.03.2022
21	Новатэк, 6,604%	XS0588433267	650 000 000	03.02.2021
22	Новатэк, 4,422%	XS0864383723	1 000 000 000	13.12.2022

Источник: информационное агентство Cbonds. URL: <http://cbonds.ru/> (дата обращения: 02.02.2017).

Как можно заметить из табл. 5 (см. Приложение), в целом меньше половины рассматриваемых еврооблигаций (девять единиц — Газпром-2021, Газпром-2022 (1), Лукойл-2017, Лукойл-2022, Лукойл-2023, Роснефть-2020, Роснефть-2022, Новатэк-2021, Новатэк-2022) наименее подвержены влиянию рыночных рисков. У остальных бондов значения метрик VaR и ES сильно варьируются, т.е., уменьшая долю наиболее рискованных и увеличивая за их счет долю других, менее подверженных риску еврооблигаций в портфеле, можно сократить VaR и ES по каждой облигации и портфелю в целом. Поэтому, ориентируясь на наиболее строгий критерий ES Парето, так как лучше учесть максимальные возможные потери, чем недоучесть их, автором были предложены следующие доли евробондов в портфеле (см. табл. 6). Данные доли пула еврооблигаций в зависимости от класса риска по ES Парето были равномерно распределены между облигациями, вошедшими в пул. Из табл. 5 также видно, что метрика VaR достаточно сильно занижает рыночные риски по сравнению с ES.

Таблица 6

Оптимальные доли еврооблигаций в портфеле

Значение ES Парето, долл.	Пул еврооблигаций	Общее кол-во еврооблигаций в пуле	Доля пула в портфеле
< 170	Лукойл-2017, Роснефть-2017 (2)	2	36%
239—285	Газпром-2019, Лукойл-2018, Роснефть-2017 (1), Роснефть-2020	4	24%
316—396	Газпром-2018, Лукойл-2019, Лукойл-2022, Новатэк-2021	4	18%
434—655	Газпром-2020, Газпром-2021, Газпром-2022 (1), Лукойл-2020, Лукойл-2023, Роснефть-2018, Роснефть-2022, Новатэк-2022	8	14%
> 1005	Газпром-2022 (2), Газпром-2028, Газпром-2034, Газпром-2037	4	8%

Источник: расчеты и анализ автора.

Таким образом, совокупная доля еврооблигаций «Газпрома» в общем портфеле составила 23,8%, «Лукойла» — 36,5%, «Роснефти» — 33,5% и «Новатэка» — 6,2%. Значения VaR и ES резко уменьшились более чем в 1,5 раза, что можно увидеть из табл. 7 (см. Приложение). Так, если при первоначальном равномерном распределении долей еврообли-

гаций в портфеле VaR Монте-Карло составляла 3996,25 долл., то при увеличении долей еврооблигаций, наименее подверженных рыночным рискам, ее величина сократилась в 1,6 раза и стала равна 2482,86 долл.

Теперь перейдем к сравнению смоделированных и фактических од-нодневных данных по VaR и ES для всего оптимального портфеля (см. табл. 8). Были взяты именно усредненные значения метрик VaR и ES за весь рассматриваемый период, поэтому они отличаются от данных, представленных в табл. 7. Как можно заметить из табл. 8, при оценке фактических, реальных данных наиболее высокую точность продемон-стрировал метод Монте-Карло расчета VaR, исключая пока из рассмо-трения ES. При сравнительно наиболее низких значениях стоимости под риском точность данных методов близка к 99%-ному доверитель-ному интервалу. Метод Монте-Карло дает даже более точные оценки, чем Shortfall по Парето и Гамма-методам. Если анализировать смодели-рованные значения, то стоит отметить, что здесь точность всех методов очень высока. Наиболее близкую к 99%-ному доверительному интервалу точность показали следующие методы: VaR Монте-Карло, VaR исторический и ES Парето. Также стоит отметить, что так как ES является более консервативной мерой риска, чем VaR, то при примерно одина-ковых доверительных интервалах требует резервировать гораздо боль-шие суммы, чем VaR (что особенно заметно по метрике ES Парето).

Таблица 8

Сравнительный анализ смоделированных и фактических значений VaR и ES при доверительном уровне 99% и оптимальном распределении капитала, долл.

Значения	VaR исторический	VaR Монте-Карло	VaR Парето	VaR Гамма	ES Парето	ES Гамма
Смоделированные	2447,00	2482,86	2607,11	2402,68	3291,09	2629,68
Точность	98,91%	98,99%	99,30%	98,81%	99,09%	99,22%
Практические	2399,47	2482,86	2496,17	2245,24	3405,98	2378,50
Точность	98,16%	98,96%	98,44%	98,23%	98,86%	99,06%

Источник: расчеты и анализ автора.

В модели, описанной выше, для расчета показателей VaR, ES и RAROC (risk-adjusted return on capital) по еврооблигациям каждой компании в отдельности, не в целях составления оптимального портфеля, обнулялись доли в портфеле остальных компаний и весь началь-ный капитал распределялся между евробондами одной компании рав-номерно. Показатели VaR и ES были переведены в относительные зна-чения для лучшей сравнимости с RAROC. Данный показатель, в свою

очередь, был рассчитан как ожидаемая эффективная доходность еврооблигации к погашению на 2 февраля 2017 г. (expected return), вычисленная при помощи облигационного калькулятора на сайте Cbonds.ru, деленная на стоимость под риском. В качестве VaR в формуле RAROC было взято самое точное значение стоимости под риском (см. табл. 8), рассчитанное по методу компьютерной симуляции Монте-Карло. В расчетах был использован 99%-ный доверительный интервал, который дает большие значения VaR и ES, так как лучше учесть большие потери, чем недоучесть их. Такой строгий доверительный интервал должны использовать только финансовые институты согласно рекомендациям Базельского комитета по банковскому надзору.

Перейдем к рассмотрению и анализу вышеобозначенных показателей для каждой из четырех отобранных отечественных компаний нефтегазового сектора. Так, из табл. 9 можно увидеть, что из девяти долларовых выпусков еврооблигаций в обращении «Газпрома» только два демонстрируют RAROC выше медианного уровня¹. Поэтому в целом ожидаемая доходность по евробондам «Газпрома» покрывает возможные риски потерь инвесторов в достаточной сумме, но не самая выгодная по сравнению с бумагами других отечественных компаний. При дальнейшем анализе были отмечены высокие показатели VaR и ES (выше медианных) у семи еврооблигаций компании со сроком погашения в 2020 г. и выше. То есть можно заметить, что мало того, что возможные однодневные потери, вероятность наступления которых составляет 99%, выше медианного уровня, так и существенные потери, вероятность понесения которых составляет лишь 1%, находятся также на уровне выше медианного. Таким образом, можно сделать вывод, что для инвесторов из рассматриваемых девяти евродолларовых облигаций крупнейшего газового монополиста России привлекательны по риск-профилю лишь две ценные бумаги — со сроками погашения в 2018 и 2019 гг.

Таблица 9

Коэффициенты VaR, ES и RAROC по еврооблигациям «Газпрома»

	2018	2019	2020	2021	2022 (1)	2022 (2)	2028	2034	2037
VaR исторический	0,35%	0,41%	0,73%	0,67%	0,83%	1,21%	1,38%	1,36%	1,46%
VaR Монте-Карло	0,26%	0,33%	0,52%	0,59%	0,65%	1,06%	1,07%	1,03%	1,29%

¹ Данный уровень был посчитан по всем 22 еврооблигациям. Его значения по различным показателям составили: VaR исторический = 0,61%, VaR Монте-Карло = 0,51%, VaR Парето = 0,66%, VaR Гамма = 0,60%, ES Парето = 0,97%, ES Гамма = 0,67% и RAROC = 7,41%. Значения, превышающие медиану, выделены в таблицах жирным шрифтом.

	2018	2019	2020	2021	2022 (1)	2022 (2)	2028	2034	2037
VaR Парето	0,39%	0,42%	0,79%	0,72%	0,77%	1,40%	1,49%	1,57%	1,76%
VaR Гамма	0,33%	0,43%	0,66%	0,68%	0,81%	1,47%	1,38%	1,31%	1,43%
ES Парето	0,72%	0,63%	1,46%	0,96%	0,99%	2,84%	2,23%	2,80%	2,79%
ES Гамма	0,38%	0,52%	0,76%	0,78%	0,97%	1,97%	1,61%	1,51%	1,58%
<i>RAROC</i>	9,38%	8,86%	6,07%	6,60%	6,66%	4,15%	4,91%	5,83%	4,74%

Источник: расчеты и анализ автора.

У следующей из рассматриваемых компаний, «Лукойла», из шести евродолларовых еврооблигаций пять обладают повышенной доходностью с учетом риска, однако три бумаги также потенциально несут в себе крупные катастрофические потери (ES больше медианы). Поэтому наиболее привлекательными для инвесторов являются три эмиссии: 2017, 2018 и 2019 гг. (см. табл. 10).

Таблица 10

Коэффициенты VaR, ES и RAROC по еврооблигациям «Лукойла»

	2017	2018	2019	2020	2022	2023
VaR исторический	0,15%	0,40%	0,50%	0,62%	0,61%	0,72%
VaR Монте-Карло	0,15%	0,30%	0,40%	0,46%	0,56%	0,70%
VaR Парето	0,15%	0,40%	0,56%	0,64%	0,68%	0,83%
VaR Гамма	0,16%	0,35%	0,46%	0,53%	0,62%	0,72%
ES Парето	0,21%	0,58%	0,84%	0,98%	0,89%	1,07%
ES Гамма	0,20%	0,39%	0,50%	0,60%	0,68%	0,77%
<i>RAROC</i>	13,26%	8,06%	7,78%	7,90%	7,63%	6,27%

Источник: расчеты и анализ автора.

Из пяти ценных бумаг «Роснефти» для инвестора крайне выгодны три еврооблигации как с близкими сроками погашения, так и с более долгосрочными (2017 (1), 2017 (2) и 2020) по показателям доходности, превышающей аналогичные показатели других рассматриваемых компаний, и по показателям риска, в том числе риска понесения очень крупных потерь. При этом даже бумага Роснефть-2018 при сравнительно больших значениях стоимости под риском и катастрофических потерь демонстрирует неплохую RAROC (см. табл. 11).

Таблица 11

Коэффициенты VaR, ES и RAROC по еврооблигациям «Роснефти»

	2017 (1)	2017 (2)	2018	2020	2022
VaR исторический	0,29%	0,25%	0,45%	0,47%	0,89%
VaR Монте-Карло	0,25%	0,19%	0,36%	0,38%	0,71%
VaR Парето	0,33%	0,25%	0,52%	0,43%	0,84%
VaR Гамма	0,35%	0,24%	0,51%	0,46%	0,83%
ES Парето	0,53%	0,37%	1,08%	0,53%	1,10%
ES Гамма	0,45%	0,28%	0,65%	0,55%	0,96%
RAROC	8,66%	12,79%	7,18%	9,53%	6,34%

Источник: расчеты и анализ автора.

Если рассматривать две евродолларовые бумаги «Новатэка», то можно увидеть, что одна из еврооблигаций, Новатэк-2021, крайне привлекательна для инвестора с точки зрения высокой доходности и сравнительно низких рыночных рисков и причем ее доходность сравнима с доходностью схожих по параметрам бумаг «Лукойла» и «Роснефти» и выше RAROC по бондам «Газпрома» (подробнее см. в табл. 12). Вторая еврооблигация видится непривлекательной для инвестора: более высокие риски чем, например, у облигации Лукойл-2022, но меньшая RAROC.

Таблица 12

Коэффициенты VaR, ES и RAROC по еврооблигациям «Новатэка»

	2021	2022
VaR исторический	0,61%	0,83%
VaR Монте-Карло	0,50%	0,64%
VaR Парето	0,59%	0,80%
VaR Гамма	0,58%	0,77%
ES Парето	0,70%	1,02%
ES Гамма	0,65%	0,88%
RAROC	8,09%	7,04%

Источник: расчеты и анализ автора.

Таким образом, по результатам моделирования Value-at-Risk и Expected Shortfall различными методами и расчета RAROC по каждой из 22 отобранных еврооблигаций российских нефте- и газодобывающих компаний можно отметить в целом значительное влияние рыночных рисков в агрегированном виде на стоимость проанализированных евробондов. При равномерном распределении первоначального капитала высокие значения (свыше медианных) стоимости под риском и Expected

Shortfall демонстрируют семь из девяти рассмотренных выпусков «Газпрома» (2020, 2021, 2022 (1), 2022 (2), 2028, 2034 и 2037), половина эмиссий «Лукойла» (2020, 2022 и 2023), две из шести анализируемых эмиссий «Роснефти» (2018 и 2022) и один из двух выпусков «Новатэка» (2022). При попытке отойти от равномерного распределения долей всех 22 еврооблигаций в портфеле и формировании эталонного (оптимального с точки зрения инвестора по возможным и катастрофическим потерям) портфеля, ориентируясь на минимизацию наиболее консервативного и строгого критерия ES Парето, были получены следующие результаты: свыше медианных уровней VaR и ES показали пять выпусков «Газпрома» (2019, 2022 (2), 2028, 2034 и 2037), четыре эмиссии «Лукойла» (2017, 2018, 2019 и 2022), три выпуска «Роснефти» (2017 (1), 2017 (2), 2020) и эмиссия «Новатэка» (2021). То есть нивелировать влияние рыночных рисков при данной процедуре полностью не удалось, и можно сделать вывод, что в итоге у всех пяти компаний есть еврооблигации, сильно подверженные влиянию рыночных рисков (в совокупности у «Газпрома» — восемь (из девяти) и все рассматриваемые евродолларовые выпуски «Лукойла», «Роснефти» и «Новатэка»). При этом точность смоделированных значений VaR и ES различными методами очень высока — близка к выбранному 99%-ному доверительному интервалу. Если же рассматривать привлекательность данных евробондов для инвестора с точки зрения не только рисков понесения возможных и катастрофических потерь, но и доходности с учетом данных рисков, то ситуация меняется в лучшую сторону: у «Газпрома» интересны для инвестора два выпуска (2018, 2019), у «Лукойла» — три (2017, 2018, 2019), у «Роснефти» — три (2017 (1), 2017 (2), 2020) и у «Новатэка» — один (2021). Поэтому после проведения детального анализа влияния рыночных рисков на требуемую доходность инвестора (VaR в данном случае выступает в качестве премии за риск) автором были предложены управленческие и структурные решения, благодаря внедрению которых компаниям — эмитентам еврооблигаций удастся повысить лояльность инвесторов к своим выпускам и тем самым сократить стоимость их привлечения (т.е. снизить требуемую доходность инвестора).

Управленческие решения по снижению затрат на привлечение долгового финансирования в виде еврооблигаций российскими нефте- и газодобывающими компаниями в современных условиях

Для повышения привлекательности выпусков евробондов, снижения рисков по ним и соответственно уменьшения стоимости привлекаемого долга (доходности, выплачиваемой инвесторам) компаниям-эмитентам необходимо внедрять следующие элементы:

1. *Опцию пут-опциона в структуре еврооблигации.* Благодаря данной опции инвестор может продать бонды эмитенту в конкретно определенные моменты времени, что повышает лояльность инвестора к более низким процентным ставкам по облигациям. Также сам эмитент может быть в будущем заинтересован в выкупе крупных объемов выпущенных бумаг. С другой стороны, если эта опция отсутствует, инвестор может обратиться на вторичный рынок, при его наличии и эффективном функционировании;

2. *Опцию конвертируемости еврооблигаций,* например, в АДР компании. Рыночная цена таких бумаг имеет неограниченный потенциал роста, так как по мере увеличения стоимости АДР растет и стоимость конвертируемой еврооблигации. В связи с ограниченными рисками уменьшения стоимости таких бондов компания-эмитент может предлагать инвесторам более низкую процентную ставку;

3. *Переменную ставку купона.* Это хороший ориентир того, какую ставку эмитенту следует установить на следующий купонный период. В случае если еврооблигации торгуются с дисконтом, компания может либо повысить купонную ставку, либо принять иные меры по повышению привлекательности для инвесторов данного выпуска. Если же облигации торгуются с премией, то, значит, инвесторы оценивают текущий купон как достаточно высокий и у компании есть все основания снизить размер процентной ставки. Также еврооблигации с переменным купоном следует выбирать российским заемщикам из-за нестабильной конъюнктуры рынков, в частности, рынка цен на энергоносители;

4. *Диверсифицированный валютный номинал эмиссий.* Так, компания часто рекомендуется поддерживать соотношение валют в долговом портфеле, близкое к соотношению валют в выручке, что позволяет минимизировать риски колебания обменных курсов. Помимо этого в данный момент на развитых рынках существует тенденция эмитировать еврооблигации в «экзотических» валютах (китайские юани, сингапурские доллары, российские рубли и др.), что ведет к расширению базы инвесторов, увеличению возможностей получить более дешевое финансирование или на нестандартные сроки, что, например, недоступно на евродолларовом рынке. Также рассмотренным российским компаниям-эмитентам можно присмотреться к двухвалютным еврооблигациям (номинал — в одной валюте, купон — в другой), что позволит им диверсифицировать валютные риски или номинировать разные транши в разных валютах с той же целью;

5. *Новые разновидности еврооблигаций.* Так, за рубежом, на европейском и американском рынках, довольно активно эмитируются такие виды евробондов, как индексируемые (купон данных облигаций привязан к различным макроэкономическим показателям, например, к инфляции или изменению валютного курса, что позволяет инвестору минимизировать данные риски), FRNs (Floating Rate Notes) с ограничени-

ями максимального, минимального или обоих значений купонов сразу (данные облигации позволяют защитить как эмитента, так и инвестора и минимизировать сильные колебания ставки купона), синтетические FRNs (фиксированный купон по таким евробондам компания может конвертировать в переменный посредством процентного свопа) и т.д.

Таким образом, внедрение вышеперечисленных управленческих мер и инструментов позволит компаниям-эмитентам снизить стоимость выпуска евробондов, расширить базу инвесторов, рассчитывать на нестандартные условия (например, сроки заимствования), диверсифицировать и захеджировать свои валютные и процентные риски, а также обеспечить большую гибкость в управлении денежными потоками по облигациям и многое другое. Непопулярность и/или нежелание использовать данные меры и инструменты российскими компаниями можно объяснить сложностями бухгалтерского и налогового учета деривативов, ложное представление о многих вышеупомянутых инструментах как о спекулятивных, а не инструментах управления ликвидностью, а также желание идти «проторенной» дорогой. В то время как в условиях существующей макроэкономической нестабильности применение данных мер и использование инструментов позволит остаться в выигрыше и эмитенту евробондов, и инвестору.

Заключение

По результатам моделирования Value-at-Risk и Expected Shortfall различными методами и расчета RAROC по каждой из 22 отобранных евродолларовых облигаций четырех крупнейших российских нефте- и газодобывающих компаний было отмечено в целом значительное влияние рыночных рисков в агрегированном виде на котировки проанализированных бумаг. При попытке отойти от равномерного распределения долей всех 22 еврооблигаций в портфеле и формировании эталонного (оптимального с точки зрения инвестора по возможным и катастрофическим потерям) портфеля, ориентируясь на минимизацию наиболее консервативного и строгого критерия ES Парето, были получены следующие результаты: свыше медианных уровней VaR и ES показали пять выпусков «Газпрома», четыре эмиссии «Лукойла», три эмиссии «Роснефти» и выпуск «Новатэка». То есть нивелировать влияние рыночных рисков при данной процедуре полностью не удалось, и можно сделать вывод, что в итоге у всех рассматриваемых компаний есть еврооблигации, сильно подверженные влиянию рыночных рисков (в совокупности у «Газпрома» — восемь (из девяти) и все рассматриваемые евродолларовые выпуски «Лукойла», «Роснефти» и «Новатэка»).

Поэтому, детально проанализировав влияние рыночных рисков на требуемую доходность инвестора (VaR в данном случае выступает

в качестве премии за риск), автор предлагает и обосновывает управленческие и структурные решения и рекомендации, благодаря внедрению которых компаниям — эмитентам еврооблигаций удастся повысить лояльность инвесторов к своим выпускам и тем самым сократить их стоимость (т.е. снизить требуемую доходность инвестора).

Список литературы

1. *Кадников А. А.* VaR портфеля, содержащего инструменты с короткой историей торгов // Вестник НГУ. — 2009. — Том 9. — № 3. — С. 39–52.
2. *Лукашов А. В.* Риск-менеджмент и количественное измерение финансовых рисков в нефинансовых корпорациях // Управление рисками. — 2005. — № 5 (11). — С. 43–60.
3. *Меньшиков И. С., Шелагин Д. А.* Рыночные риски: модели и методы. — М.: Вычислительный центр РАН, 2000. — 55 с.
4. Новая концепция регулирования рыночных рисков в рамках торгового портфеля // KPMG, 2012. — 4 с.
5. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / Под ред. канд. экон. наук А. А. Лобанова и А. В. Чугунова. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. — 932 с.
6. *Acerbi C., Nordio C., Sirtori C.* Expected Shortfall as a Tool for Financial Risk Management // Italian Association for Financial Risk Management, Working paper, 2008.
7. *Culp C. L., Miller M. H., Neves A. M. P.* Value at Risk: Uses and Abuses // Journal of Applied Corporate Finance. — 1998. — Vol. 10. — No 4. — P. 26–38.
8. Derivatives and Risk Management Made Simple // J. P. Morgan, National Association of Pension Funds Limited. — London, 2013. — 24 p.
9. *Manganelli S., Engle R. F.* Value at Risk Models in Finance // European Central Bank, Working Paper. — 2001. — № 75. — 41 p.
10. RiskMetrics. CorporateMetrics™ Technical Document. RiskMetrics Group. — New York, 1999.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Kadnikov A. A.* VaR portfelja, sodержashhego instrumenty s korotkoj istoriej trgov // Vestnik NGU. — 2009. — Tom 9. — № 3. — S. 39–52.
2. *Lukashov A. V.* Risk-menedzhment i kolichestvennoe izmerenie finansovyh riskov v nefinansovyh korporacijah // Upravlenie riskami. — 2005. — № 5 (11). — S. 43–60.
3. *Men'shikov I. S., Shelagin D. A.* Rynochnye riski: modeli i metody. — M.: Vychislitel'nyj centr RAN, 2000. — 55 s.
4. Novaja koncepcija regulirovaniya rynochnyh riskov v ramkah trgovogo portfelja // KPMG, 2012. — 4 s.
5. Jenciklopedija finansovogo risk-menedzhmenta / Pod red. kand. jekon. nauk A. A. Lobanova i A. V. Chugunova. 4-e izd., ispr. i dop. — M.: Al'pina Biznes Buks, 2009. — 932 s.

Приложение

Значения VaR и ES при доверительном уровне 99% и равномерном распределении капитала, долл.

Таблица 5

Метод	Газпром 18	Газпром 19	Газпром 20	Газпром 21	Газпром 22 (1)	Газпром 22 (2)	Газпром 28	Газпром 34	Газпром 37	Лукойл 17	Лукойл 18	Лукойл 19
VaR исторический	157,92	187,20	330,00	304,50	373,10	550,00	621,00	612,50	653,25	66,00	176,00	222,00
VaR Монте-Карло	115,56	151,41	231,58	266,19	294,64	478,19	483,35	464,66	577,27	67,34	132,01	178,25
VaR Парето	173,47	190,22	356,09	328,33	347,18	633,72	669,67	709,88	789,60	67,18	178,70	249,65
VaR Гамма	146,15	193,21	296,70	310,22	363,70	666,95	619,93	592,13	640,03	72,66	154,29	203,05
ES Парето	324,92	284,89	654,59	434,26	448,29	1286,01	1005,54	1263,45	1249,86	92,63	258,99	373,13
ES Гамма	169,65	236,30	342,20	352,56	439,37	893,67	724,36	680,99	707,49	91,02	171,86	221,65
Максимум за период	178,50	300,00	381,92	420,00	584,25	1192,40	989,00	829,50	780,00	125,40	198,00	264,00

Метод	Лукойл 20	Лукойл 22	Лукойл 23	Роснефть 17 (1)	Роснефть 17 (2)	Роснефть 18	Роснефть 20	Роснефть 22	Новатэк 21	Новатэк 22	Портфель
VaR исторический	274,70	272,00	321,20	130,50	112,50	201,60	213,20	404,80	274,70	372,15	4822,00
VaR Монте-Карло	206,46	251,21	313,30	113,81	86,80	161,92	172,93	323,48	223,56	285,86	3996,25
VaR Парето	283,83	304,44	368,76	148,69	112,61	231,97	193,68	380,92	267,22	358,94	5988,72
VaR Гамма	238,29	274,30	319,90	156,64	107,35	225,47	206,57	374,93	261,43	346,54	4750,17
ES Парето	437,26	395,95	474,50	239,23	168,77	481,46	241,23	501,56	316,87	458,15	9427,21
ES Гамма	266,11	302,20	344,34	200,56	126,27	289,66	248,37	437,58	293,08	396,38	5190,59
Максимум за период	299,30	352,00	374,00	308,25	144,00	455,70	287,00	565,80	315,70	495,00	5908,70

Источник: расчеты и анализ автора.

Таблица 7

Значения VaR и ES при доверительном уровне 99% и оптимальном распределении капитала, долл.

Метод	Газпром 18	Газпром 19	Газпром 20	Газпром 21	Газпром 22 (1)	Газпром 22 (2)	Газпром 28	Газпром 34	Газпром 37	Лукойл 17	Лукойл 18	Лукойл 19
VaR исторический	157,92	243,36	127,50	116,00	136,50	237,50	270,00	262,50	284,75	265,50	236,00	222,00
VaR Монте-Карло	115,56	196,83	89,47	101,40	107,79	206,49	210,15	199,14	251,63	270,91	177,01	178,25
VaR Парето	173,47	247,25	137,67	125,14	127,08	273,75	291,23	304,31	344,26	269,94	239,59	249,65
VaR Гамма	146,15	251,17	114,63	118,18	133,06	288,00	269,53	253,77	278,99	292,31	206,88	203,05
ES Парето	324,92	370,17	253,40	165,78	164,36	555,87	437,53	541,91	545,17	370,91	347,08	373,13
ES Гамма	169,65	307,19	132,21	134,31	160,75	385,90	314,94	291,85	308,39	366,16	230,45	221,65
Максимум за период	178,50	390,00	147,56	160,00	213,75	514,90	430,00	355,50	340,00	504,45	265,50	264,00

Метод	Лукойл 20	Лукойл 22	Лукойл 23	Роснефть 17 (1)	Роснефть 17 (2)	Роснефть 18	Роснефть 20	Роснефть 22	Новатэк 21	Новатэк 22	Портфель
VaR исторический	107,20	272,00	124,10	171,10	447,50	76,80	280,80	149,60	274,70	140,59	3027,05
VaR Монте-Карло	80,57	251,21	121,05	149,22	345,29	61,68	227,76	119,55	223,56	107,99	2482,86
VaR Парето	110,84	304,44	142,53	194,91	447,59	88,47	255,05	140,84	267,22	135,66	3766,33
VaR Гамма	92,99	274,30	123,60	205,37	427,00	85,89	272,07	138,56	261,43	130,91	2984,27
ES Парето	171,02	395,95	183,66	313,44	669,50	184,03	317,55	185,71	316,87	173,42	6256,47
ES Гамма	103,85	302,20	133,04	262,95	502,29	110,35	327,13	161,71	293,08	149,74	3297,34
Максимум за период	116,80	352,00	144,50	404,15	572,80	173,60	378,00	209,10	315,70	187,00	3601,80

Источник: расчеты и анализ автора.

Трибуна преподавателя

С. В. Ануреев¹,

Финансовый университет (Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ФИНАНСОВ

В статье проведен сравнительный анализ магистерских программ четырех ведущих экономических вузов России с университетами из рейтингов Best US News, QS Top University и Репес. Анализ показал, что программы ведущих зарубежных университетов в основном ориентированы на администрирование, политологию или на сочетание общественных финансов и экономики общественного сектора в ущерб финансам. В 130 проанализированных университетах было выявлено всего порядка десяти программ со значительным наполнением разнообразными дисциплинами именно специализации «государственные и муниципальные финансы». Российские магистерские программы как минимум не уступают ведущим зарубежным аналогам по составу и содержанию дисциплин, что является хорошей основой модификации их для преподавания на английском языке. Статья содержит ссылки на наиболее полные специализированные программы зарубежных университетов, различные вариации названий дисциплин на английском языке и на отечественные аналоги этих дисциплин, что позволяет использовать ее для актуализации содержания дисциплин отечественных программ.

Ключевые слова: государственные финансы, международная мобильность университетов, рейтинги университетов.

INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF RUSSIAN MASTER PROGRAMS IN PUBLIC FINANCE

The article presents a comparative analysis of Master's programs of four leading Russian universities with those offered by top globally recognized universities (from

¹ Ануреев Сергей Владимирович, д.э.н., профессор департамента общественных финансов; e-mail: anureev@bk.ru

QS, RePec, Best US News university rankings). Foreign universities' programs show a significant domination of public administration, public politics or public economics to the detriment of financial component. Out of 130 universities the author identifies only about 10 relevant programs with valuable and substantial public finance components. Russian master's programs are on a par with globally recognized programs, which provide a solid basis to easily adapt them for international students. The article contains references to top universities' programs and courses, English variants of disciplines and their Russian analogs that make the article useful for upgrading the Russian programs.

Key words: Public Finance, Universities' international affairs, University Rankings.

Цели и методы исследования

Ведущим российским университетам ставится цель улучшения позиций в ключевых международных рейтингах университетов. Однако позиции в рейтингах не являются самоцелью, а лишь средством привлечения отечественных и особенно зарубежных абитуриентов. Рейтинги безусловно важны для первичного внимания со стороны абитуриентов, но все же финальный выбор университета, особенно на уровне магистратуры, во многом зависит от конкретного наполнения магистерских программ. Грамотный выпускник бакалавриата как минимум способен сравнивать состав дисциплин магистерских программ разных университетов, аннотации или даже рабочие программы конкретных дисциплин, рекомендуемую для изучения дисциплин литературу. Такая информация размещается на сайтах университетов, что и создает основу анализа программ.

СССР и Россия, очевидно, накопили огромный опыт государственного управления экономикой, доминирования государственных финансов. Можно спорить о конкретных достижениях и провалах отечественной экономической мысли в сфере государственной экономической и финансовой политики, однако значительность накопленного опыта бесспорна. Отечественным вузам сложнее доказывать значимые позиции в международных сопоставлениях, скажем в корпоративных финансах, поскольку наполнение этой сферы в основном приходит из США. В России высочайшая концентрация выпускников нескольких ведущих вузов среди руководителей финансово-экономических ведомств, в прошлом и настоящем, и такую концентрацию не могут предъявить подавляющее большинство зарубежных университетов. Поэтому ведущим отечественным вузам легче заявлять свои значимые позиции именно в государственной экономической политике и в общественных финансах.

Магистерские программы представляются оптимальными для усиления международной конкуренции ведущих отечественных вузов.

Эти программы достаточно короткие по сравнению с программами бакалавриата, ориентированные на более сознательных абитуриентов, с их большей готовностью к переезду в другой университет. Программы магистратуры достаточно дорогие для студентов, практически везде в ведущих американских и британских вузах платные, также достаточно массовые по количеству студентов, т.е. объективно экономически более привлекательные для вузов. В магистерских программах немного дисциплин (по сравнению с бакалавриатом), что позволяет реализовывать такие программы небольшой командой преподавателей и дает хорошую возможность поддерживать дисциплины в актуальном состоянии.

Идея анализа конкурентоспособности магистерских программ достаточно нова в отечественных публикациях. В России есть много прошедших обучение зарубежом и понимающих различия в программах, много переводов или заимствований из зарубежных книг. Только публикаций, анализирующих программы сотни ведущих университетов по конкретной специализации, все же в РИНЦ не представлено. Есть несколько заслуживающих внимания статей с анализом магистерских программ, например Н. В. Мироненко и О. А. Строевой из РАНХиГС [Мироненко, Строева, 2015], но в них рассмотрены всего несколько программ, а не более чем сотня ведущих университетов по трем рейтингам. Можно сослаться на похожую по нацеленности статью Д. В. Дядудова «Развитие теории общественных финансов в экономической науке» [Дядудов, 2013], но в ней нет предложенного метода исследования по магистерским программам.

Методом исследования является поиск и сопоставление программ и дисциплин ведущих российских и зарубежных университетов по специализации «Государственные и муниципальные финансы». Поиск программ-аналогов в ведущих зарубежных университетах строился, исходя из нескольких всемирно известных рейтингов университетов: QS Top Universities по нескольким предметным областям, Repec.org (Research Papers in Economics) и Best US News (газета и интернет-сайт U.S. News & World Report). Транспарентность магистерских программ ведущих университетов является важной основой анализа, когда на сайтах университетов можно найти подробную информацию по составу дисциплин, их аннотации и рабочие программы, по научным достижениям преподавателей и рекомендуемой литературе.

Сайты и программы ведущих зарубежных университетов анализировались в несколько этапов. На этапе беглого обзора по сайтам и названиям программ выделялись те из них, которые прямо указывают на специализацию «Государственные и муниципальные финансы» (ГМФ) либо представляют смежные с этой специальностью программы. На втором этапе отобранные программы рассматривались по составу дисциплин (с учетом аннотаций и рабочих программ) на предмет реального на-

полнения именно по специализации ГМФ. В конечном итоге выделенные наиболее полные зарубежные программы сопоставлялись по своему составу дисциплин с ведущими отечественными программами.

Отечественные магистерские программы как отправная позиция исследования

Достаточно трудно проанализировать одновременно и ведущие зарубежные университеты, и многие отечественные вузы по специализации ГМФ. Также только несколько ведущих экономических вузов способны конкурировать со своими магистерскими программами на международном рынке образования. Поэтому в качестве отправной точки сравнительного анализа были выбраны только магистерские программы нескольких ведущих отечественных вузов.

НИУ «Высшая школа экономики» предлагал в 2016 г. абитуриентам магистерскую программу «Государственные и муниципальные финансы» на факультете экономических наук, департамент прикладной экономики. По своему краткому описанию программа делает упор на экономику и управление в традиционных для государства сферах деятельности — образовании, науке, здравоохранении; регулирование рынков труда и инновационной сферы; оценки эффективности бюджетных расходов; финансового менеджмента и инвестиционного анализа применительно к общественным финансам. Дополнительным бонусом программы является возможность получения двойного диплома в Университете Париж-Сорбонна, которым с 2000 г. воспользовалось 20 студентов¹.

Из состава магистерских программ РАНХиГС 2016 г. была выбрана программа «Денежно-кредитное и финансовое регулирование экономики» (факультет финансов и банковского дела, направление «Финансы и кредит»)². Эта программа содержит всего несколько дисциплин специализации ГМФ: Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики, Стратегии и современная модель управления в сфере денежно-кредитных отношений, Центральные банки в глобальной экономике, Финансовый контроль и государственный аудит, Государственный долг. В качестве дополнительных возможностей указаны: профессиональная переподготовка «Переводчик ...», первый уровень CIMA (Institute of Managerial Accounting, Advanced Diploma in Management Accounting).

¹ <https://www.hse.ru/data/432/317/1234/GMF.doc>

² <http://www.ranepa.ru/magistratura/napravleniya-i-programmy/napravleniya-i-prograamy/38-04-08-finansy-i-kredit-denezhno-kreditnoe-i-finansovoe-regulirovanie-ekonomiki>

Магистерская программа «Государственные и муниципальные финансы» Финансового университета при Правительстве РФ 2016 г. включает в себя следующие дисциплины специализации (в группировке и упрощенном названии)¹: Реформы и развитие бюджетной сферы; Казначейство, учет, аудит, финансовый менеджмент в бюджетной сфере; Суверенные фонды, государственные активы, государственный долг, бюджетный дефицит; Статистика и международная отчетность государственного сектора. Помимо них читаются родственные общемагистерские дисциплины: Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики, Управление в секторе государственных услуг.

Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова предлагал в 2012 г. магистерскую программу «Государственная политика и регулирование», в составе которой находится специализация «Государственные и муниципальные финансы». Состав дисциплин этой программы упрощенно был следующим: Налоговое регулирование, Региональные и муниципальные финансы, Финансы бюджетных организаций, Бюджетная система федеративных государств, Государственный финансовый контроль, Социальное страхование, Государственный долг, Центральный банк и Государственное регулирование, — с уточнением в названиях некоторых дисциплин проблематики реформирования и совершенствования².

Особенности рейтингов программ Public Finance зарубежных университетов

При анализе программ специализации ГМФ возникает проблема с рейтингами, когда самые признаваемые из них не выделяют отдельно специализацию Public Finance. Так, самый известный рейтинг QS Top Universities рейтингует университеты по направлениям QS Economics (Экономика), Accounting & Finance (Учет и финансы) и Politics & International Studies (Политика и международные отношения)³. Только на стыке этих трех рейтингов по направлениям, путем просмотра каждого из топовых университетов можно найти анализируемые магистерские программы.

¹ Кафедра «Государственные и муниципальные финансы», руководитель программы — проректор Финансового университета Е. В. Маркина.

² <http://old.econ.msu.ru/cd/884>

³ [http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2014/accounting-finance#sorting=rank+region="+country="+faculty="+stars=false+search=http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2014/politics#sorting=rank+region="+country="+faculty="+stars=false+search=](http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2014/accounting-finance#sorting=rank+region=)

Все же в США имеется уважаемый рейтинг именно по специализации Public Finance — это интернет-сайт и некогда известная газета U. S. News & World Report с серией рейтингов Best US News Rankings¹. Третий из рейтингов представлен интернет-сайтом repec.org (Research Papers in Economics), который аккумулирует миллионы научных статей тысяч журналов, а также представляет услуги профессиональной социальной сети для сотни тысяч пользователей².

Проблемой указанных трех рейтингов является их несовпадение по университетам, хотя бы на уровне десятка позиций. Так, в рейтинге US News топовые университеты по рейтингу QS — Berkeley и Harvard — располагаются на 13 и 14-й позициях, а рядом расположены университеты из конца первой — преимущественно второй сотни рейтинга QS. Рейтинг RePec по позициям первой десятки ближе к рейтингу QS, где семь из десяти топовых университетов аналогичны. Затем во втором-третьем десятке рейтинга RePec много известных европейских университетов за границами первой сотни рейтинга QS.

Другой особенностью является рейтингование укрупненных структурных подразделений университетов, как факультеты МГУ имени М. В. Ломоносова или департаменты НИУ ВШЭ, а не как отдельные кафедры. В рейтинге RePec также представлены некоторые известные международные или исследовательские институты, такие как NBER (National Bureau of Economic Research, Massachusetts, USA), IMF (Международный валютный фонд), OECD (Организация экономического сотрудничества и развития), исследовательские структуры Европейской комиссии, ФРС США и ЕЦБ. Рейтинг US News, хотя и наиболее близок по своей направленности к анализируемой специализации ГМФ, но включает только американские университеты.

Следующие два параграфа статьи с несколько описательным содержанием нацелены на сжатую характеристику наиболее интересных позиций рейтингов, необходимую для последующих выводов о конкурентном наполнении ведущих отечественных программ. Была проблема противоречия небольшого объема статьи и результатов анализа более чем сотни университетов, и компромисс при упоминании конкретного университета достигался на стыке знаменитости университета и реально нужного для специализации ГМФ наполнения его программ. Особенностью сжатого обзора программ является кажущаяся избыточность английских наименований, что все же упрощает заинтересованным читателям обращение к первоисточникам за большими деталями.

¹ <http://grad-schools.usnews.rankingsandreviews.com/best-graduate-schools/top-public-affairs-schools/public-finance-budgeting-rankings>

² <https://ideas.repec.org/top/top.pub.html>

Редкость в рейтинге Best US News программ Public Finance и нетипичных дисциплин

Первое место в рейтинге Best US News занимает Indiana University, который в QS Accounting & Finance (Учет и финансы), QS Politics & International Studies (Политика и международные отношения) стоит во второй половине первой сотни, а в рейтинге RePec стоит на 139-м месте. Университет, точнее, структурное подразделение School of Public and Environmental Affairs предлагает магистерскую программу MPA (Master of Public Affairs, Мастер по связям с общественностью). Эта программа имеет пять обязательных дисциплин: Менеджмент, Статистика, Экономика, Право с приставками «государственный», а также дисциплину Публичные финансы и бюджет. Одна из специализаций магистерской программы называется Public Finance (Общественные финансы)¹ и состоит из пяти дисциплин: Revenue Theory and Administration (Теория доходов и администрирование), Government Budget and Program Analysis (Государственный бюджет и анализ программ), Public Capital and Debt Theory (Общественные инвестиции и заимствования), Benefit-Cost Analysis of Public Policies (Анализ затраты-результат в бюджетной политике), Governmental Financial Accounting and Reporting (Бюджетный учет и отчетность).

Всего в рамках указанной программы MPA 12 специализаций и порядка ста дисциплин по выбору, преимущественно из политологии, менеджмента и экономики. Вероятно, именно большому количеству специализаций и дисциплин, а также огромному количеству студентов и преподавателей подразделение университета обязано первому месту в одном из рейтингов. Непосредственно по ГМФ Indiana University не предлагает чего-либо необычного для ведущих отечественных университетов за исключением отдельных акцентов в наполнении дисциплин.

Обращает на себя внимание значительное преобладание дисциплин политологии, менеджмента и экономики, магистерских программ MPA (Master of Public Administration) или MPP (Master of Public Policy) у участников рейтинга Best US News, несмотря на формальную направленность этого рейтинга на специализацию ГМФ. Так, университеты со 2–10-е место в рейтинге Best US News предлагают программы MPA с буквально единичными дисциплинами Public Finance, с двумя-тремя дисциплинами ГМФ на все эти университеты. Таким типичным участником рейтинга Best US News, находящимся на его десятой позиции, является University of Washington (Evans, Se-

¹ <https://spea.indiana.edu/masters/degrees-certificates/public-affairs/concentrations/public-finance.html>

attle) с его программой МРА и одной из ее специализаций Public Finance and Budgeting.

В находящемся на втором месте в рейтинге Best US News — Syracuse University Maxwell — в рамках программы МРА обращает на себя внимание дисциплина Economics for Public Decisions (наиболее близкий отечественный аналог — «Экономика общественного выбора»). Из примерно ста дисциплин по выбору, преимущественно менеджмента, политологии и экономики, непосредственно к специализации ГМФ относятся Public Budgeting (Государственный бюджет), State and Local Government Finance (Региональные и муниципальные финансы), Public-Private Partnership (Частно-государственное партнерство). В третьем в рейтинге University of Kentucky Martin также только программа МРА с единичными дисциплинами ГМФ: Public Financial Management (Управление общественными финансами), Program Evaluation (наиболее близкая отечественная дисциплина — «Программный бюджет» или «Бюджетные расходы»), Public Fund Management (Казначейское управление), Public Policy Economics (Экономика общественного выбора).

Более подробного внимания заслуживает четвертый в рейтинге Georgia State University, поскольку он также занимает высокую позицию в рейтинге QS (32-я позиция), а главное, из-за его нетипичной сертификационной программы. Самое известное подразделение этого университета Andrew Young School of Public Policy предлагает программу МРА со специализацией Management and Finance, в которой всего две дисциплины специализации ГМФ из сотни дисциплин в целом: Public Budgeting and Finance, Microeconomics of Public Policy. Другое подразделение — Center for State and Local Finance предлагает нетипичный профессиональный сертификат магистерского уровня CPFO (Certified Public Finance Officers)¹. Название данного сертификата дословно переводится как Сертифицированный офицер общественных финансов, хотя более привычно использовать словосочетание Аттестованный работник финансовых органов.

Сертификат разработан и продвигается Government Finance Officers Association of the United States and Canada (GFOA, в дословном переводе — Ассоциация правительственных финансовых офицеров)². GFOA берет свое начало в 1906 г. и скорее является научно-исследовательским институтом, нежели учебным заведением. В этом профессиональном сертификате пять дисциплин и экзаменов, включая: Governmental Accounting, Auditing, and Financial Reporting (Бюджетный учет, аудит и отчетность); Treasury and Investment Management (Казначейская работа и управление инвестициями); Debt Management (Государственный

¹ <http://cslf.gsu.edu/training/testing-gfoa-cpfo/>

² <http://www.gfoa.org/cpfo>

долг); Operating and Capital Budgeting (Бюджет текущих расходов и бюджет развития); Retirement & Benefits, Risk Management and Procurement (Социальное страхование, риски и посредники). Сертификату CPFO всего двадцать лет, и он не столь признаваем во всем мире по сравнению с корпоративными аналогами ACA, ACCA, CIMA или CFA. Несмотря на меньшее признание в корпоративном секторе, этот сертификат все же является уважаемым для сотрудников бюджетных организаций.

Отдельного внимания в рейтинге Best US News заслуживает Wagner New York University с финансовой специализацией на программе MPA и с двадцатью дисциплинами именно специализации ГМФ. На программе этого университета три обязательные дисциплины — упрощенно Economics, Econometrics, Accounting; а дисциплины по выбору делятся на четыре блока — Public Finance (Общественные финансы), Social Finance (в буквальном переводе — Социальные финансы), Financial Management Government (Правительственный финансовый менеджмент), Financial Management Nonprofit (Финансовый менеджмент некоммерческих организаций). То есть дисциплины по выбору строятся вокруг основных бюджетообразующих отраслей и программ, региональных бюджетов и некоммерческих организаций. Этот университет на своем сайте раскрывает только аннотации дисциплин, что позволяет лишь зафиксировать нетипичные идеи дисциплин без их деталей.

Из двух десятков дисциплин по выбору, предлагаемых на указанной выше программе Wagner New York University, три заслуживают отдельного акцента. Необычна идея дисциплины Corporate Finance and Public Policy на стыке корпоративных и общественных финансов, с упором на взаимное влияние обеих сфер финансов. Вторая заслуживающая внимания дисциплина называется Financial Management of the Social Enterprise: Managing Financial and Social Returns, которая фокусируется на финансах некоммерческих организаций и отдаче от социальных расходов государства. Третья нетипичная дисциплина называется Investment Management for Public and Nonprofit organizations, фокусируется на инвестиционных фондах для региональных и местных органов власти, а также для бюджетных учреждений.

Некоторые особенности программ участников рейтингов QS и RePec

На первом-втором местах в обоих рейтингах значится Harvard University (Kennedy School, Business School), предлагающий различные вариации программы MPA (Master of Public Administration), летнюю школу, сертификаты и отдельные дисциплины для обладателей магистерских дипломов. Harvard предлагает одно из самых больших количество дисциплин в едином каталоге по политике, менеджменту и от-

раслям общественного сектора. Хотя из них к Public Finance прямое отношение имеют очень немногие, как например, часто встречающиеся в других университетах Public Financial Management (Управление общественными финансами), Budgeting (Государственный бюджет), State and Local Finance (Региональные и муниципальные финансы), State Revenue (Государственные доходы), Program Evaluation (Оценка бюджетных расходов), Private Capital for Public Purposes (Частный капитал для общественных проектов, как вариация дисциплины Частно-государственное партнерство).

Аналогичная ситуация в Berkeley, где из огромного количества дисциплин экономики и менеджмента заслуживает упоминания только Public Budgeting: Making Organizational Reforms (Бюджетные реформы). В University of Michigan с его программами MPP (Master of Public Policy) — только дисциплина Public Budgeting and Financial Planning (Государственный бюджет и финансовый план, что звучит для отечественного преподавателя как синонимы). MIT Economic department предлагает только Public Finance and Public Policy, и это несмотря на принадлежность к этому университету одного из самых известных американских учебников (Public Finance and Public Policy by Jonathan Gruber). Columbia University School of International and Public Affairs, из заслуживающего внимания, предлагает дисциплины Public Finance and Debt Management (Общественные финансы и управление государственным долгом), Tax Policy и Municipal Finance (Налоговая политика и муниципальные финансы).

В University of Illinois at Chicago, Department of Public Administration в рамках программы MPA¹ количество дисциплин ГМФ достаточно широкое: Public Finance and Public Policy, State and Local Finance (Региональные и муниципальные финансы), Municipal Bonds (Муниципальные облигации), Taxation (Налоги), Investment Management (Управление инвестициями), Public Budgeting (Государственный бюджет), Public Budgeting and Accounting (Бюджетный учет), Cost-Benefit Analysis (Анализ «затраты-результат» по бюджетным расходам). Указанные университет и программу не следует путать с созвучными The University of Chicago, Harris School of Public Policy, MPP — где учат политологии и немного экономике.

Из европейских участников рейтинга QS и RePec одна из самых знаменитых London School of Economics предлагает только программу MPA от Institute of Public Affairs² (Мастер по связям с общественностью,

¹ <http://cuppa-pa.uic.edu/the-department/department-information/prospective-students/mpa/mpa-prospective-home/>

² http://www.lse.ac.uk/resources/calendar/programmeRegulations/taughtMasters/2015_MPAOptionsList.htm

Институт по связям с общественностью). Программа начинается с трех обязательных дисциплин, упрощенно политика, экономика и эконометрика. В составе дисциплин по выбору вновь преобладает политология и выделяются лишь две экономические дисциплины: Monetary Economics или Principles of Finance (аналоги отечественных дисциплин «Деньги, кредит, банки» и «Финансы» для 2–3-го курсов бакалавриата). Единственно, что имеет отношение к специализации ГМФ, — это дисциплина Public Budgeting and Financial Management, по своему наполнению аналогичная отечественной дисциплине «Государственные и муниципальные финансы» третьего курса бакалавриата. Следует упомянуть и Department of Finance, который специализируется на корпоративных финансах и имеет всего одну дисциплину ГМФ — Public Finance, по стилю как Public Economics второго курса бакалавриата.

Из ведущих британских университетов рейтинга QS заслуживает внимания SOAS University of London (35-е место в рейтинге QS Economics), School of Finance and Management, которая предлагает сразу несколько релевантных данному исследованию программ, включая программу MSc Public Financial Management¹ (Управление общественными финансами). Обязательные дисциплины — это PFM Audit and Compliance (Аудит и контроль), PFM Financial Reporting IPSAS (International Public Sector Accounting Standards, Международные стандарты учета и отчетности для общественного сектора), PFM Planning and Performance (Планирование и исполнение), PFM Revenue (Доходы). Из состава дисциплин по выбору обращают на себя внимание Privatization and Public-Private Partnership (Приватизация и государственно-частное партнерство), Project Appraisal (Оценка бюджетных проектов).

По дисциплинам от SOAS на родственном сайте LondonInternational.ac.uk можно найти достаточно полные рабочие программы дисциплин для более детального анализа. Данная и родственные программы — это программы дистанционного обучения со сдачей экзаменов в Лондоне. С похожими программами сотрудничают Международный институт экономики и финансов НИУ ВШЭ и Финансовый университет, но не по специализации ГМФ. Также обращает на себя внимание модульный характер обучения и персональная скорость, предложение сокращенного Graduate Diploma без магистерской диссертации и летняя школа с указанными дисциплинами.

University of Birmingham, School of Government and Society (вторая половина первой сотни рейтинга QS Economics) предлагает программу Public Economic Management and Finance². Три обязательные отно-

¹ <https://www.soas.ac.uk/cefims/programmes/msc-public-financial-management/>

² <http://www.birmingham.ac.uk/postgraduate/courses/taught/govsoc/development-management-public-economic-finance.aspx?OpenSection=Modules>

сительно оригинальные дисциплины включают: Development Management (Управление развитием экономики), Public Economic Management (Управление экономикой общественного сектора), Managing Public Money (Казначейская работа). Несколько десятков дисциплин по выбору в основном представлены направлениями политики и менеджмента, однако две дисциплины относятся к специализации ГМФ: Introduction to Development Projects (Проекты в сфере недвижимости), Public Sector Reforms and Development (Бюджетные реформы). По этой программе также возможен упрощенный диплом, как в SOAS, и есть одно-двухстраничные аннотации дисциплин.

University College London, программа MPA содержит только одну дисциплину специализации ГМФ — Public Finance and Budgeting (Общественные финансы и бюджетирование), остальные дисциплины из политологии, даже из экономики или менеджмента дисциплин мало. В знаменитом University of Oxford, School of Government на программе MPP (Master of Public Policy), а также в Said Business School на программе MBA (Master of Business Administration) дисциплин специализации ГМФ нет.

Французская Aix-Marseille School of Economics предлагает магистерскую программу Public Economics с разными версиями экономических дисциплин и двумя аналогами отечественных дисциплин «Финансы» и «Деньги, кредит, банки». Toulouse School of Economics в рамках программ Ms Economics и Ms Finance не предлагает дисциплин анализируемой специализации, как и все другие участники первой сотни рейтингов из Франции. Испанская Barcelona Graduate School of Economics предлагает программу Master's in Economics of Public Policy, где из анализируемой специализации представлена только дисциплина Public Economics как упрощенная версия отечественной дисциплины «Государственные и муниципальные финансы» 3-го курса бакалавриата.

У рейтинговых скандинавских представителей — Stockholm University и Uppsala Universitet — магистерские программы без анализируемой специализации и без искомых дисциплин. University of Tampere, Finland предлагает магистерскую программу Public Economics and Public Finance¹, в которой много экономических дисциплин, а из дисциплин анализируемой специализации ГМФ представлена только Cost-Benefit Analysis (Анализ «затраты-результат» по государственным программам), а также косвенно Topics of Economic Policy (Экономическая политика).

В рейтингах заметно присутствие университетов из Канады, но только в них почти нет дисциплин специализации ГМФ. University

¹ <https://www10.uta.fi/opas/tutkintoOhjelma.htm?rid=6675&uiLang=en&lang=en&lvv=2015>

of Calgary (School of Public Policy — MPP) или McMaster University (MA in Economic Policy) предлагают только одну дисциплину ГМФ — Public Finance. Некоторые университеты, как, например, University of British Columbia или Queen's University, вообще раскрывают удручающе мало деталей программ на своих сайтах.

Китайский Central University of Finance and Economics предлагает программы бакалавриата и магистратуры Public Finance¹ (на уровне бакалавриата это пока единственная программа как аналог анализируемой специализации ГМФ), только деталей этой программы на сайте на английском языке нет. Лучше раскрытие состава дисциплин на английском языке в токийском National Graduate Institute for Policy Studies, где есть программа Public Finance². На этой программе заслуживают упоминания достаточно много дисциплин: Fiscal and Monetary Policies (Фискальная и монетарная политика), Public Expenditure Management (Управление бюджетными расходами), Local Government Finance (Муниципальные финансы), Politics of Global Money and Finance (Международные финансы), Finance and Economic Growth (Финансы и экономический рост), Development Economics (Экономическое развитие), Theory of Public Finance (Теория общественных финансов).

Обобщение зарубежных программ рейтинговых университетов

Всего было проанализировано порядка 130 сайтов университетов из трех рейтингов, до 20 из первого американского (сам рейтинг короткий) и до 100 из двух других. 130 университетов получилось с учетом их дублирования в разных рейтингах, дублирования их различных департаментов, а также наличия в одном из рейтингов исследовательских центров вне университетов. Достаточно существенная, представленная выше описательная часть иллюстрирует достаточно неожиданные указанные далее обобщения и выводы.

Неожиданным результатом проведенного анализа является незначительное внимание со стороны ведущих университетов мира к дисциплинам специализации ГМФ. Среди магистерских программ по экономике, финансам, менеджменту, бизнесу или политологии в 3/4 проанализированных университетов даже отсутствует базовая дисциплина Public Finance. В 1/4 университетов предлагаются профильные программы, созвучные по названиям с анализируемой специализацией, однако в основном они наполняются дисциплинами со словами в названии economics, econometrics, management, politics, т.е. не являются

¹ <http://www.csc.edu.cn/studyinchina/universityprograms/en.aspx?collegeId=25>

² http://www.grips.ac.jp/en/education/inter_programs/finance/

аналогами отечественной специализации ГМФ по сути. Буквально считанное количество университетов предлагают реальные программы ГМФ, где содержание дисциплин полезно для сопоставления с отечественными программами.

Среди этих университетов выделяются Harvard Kennedy School of Public Politics, хотя в ней десяток дисциплин специализации ГМФ теряется в сотнях дисциплин других специальностей. Первый в узкоспециализированном рейтинге Best US News — Indiana University — предлагает большое, по американским меркам, количество дисциплин специализации ГМФ, но все же меньше по сравнению со специализированными программами ведущих отечественных вузов. Georgia State University совместно с Government Finance Officers Association предлагает профессиональный сертификат специализации ГМФ с пятью дисциплинами-экзаменами первого уровня по сравнению с АСА или CFA. Wagner New York University предлагает магистерскую программу, самую близкую к отечественным программам из всех проанализированных американских университетов.

Следует выделить британские SOAS University of London и University of Birmingham с десятком заслуживающих внимания дисциплин специализации ГМФ. Много интересного перечислено в Токийском институте политических исследований и Китайском центральном университете экономики и финансов, однако отсутствие перевода деталей на английский затрудняет их реальный анализ.

В целом условно-обобщенная зарубежная программа по специализации ГМФ будет иметь следующее наполнение:

Fiscal and Monetary Policies, Theory of Public Finance, Strategic Public Finance (Фискальная и денежно-кредитная политика, Теория общественных финансов, Стратегические общественные финансы),

Public Finance Planning and Performance, Treasury and Fund Management (Государственный бюджет, Казначейская работа),

Program Evaluation, Social programs and Off-Budgetary Funds (Бюджетные программы и их оценка, Социальные программы, Внебюджетные фонды),

Financial Management for Non-Profit Organizations, Municipal Finance (Финансовый менеджмент некоммерческих организаций, Муниципальные финансы),

Budgetary Deficit and Public Debt, Public Investments and Sovereign Funds (Бюджетный дефицит и государственный долг, Государственные инвестиции и суверенные фонды),

Budgetary Audit and Compliance, International Public Sector Accounting Standards (Бюджетный аудит и контроль, Международные стандарты отчетности общественного сектора),

Privatization and Private-Public Partnership (Приватизация и частно-государственное партнерство).

Результаты анализа методической основы отдельных дисциплин с наибольшими различиями

В дополнение к широкому анализу наименований программ и дисциплин по особо выделенным дисциплинам был проведен глубокий анализ тем и их методической основы. Этот глубокий анализ занимает много времени и места изложения, поэтому его результаты представлены тезисно и в объеме в зависимости от выявленных принципиальных различий.

Тезисно следует упомянуть несколько базовых дисциплин обзорного характера, с различием во множестве деталей, исходя из конкретики стран. К таковым относятся дисциплины: «Государственные и муниципальные финансы» и ее зарубежный аналог Public Finance, «Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики» [Маркина и др., 2014] и зарубежный аналог Fiscal and Monetary Policies, «Государственный финансовый менеджмент» или «Финансовый менеджмент администраторов бюджетных средств» с аналогом Public Finance Management, «Казначейские технологии» и «Учет и отчетность» с их дисциплинами «Treasury» и Governmental Accounting.

Зарубежные и отечественные дисциплины также пересекаются по тематике бюджетного дефицита и государственного долга, суверенных фондов и внебюджетных фондов, приватизации и государственно-частного партнерства. Сразу несколько учебных пособий выдает РИНЦ по государственному долгу или даже несколько десятков по внебюджетным фондам, включая работы С. Н. Солдаткина [Солдаткин, 2013], Г. Н. Белицкой и Г. Т. Гафуровой [Белицкая, Гафурова, 2008]. Хотя отечественные учебные пособия изданы в объеме 150–180 страниц и уступают многим комплексным публикациям на английском языке по линии зарубежных исследовательских или международных финансовых институтов.

Международные стандарты учета и статистики общественного сектора поддерживаются по линии международных финансовых организаций и переведены на русский язык¹, а отечественные дисциплины релевантны по содержанию зарубежным аналогам. По аудиту и ком-

¹ Сборник «Международные стандарты финансовой отчетности общественного сектора». Официальный перевод на русский язык, 2012. Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=16828&area_id=4&page_id=2104&popup=Y#ixzz4ChwVPOVT

планс-контролю РИНЦ очевидно выдаст гигантское количество публикаций, однако качественных и всесторонних монографий именно по бюджетному аудиту, особенно с распространенным в США и Евро-союзе риск-ориентированным подходом крайне мало.

Значительное место в зарубежных программах занимает дисциплина в разных версиях названий, направленная на всесторонний анализ бюджетных расходов и государственных программ с позиций мультипликаторов экономического роста и налоговых доходов, альтернативная нередко для отечественной практики подходу «освоения» бюджетных ассигнований. Из отечественных учебников наиболее релевантно учебное пособие под редакцией М. П. Афанасьева «Программный бюджет» [Афанасьев и др., 2012]. Хотя РИНЦ показывает всего несколько книг по этой тематике со скудным цитированием, указывая потенциал развития таких дисциплин в наших программах за счет англоязычных источников.

Еще одна популярная за рубежом дисциплина с отечественным аналогом строится вокруг бюджетных реформ, которые в США в значительных размерах проводятся при каждой новой президентской администрации. По этой дисциплине некоторый недостаток русскоязычных комплексных публикаций на уровне монографий или сборников. В качестве примеров можно привести некоторые превалирующие в РИНЦ узконаправленные публикации. Одна из них — это коллективная монография Института США и Канады РАН от 2014 г. [Лебедева и др., 2014] про реформы текущей администрации Барка Обамы и ретроспективы десятилетий. Вторая — статья С. П. Соляниковой [Соляникова, 2006] с узкими аспектами бюджетной реформы в одной из бюджетобразующих отраслей (образование).

Больше внимания в США уделяется проблематике Local Finance или Municipal Finance, тогда как РИНЦ содержит всего несколько учебников и монографий — работы коллектива авторов под руководством И. Н. Баранова из Санкт-Петербургского государственного экономического университета [Баранов и др., 2008] и опубликованную в 2002 г. работу М. И. Яндиева [Яндиев, 2002] из МГУ имени Ломоносова. В США местные органы власти обладают большой самостоятельностью, особенно по тематике налоговых доходов и платных государственных услуг (User Fees). В России же местные органы власти зачастую являются исполнителями программ и нормативов вышестоящих органов власти, а эти программы и нормативы, очевидно, раскрываются в других дисциплинах без акцента на местный уровень. Так что американские книги по Local/ Municipal Finance будут полезны для развития отечественного аналога такой дисциплины.

Заключение

Отечественные программы ГМФ ведущих вузов имеют хорошую основу для конкурентоспособности на мировом рынке образования, если будут трансформированы под преподавание на английском языке. Для коллектива преподавателей ведущих отечественных программ специализации ГМФ с имеющимся хорошим наполнением не составит большого труда подобрать по зарубежным дисциплинам-аналогам англоязычные монографии, дополнить их отечественным опытом. Автор данной статьи выражает надежду, что сделанный анализ и многочисленные ссылки на зарубежные аналоги позволят продвинуться в реализации такой идеи.

Список литературы

1. *Мироненко Н. В., Строева О. А.* Академические программы подготовки магистров: зарубежный опыт // Управленческое консультирование, издательство РАНХиГС. — 2015. — № 12 (84). — С. 75–82.
2. *Дядудов Д. В.* Развитие теории общественных финансов в экономической науке // Экономические науки. — 2013. — № 106. — С. 57–60.
3. *Маркина Е. В., Абрамова М. А., Гончаренко Л. И.* и др. Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики. Теория и практика: Учебное пособие. — М.: Юрайт, 2014. — 551 с.
4. *Солдаткин С. Н.* Государственный и муниципальный долг: теория, методология, практика: Учебное пособие. — М.: Кнорус, 2013. — 256 с.
5. *Белицкая Г. Н., Гафурова Г. Т.* Государственные внебюджетные фонды: Учебное пособие. — Казань: Познание, 2008. — 234 с.
6. *Афанасьев М. П., Беленчук А. А., Березкин Д. И., Захаров К. Е., Кираковский Р. М., Крылов Г. З., Шаш Н. Н., Поверин М. В.* Программный бюджет: Учебное пособие. — М.: Магистр, 2012.
7. *Лебедева Л. Ф., Васильев В. С., Емельянов С. В., Аксенов П. А., Емельянов Е. В., Петровская Н. Е., Чудинова К. О., Белоусов С. А.* Государственные финансы и бюджетные приоритеты США в начале XXI века // Институт США и Канады РАН: Монография. — М., 2014.
8. *Соляникова С. П.* Проблемы финансового обеспечения российских вузов в условиях бюджетной реформы // Вопросы образования. — 2006. — № 1. — С. 47–66.
9. *Батчаев А. Р., Жунба Н. Б., Заостровцев А. П., Иванова Н. Г., Кадочников Д. В., Кузнецова Т. А., Одиннг Н. Ю., Писклюкова Е. В., Пшениčkова Е. И., Петухова Р. А., Савулькин Л. И., Скляр Т. М., Соколова Е. В., Шевчук Д. В.* Управление региональными и муниципальными финансами: Учебное пособие для работников финансовых органов субъектов Российской Федерации / Под ред. И. Н. Баранова. Министерство финансов Российской Федерации, Международный банк реконструкции и развития. — Санкт-Петербург: Леонтьевский центр, 2008. — 494 с.
10. *Яндиев М. И.* Финансы регионов. — М.: Финансы и статистика. — 240 с.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Roman Alphabet

1. *Mironenko N. V., Stroeva O. A.* Akademicheskie programmy podgotovki magistr: zarubezhnyj opyt // Upravlencheskoe konsul'tirovanie, izdatel'stvo RAN-HiGS. — 2015. — № 12 (84). — S. 75–82.
2. *Djadudov D. V.* Razvitie teorii obshhestvennyh finansov v jekonomicheskoy nauke // Jekonomicheskie nauki. — 2013. — № 106. — S. 57–60.
3. *Markina E. V., Abramova M. A., Goncharenko L. I. i dr.* Finansovyje i denezhno-kreditnye metody regulirovanija jekonomiki. Teorija i praktika: Uchebnoe posobie. — M.: Jurajt. — 551 s.
4. *Soldatkin S. N.* Gosudarstvennyj i municipal'nyj dolg: teorija, metodologija, praktika: Uchebnoe posobie. — M.: Knorus, 2013. — 256 s.
5. *Belickaja G. N., Gafurova G. T.* Gosudarstvennye vnebjudzhetye fondy: Uchebnoe posobie. — Kazan': Poznanie, 2008. — 234 s.
6. *Afanas'ev M. P., Belenchuk A. A., Berezkin D. I., Zaharov K. E., Kirakosjan R. M., Krylov G. Z., Shash N. N., Poverin M. V.* Programmnij bjudzhet: Uchebnoe posobie. — M.: Magistr, 2012.
7. *Lebedeva L. F., Vasil'ev V. S., Emel'janov S. V., Aksenov P. A., Emel'janov E. V., Petrovskaja N. E., Chudinova K. O., Belousov S. A.* Gosudarstvennye finansy i bjudezhetye priority SShA v nachale XXI veka // Institut SShA i Kanady RAN: Monografija. — M., 2014.
8. *Soljannikova S. P.* Problemy finansovogo obespechenija rossijskih vuzov v uslovi-jah bjudzhetnoj reformy // Voprosy obrazovanija. 2006. — № 1. — S. 47–66.
9. *Batchaev A. R., Zhunba N. B., Zaoistrovcev A. P., Ivanova N. G., Kadochnikov D. V., Kuznecova T. A., Odinnig N. Ju., Piskljukova E. V., Pshennikova E. I., Petuhova R. A., Savul'kin L. I., Skljjar T. M., Sokolova E. V., Shevchuk D. V.* Upravlenie regional'nymi i municipal'nymi finansami: Uchebnoe posobie dlja rabotnikov finansovyh organov sub#ektov Rossijskoj Federacii / Pod redakciej I. N. Baranova. Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii, Mezhdunarodnyj bank re-konstrukcii i razvitija. — Sankt-Peterburg: Leont'evskij centr, 2008. — 494 s.
10. *Jandiev M. I.* Finansy regionov. — M.: Finansy i statistika. — 240 s.

РЕЦЕНЗИИ

А. Г. Худокормов¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Статья является рецензией на новый учебник «Экономическое развитие. Теория и практика», написанный М. В. Кулаковым и Л. П. Чихун и опубликованный в 2016 г.

Ключевые слова: экономическое развитие, рецензии.

REVIEW OF A TEXTBOOK «ECONOMIC DEVELOPMENT. THEORY AND PRACTICE»

This paper is a review of a new textbook «Economic Development. Theory and Practice» (2016) written by M. V. Kulakov and L. P. Chikhun.

Key words: economic development, reviews.

В 2016 г. в издательстве «Экономика» вышел в свет учебник «Экономическое развитие. Теория и практика», созданный нашими уважаемыми коллегами, известными российскими специалистами, профессором Михаилом Васильевичем Кулаковым и доцентом Людмилой Петровной Чихун.

Учебник по данной теме не первый в нашей отечественной литературе. В 2001 г. был впервые опубликован, а в 2008 г. вышел в форме второго переработанного и дополненного издания учебный курс видного российского ученого Рустема Махмутовича Нуреева «Экономика развития: модель становления рыночной экономики». Но обе указанные работы не повторяют, а во многом дополняют и развивают друг друга.

Прежде всего, курс М. В. Кулакова и Л. П. Чихун увидел свет почти на десятилетие позже и потому снабжен более свежими фактическим материалом и статистикой. Далее, как специально подчеркивают ав-

¹ Худокормов Александр Георгиевич, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета.

торы, их учебник предназначен для программ бакалавриата, что предполагает меньшую сложность изложения по сравнению с курсом Р. М. Нуреева. М. В. Кулаков и Л. П. Чихун, в частности, сознательно избегают сложного математического аппарата, нагруженности текста сложными моделями, которыми отличается, например, западная девелопменталистика. Их метод изложения самых трудных тем в основном нарративный, или «беллетристический» (в положительном смысле этого слова). Но это, повторим еще раз, не недостаток, а особенность и даже достоинство их труда. Теперь у российских преподавателей и учащихся имеются учебные курсы по экономике развития обоих уровней: учебник М. В. Кулакова и Л. П. Чихун для бакалавров и курс Р. М. Нуреева для магистров.

В краткой рецензии невозможно написать обо всем, что содержится в рецензируемой книге, сосредоточимся потому на тех местах учебника, которые показались нам наиболее интересными и важными.

Уже в первых главах М. В. Кулаков и Л. П. Чихун разбирают сам предмет молодой дисциплины «Экономика развития», или «Теория экономического развития (ТЭР)»; ее отличия от традиционной *economics*. Справедливо указывается, что в условиях Третьего мира не работает предпосылка о совершенных конкурентных рынках, так как рынки здесь «не только несовершенны, но зачастую и совсем неразвиты» (с. 22)¹. Точно так же психология значительной части населения, живущего в традиционном секторе развивающихся стран, основана на идее «самосохранения, а не максимизации прибыли», причем важнейшие экономические решения сплошь и рядом принимаются, исходя из религиозных традиций и обычаев, а не на рационалистической основе. В силу этого и сама методология новой области знания — ТЭР — обязана исходить из осознания «нелинейности, многообразия и многомерности процесса развития, охватывающего все сферы деятельности общества и отдельного человека» (с. 27).

Думается, что такая постановка вопроса, хотя и косвенно, подтверждает вывод многих авторов, специализирующихся по общей истории экономических учений, — о кризисном состоянии современной западной *economics* и прежде всего — ее основного ядра, основанного на рыночном фундаментализме. Ультралаберальная философия всеобъемлющего и всеблагого рынка оказалась неприменима к практике основных регионов современного мира, включая регион, изучение которого составляет предмет теории экономического развития.

На наш взгляд, особенно удалась авторам глава, в которой разбирается соотношение экономического роста и развития. М. В. Кулаков

¹ Здесь и далее ссылки на текст данного учебника даются непосредственно в тексте рецензии путем указания соответствующей страницы.

и Л. П. Чихун доказывают, что, несмотря на все ограничения реального процесса и ограниченность самого понятия хозяйственного роста, сам по себе этот рост совершенно обязателен и необходим. Экономический рост играет важную роль в повышении уровня и при определенных условиях — и качества жизни. Так, рост доходов домохозяйств на 2% приводит в среднем к 4%-ному сокращению уровня бедности в стране (с. 43). Во многом благодаря экономическому росту в период с 1990 по 2015 г. число живущих в мире за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день) уменьшилось в 2,3 раза. Доля городских жителей из трущоб в странах Третьего мира сократилась с 39 до 33% (период 2000—2012 гг.). Уровень неграмотности удалось снизить наполовину (с. 43). Особенно велики в этом плане успехи Китая, страны, которая, по свидетельству М. В. Кулакова и Л. П. Чихун, в 2012 г. вошла в группу стран с доходом выше среднего уровня, совершив явный рывок наверх.

Тоже «рывок», но, к сожалению, в обратном направлении пришлось испытать в последние десятилетия российской экономике: если в 1978 г. ВВП Китая был на 23% меньше советского, то в 2012 г. он уже превышал ВВП России более чем в 4 раза (с. 44). Компенсационный экономический рост Российской Федерации в период 2000-х гг. не обеспечил заметного уменьшения масштабов бедности. По официальной статистике, ее уровень «по доходам» составляет около 12%, однако, согласно оценке Института социологии РАН и Фонда имени Фридриха Эберта, уровень «бедности по лишениям» в Российской Федерации равен 30% (2013 г.). Низкие показатели экономического роста привели и к снижению социальных показателей, что в целом отбросило Россию в группу развивающихся стран.

Как утверждают авторы, экономический рост является важнейшим условием экономического развития, важнейшим, но отнюдь не единственным. В ходе скрупулезного анализа М. В. Кулаков и Л. П. Чихун показывают, что между ростом и развитием отсутствует примитивная линейная зависимость. При этом ими намечаются следующие этапы решения проблемы соотношения указанных феноменов:

1. Конец 1960-х — начало 1970-х гг.: новая трактовка экономического развития, согласно которой рост подушевого дохода должен сопровождаться сокращением (либо сохранением) числа живущих за чертой бедности и степени неравенства в распределении доходов;

2. Середина 1970-х — 1980-х гг.: возникновение концепции «базовых потребностей», так называемого «возможностного подхода», когда внимание исследователей концентрируется на степени удовлетворения основных потребностей большинства населения Третьего мира, расширения возможностей людей прожить достойную жизнь (в противовес односторонней фокусировке на показателях экономической эффективности);

3. Два десятилетия 1990-х — 2000-х гг.: генезис и развитие концепции «устойчивого развития», достижение целей которого — удовлетворения текущих жизненных потребностей общества — не наносит ущерба удовлетворению потребностей будущих поколений. При этом сохраняется баланс экономической, экологической и социально-политической деятельности людей (с. 49–50).

Соответственно, как подчеркивают авторы, менялись количественные критерии и оценки экономического развития. Данному вопросу в книге уделено особое внимание, в частности, подробно проанализирован процесс совершенствования самих индексов развития, как то: комплексного индекса социального развития (1970), индекса физического качества жизни, международного индекса неблагополучия (1987), индекса человеческого развития (1990) и др.

Последний наиважнейший индекс, как известно, наряду с показателем валового национального дохода на душу населения, исчисленного по покупательной способности национальной валюты, включает такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, средняя продолжительность обучения и, наконец, ожидаемая продолжительность обучения. Последние три частных индекса непосредственно не вытекают ни из специфики капитализма, ни даже из содержания рыночной экономики как таковой. Уже одно это свидетельствует о том, что предмет экономики развития шире, чем движение развивающихся стран к рыночному хозяйству. Думается, что современная ТЭР наряду со специфическими проблемами перехода от нерынка к рынку решает и более общие проблемы гуманизации общественной жизни, разработки политической экономии более гуманного мира¹.

Значительную часть рецензируемого учебника занимает анализ экономических теорий, посвященных проблематике ТЭР. Авторы убедительно показывают, что в интерпретации возникающих здесь идей все большую роль играют экономисты из самих развивающихся стран. Теория экономического развития — это, что называется, главный конек экономистов из стран Третьего мира, так что в случае надобности материалы учебника М. В. Кулакова и Л. П. Чихун могут служить прекрасным подспорьем для подготовки лекций по истории экономических учений в развивающихся регионах. В этом ракурсе самыми ценными страницами рецензируемой книги являются, на наш взгляд, те, что посвящены экономическим учениям Латинской Америки. Кроме хорошо известных российским читателям концепций Рауля Пребиша (Арген-

¹ Об этом пишут и сами авторы рецензируемого учебника, указывая, что сегодня проблематика ТЭР, в силу своей многоаспектности и самой масштабности процесса развития, «шире, чем в момент генезиса этой дисциплины... А стало быть, возросла и ее значимость в системе экономических наук» (с. 28).

тина) и Сельсу Фуртаду (Бразилия), авторами разбирается совместная книга бразильского ученого Фернанду Кардозо и чилийского социолога Энзо Фалетто и отдельно публикации чилийского экономиста Освальдо Сункеля. В итоге более детально интерпретируются сущность и содержание основной латиноамериканской школы «зависимого развития», в том числе характер отличий ее идей от неомарксистской теории неокOLONИализма, представленной трудами Андре Гундера Франка (США), Аргири Эммануэля (Франция) и Самира Амина (Египет).

Следует отметить, что первый раздел рецензируемого курса, хотя и повторяет в заголовке общее название книги («Экономическое развитие: теория и практика») посвящен в основном вопросам методологического плана и наиболее важному общетеоретическому срезу ТЭР.

Последующие разделы, по нашему мнению, в большей степени приближены к проблемам практики, а в теории посвящены в основном темным аспектам хозяйственного механизма развивающихся стран. Тематика разделов отражает общий замысел развертывания курса: во втором и третьем разделах интерпретируются внутренние и внешние факторы экономического развития, а в завершающих — четвертом и пятом — исследуются роль государства и последствия глобализации в экономике и обществе развивающегося мира.

Интерес представляет каждый раздел курса. Но мы вынуждены ограничиться лишь несколькими примерами. Так, анализируя процесс «утечки умов» из стран Третьего мира в экономически развитые страны, авторы подчеркивают, что это явление нельзя трактовать односторонне негативно. В частности, М. В. Кулаков и Л. П. Чихун напоминают, что возвратившиеся из США индийские программисты в 1990-е гг. помогли создать у себя на Родине новую высокотехнологическую отрасль, превратить свою страну в ведущего экспортера программного обеспечения.

Еще один пример касается главной новации мировой финансовой системы. Согласно утверждениям авторов курса, в этом качестве все чаще выступает «возрастающая спекулятивная составляющая финансовых потоков и связанное с этим усиление влияния финансового сектора экономики на реальный (так называемая финансизация): ежегодный объем мировой торговли реальными благами составил 12 трлн долл., тогда как объем финансовых операций, включая производные инструменты, близок к 700 трлн долл.» (с. 180). По миру рыщут триллионы «горячих денег» и их суррогатов в поисках прибыльного применения. Соответственно возрастают и риски воспроизводственного процесса.

Негативное влияние «финансовых сжатий» М. В. Кулаков и Л. П. Чихун демонстрируют на примере финансового кризиса в Мексике (1994—1995 гг.), азиатского кризиса (1997—1998 гг.), российского дефолта

(1998 г.), глобального и системного экономического кризиса 2008—2009 гг. В частности, указывается, что от кризиса 2008—2009 гг. вначале в большей степени пострадали развитые страны, а не развивающиеся. Однако для последних выход из кризиса оказался более трудным, так как политика количественного смягчения в США, Великобритании и Японии переместила значительную часть «горячих денег» и других финансовых ресурсов в страны Третьего мира. В итоге здесь подорожала национальная валюта, сократился экспорт, а затем повысились темпы инфляции (с. 208). Получается, что собственными трудностями развитые страны щедро поделились с младшими партнерами.

Интересные примеры из книги М. В. Кулакова и Л. П. Чихун можно было продолжать и дальше. Так, интерпретируя ход научно-технического прогресса в странах Третьего мира, авторы сосредотачиваются на описании и анализе так называемой «зеленой революции», приводя немало новых данных. М. В. Кулаков и Л. П. Чихун не ограничиваются описанием роли новых сортов пшеницы, кукурузы и риса, дающих возможность собирать повышенные урожаи, причем несколько раз в году. Анализируется также роль «зеленой революции» в решении энергетической проблемы. Указывается, например, что бразильским ученым удалось получить и внедрить новые сорта сахарного тростника, которые отличаются высокой урожайностью, содержанием сахарозы, сопротивляемостью болезням и устойчивостью к полеганию. Бразилия стала эффективным производителем этанола — спиртосодержащего топлива, получаемого из тростникового сахара. Комплексное внедрение передовых технологий в производство и транспортировку этого вида топлива позволило снизить издержки на один литр продукта до 0,2 долл., что в 2—3 раза ниже, чем у конкурентов. В итоге Бразилия осуществляет теперь более половины мирового экспорта этанола (с. 254—255).

В учебнике М. В. Кулакова и Л. П. Чихун отсутствует специальный раздел, посвященный проблемам развития Российской Федерации. Но это не означает, что рецензируемая книга «не про Россию». Напротив, при разборе сколько-нибудь важного аспекта ТЭР авторы обязательно приводят российский материал, с горечью отмечают допущенные ошибки, просчеты, намечают пути выхода из создавшегося положения. Вообще посвященные России страницы и вставки, примеры, касающиеся развития нашего Отечества, являются одними из наиболее содержательных во всем курсе.

Конечно, как всякая актуальная публикация, книга М. В. Кулакова и Л. П. Чихун не может не вызвать критических замечаний. Учебник, на наш взгляд, перегружен аббревиатурами, которые не всегда сопровождаются расшифровкой. Такой прием вполне уместен, когда речь идет, скажем, о ФРГ, но когда в списке развивающихся стран вдруг по-

является аббревиатура ДРК, надо прилагать усилия, чтобы сообразить, что речь идет о Демократической Республике Конго.

Учебник изобилует именами экономистов, внесших вклад в теорию экономического развития. И это, безусловно, хорошо. Но хотелось бы, чтобы имена ведущих ученых сопровождались сведениями о годах их жизни, а если возможно, то и фотографиями. Иначе читателю будет трудно судить, сможет ли он повстречать того или иного корифея на очередной международной конференции по проблемам развития.

Хотелось бы также, чтобы авторы в будущем уделили больше внимания взаимосвязи социально-экономической эволюции стран Третьего мира с их политическими режимами. Многих, в частности, волнует ответ на вопрос: какой политический строй в наибольшей степени благоприятствует социально-экономическому развитию: демократический, авторитарный, диктаторский; какая форма правления больше подходит развивающимся странам и т.д.

Специальный раздел можно было бы посвятить развитию социально-классовой структуры стран Третьего мира, где нашли бы место материалы об изменяющейся роли крупных земельных собственников, национально ориентированной и компрадорской буржуазии, государственной бюрократии, о различных вариантах деятельности гуманитарной и научно-технической интеллигенции, слоев крестьянства, мелких собственников города, рабочего класса, маргинальных элементов.

Ждут своего исследователя теории экономического развития, завоевавшие популярность уже в XXI в., в том числе те, что ставят акцент на внедрении в девелопменталистику новейших достижений экономической географии и культурологии.

Но и в нынешнем виде учебник выглядит как солидный научный труд. Авторы посвятили его своим родителям, и это трогательное посвящение также свидетельствует о том, что перед нами отнюдь не рядовая работа, что сами создатели придают ей немаловажное значение, считают данную публикацию рубежной.

В заключение хочется поздравить М. В. Кулакова и Л. П. Чихун с выходом в свет добротного и нужного учебника, который, несомненно, принесет пользу преподавателям, научным сотрудникам и выпускникам экономического факультета МГУ, всей российской высшей школе, будет тепло встречен научной общественностью.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зяблюк Р. Т.¹,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Титова Н. И.²,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА (ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ)

В статье представлен обзор материалов научного семинара, посвященного обсуждению природы современной экономики и специфике российской экономики. Научный семинар организован Проблемной группой «Воспроизводство и экономический рост» (рук. д.э.н., проф. В. Н. Черковец) совместно с Центром социэкономки кафедры политической экономии (рук. д.э.н. проф. А. В. Бузгалин) и Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета (зав. д.э.н., проф. А. И. Колганов). Центром дискуссии была проблема монополистического капитала; этапы и содержание его эволюции; различия в монополистическом капитале развитых стран, развивающихся стран и России; изменения в процессе глобализации; противоречия монополистического капитала и современного процесса обобществления производства.

Ключевые слова: монополистический капитализм, государственно-монополистический капитализм, поздний капитализм, новый империализм, общий кризис капитализма, периферийный капитализм, полупериферийный капитализм, протоимперия, империалистическая рента, российский капитализм.

FEATURES OF RUSSIAN CAPITALISM (REVIEW OF THE CONFERENCE)

The article presents a review of a scientific seminar discussing the nature of modern economy and the specifics of the Russian economy. Scientific seminar is organized by the Problem group «Reproduction and growth» (headed by prof. V. N. Cherkovets) together with the Centre for socioeconomics, Department of political economy (headed by prof. A. V. Buzgalin), and Laboratory of comparative study of socio-economic

¹ Зяблюк Римма Трофимовна, д.э.н., профессор.

² Титова Нина Ивановна, к.э.н., доцент кафедры политической экономии экономического факультета; e-mail: nititova@mail.ru

systems of Economics Department (headed by prof. A. I. Kolganov). The discussion focused on the nature of modern capitalism in developed countries and peculiarities of Russian capitalism; the problem of monopoly capital; stages and content of its evolution; differences in monopoly capital in developed and developing economies and Russia; the changes in the globalization process; the contradictions of monopoly capital and modern process of production socialization.

Key words: monopoly capitalism, state-monopoly capitalism, late capitalism, the new imperialism, the General crisis of capitalism, peripheral capitalism, the semi-periphery of capitalism, proteinuria, the imperialist rent, of the Russian capitalism.

Открывая работу семинара на тему: «**Является ли современный капитализм монополистическим и каковы особенности российского капитализма**», руководитель проблемной группы проф. д.э.н. **В. Н. Черковец** обратил внимание на актуальность темы. Продолжающийся общий кризис мировой капиталистической системы порождает новые явления, формы и методы хозяйствования, отражающие крупные изменения в технологической и организационной областях производительных сил. Эти изменения могут свидетельствовать о новом этапе в развитии высшей фазы капитализма и новых чертах его общего кризиса, но отнюдь не об изменении характера, сущности, особенностей этой фазы (стадии) как последней ступени существования капиталистической формации. Первая и главная ее особенность, выявленная крупнейшими исследователями уже в начале прошлого века (Гобсон, Гильфердинг, Ленин), — подрыв концентрации производства и капитала механизма свободной конкуренции. Ровно 100 лет назад, в июне 1916 г. Ленин завершил работу над книгой «Империализм как высшая стадия капитализма» (опубликована в марте 1917 г. при Временном правительстве). В ней на основе обобщения большой научной и политической литературы сформулировано известное положение о подрыве вообще товарного производства на данной ступени. Вместе с тем Ленин предложил краткую формулировку ее сущности и главной особенности, принятую в мировой марксистской литературе. Она не выпала из поля зрения и немарксистской теории. Ленин писал: «Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма»¹. Именно из этого вытекают, по Ленину, остальные четыре основных признака империализма. Они дают основание для выявления империалистической природы капитализма — стремления к территориальному переделу мира с целью захвата сырьевых ресурсов и рынков сбыта. В связи

¹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / Полн. собр. соч. Т. 27. — М., 1969. — С. 385.

с этим возникают три вопроса, которые желательно было бы обсудить на нашем семинаре.

1. Сохранил ли капитализм в развитых странах во второй половине XX в. и в начале нынешнего столетия монополистический характер? Если сохранил, то каковы доказательства этого и в чем состоит общая специфика происшедших изменений в его социально-экономическом строе?

2. Выяснение специфических особенностей формирования или отрицания монополистической сущности «развивающихся к рынку» стран, а также реставрируемого капитализма в России.

3. Третий вопрос составляет прикладную часть темы, ориентирующуюся на два аспекта: а) дальнейшее общетеоретическое продолжение системного анализа современного капитализма и его новейших явлений; б) теоретическую разработку оптимальной национальной модели российской экономической системы.

Многообразие форм собственности, смешанность форм хозяйствования крайне затрудняют разработку общего представления о современном капитализме. Однако это не мешает нам обсуждать концептуальный аспект данной проблемы.

Доклад «*Новый империализм как характеристика современного этапа эволюции капитализма*» сделали **А. В. Бузгалин** (д.э.н., профессор, МГУ) и **А. И. Колганов** (д.э.н., профессор, МГУ). В докладе на основе марксистской теории империализма характеризуются основные черты современного этапа эволюции позднего капитализма. Он начинается с подрыва товарного производства и свободной конкуренции, что сформулировал В. И. Ленин. Авторы доклада выделяют несколько *этапов развития позднего капитализма*. *Империализм является первым этапом монополистического капитала*. Это исходная и всеобщая форма позднего капитализма. *Второй этап — социал-реформистская модель позднего капитализма*, период поиска моделей сознательного регулирования экономики в общегосударственных масштабах. *Третий этап* ознаменовал начавшийся с 1980-х гг. «неолиберальный реванш». Это период *неолиберальной формы* позднего капитализма. Особенностью его современной фазы в докладе называется переход от неолиберальной модели к образованию новых протоимперий, т.е. к *новому империализму*.

Признаками нового империализма, по мнению авторов доклада, являются: 1) изменение объекта империалистического воздействия; 2) изменение методов империалистического давления; 3) установление капиталом-империалистом обязательных для всех остальных участников мировых процессов «правил игры» посредством подчиненных ему государственных и международных институтов «центра»; 4) подчинение экономики третьих стран глобальному капиталу (не только вывозом капитала); 5) контроль капиталом-империалистом мировой финансо-

вой системы; 6) присвоение капиталом-империалистом особой «империалистической ренты».

Объектом империалистического воздействия теперь преимущественно является экономика стран периферии и полупериферии, а не аграрный полуфеодальный мир колоний. Колониальная система распалась. Основной вывоз капитала идет в наиболее развитые капиталистические государства. Поток капитала на периферию ограничивается новыми индустриальными странами. *Методы* империалистического давления, используя формально правила свободного рынка и нелиберальную риторику, заключаются в экономическом, политическом, идеологическом манипулировании мировой экономикой. *Капиталист-империалист* (ТНК как типичный пример) — это субъект агрессивного манипулирования, а не просто крупная корпорация. Осуществляющий империалистическую экспансию капитал не только устанавливает свои «правила игры», но и обеспечивает экономическими, политическими, а также военными средствами выполнение этих правил, являясь «мировым полицейским». Глобальный капитал XXI в. подчиняет своему господству экономику третьих стран. Управляя эмиссией и обращением мировых денег, системами международных расчетов и институтов (МВФ, Мировой банк и др.), он контролирует мировую финансовую систему. Используя все названные выше свойства и методы, такой капитал получает способность присваивать «империалистическую» ренту (термин — Самир Амина).

В докладе предложена характеристика субъекта современного империализма — *протоимперии*. Это такое социальное пространство (сверх-страна, как США; группа стран; глобальная сеть крупнейших финансовых капиталов), которое в настоящее время используется глобальными игроками (ТНК и др.) как институциональное оформление для манипулирования и подчинения третьих лиц. Протоимперским может быть национальное государство, используемое базирующимися в нем ТНК как механизм политического и военного подчинения внешних общественно-экономических систем. Последние в данном случае выступают в качестве *периферии* глобального социального пространства, «центром» которого являются протоимперии. В той мере, в какой страна, являющаяся объектом империалистического давления, способна противостоять этому экономическому, политическому и т.п. давлению, она получает статус *полупериферии*. Некоторые из полупериферийных стран, и, в частности, Россия, пытаются использовать аналогичные империалистическим механизмы давления на своих более слабых соседей и/или создавать своего рода «оборонительные союзы». При внешнем сходстве ряда экономических, политических и даже военных механизмов, используемых в этих случаях, с механизмами «нового империализма» природа первых оказывается существенно отлична от соб-

ственно империалистического подчинения. По мнению авторов доклада, *не все внешние воздействия стран «центра», являются импульсами империалистической агрессии*. В некоторых случаях государства «центра» или базирующиеся в них организации могут оказывать прогрессивное воздействие на внешнюю среду. Социальные движения и другие *контргегемонистские, альтерглобалистские силы* этих стран нередко позитивно влияют на мировые процессы. Страны периферии и полупериферии могут использовать антиимпериалистический потенциал внутренней оппозиции стран «центра», работая в диалоге и содружестве с ними.

В. М. Кульков (д.э.н., профессор, МГУ) отметил важность учета соотношения «национальных интересов страны» и «интересов монополистического капитала». Их нельзя отождествлять. Во-первых, потому, что последний часто выступает на мировой арене в транснациональной, космополитической форме, а во-вторых, и в рамках своей страны преследует в значительной степени узкокорыстные цели. По мнению выступавшего, геополитические действия России в последние годы исходили преимущественно из коренных интересов страны, а не из узких интересов российского крупного капитала. Термин «империализм», по мнению В. М. Кулькова, неоднозначен применительно к России. Он не выражается в обезличивании и эксплуатации других народов и стран. *«Имперскость» — особое, уникальное свойство России*, имманентное ее природе. Оно означает высокую степень самодостаточности, целостности национального воспроизводства, способность принимать суверенные решения, ставить объемные позитивные цели, реализовывать масштабные проекты с выходом вовне, вовлекать в этот мощный поток многие народы и страны, сохраняя при этом их самобытность и интересы, обеспечивать подлинную многополярность в мире. Российская «имперскость» в исторической реальности не была идеальной, но чувствительные удары, нанесенные ей в последнее десятилетие прошлого века, поставили под угрозу существование самой страны и деформировали весь миропорядок. Новое прочтение «имперскости» в современных условиях может стать основой выработки стратегического курса развития России и его успешной реализации.

По мнению **Ю. В. Таранухи** (д.э.н., профессор, МГУ), современный капитализм является монополистическим. Главный аргумент заключается в том, что в экономике присутствуют хозяйствующие субъекты, способные оказывать влияние на рыночные условия с целью извлечения монопольных прибылей. Особенность современного этапа заключается в том, что монопольное положение на рынке необязательно связано с размерами фирмы. В настоящее время небольшая фирма, но располагающая эксклюзивными способностями (товар, технология, способ продаж), может занять монопольное положение. Другая особенность состоит в том, что динамика рыночных ситуаций делает монопольное

положение неустойчивым, что создает впечатление об исчезновении монополизма. На самом деле происходит лишь замена одного монополиста другим при сохранении рыночной конкуренции. Выступающий отметил, что приведенные в докладе изменения империализма носят количественный характер при сохранении его качественных признаков. Они те же, что и в начале XX в. Seriously изменилось место работника в производстве. Во многих производствах он не «придаток машины», а контролер и настройщик. Отсюда возникают человеческий капитал и социализация буржуазного общества. Термин «поздний капитализм» можно принять в трактовке авторов доклада как общество, идущее капитализму на смену. Но это длительный период. Пока буржуазное общество обладает огромным потенциалом развития. Является ли империализм последней стадией капитализма — не ясно.

Современное состояние российской экономической системы, по мнению Ю. В. Таранухи, трудно назвать капиталистическим, *поскольку у нее отсутствуют главные признаки капитализма*: 1) реальное разделение ветвей власти, 2) реальная конкуренция, 3) буржуазные свободы. Присутствует реальное сращивание власти и бизнеса. По этой причине оно напоминает скорее феодальное общество, где господствуют отношения вассалитета. Успех в бизнесе обеспечивается не предпринимательством и инновациями, а дружбой с должностными лицами, выгоды извлекаются через статусную ренту. Все это объясняет причины застоя в российской экономике.

А. А. Пороховский (д.э.н., профессор, МГУ) сделал акцент на необходимости четких научных критериев в анализе современного капитализма. В докладе они определены недостаточно четко. Неопределенность понятий труда, денег трактуется здесь в виде новых явлений. В характеристике труда главным остается, отметил А. А. Пороховский, наемный труд — и физический, и умственный. Все творческие работники наемные. Даже самозанятость, численность которой растет. У Ленина признаки империализма, а все они сохранились в современной экономике, получали политическую оценку. К. Маркс отобразил национальную экономику. В глобальном мире все модифицируется. Понятие финансового капитала возникло после Маркса. Сейчас много новых финансовых инструментов. В докладе, отметил выступающий, выпала сервисная экономика. Ее удельный вес в современной экономике возрастает. Наука, здравоохранение способствуют росту производительности труда в реальной экономике.

Р. Т. Зяблюк (д.э.н., профессор, МГУ) отметила позитивность результатов исследования А. В. Бугалиным и А. И. Колгановым современного капитализма. Анализ авторами изменений и новых свойств капитализма на этапе его глобализации развивает некоторые аспекты теории империализма В. И. Ленина. Суждения о новом империализме

и его стадиях будоражат творческую мысль, а это полезный результат. Экономика современных развитых стран, по мнению Р. Т. Зяблук, является *государственно-монополистическим капитализмом*. Государство становится субъектом экономики одновременно с возникновением монополий. Жизнедеятельность ГМК сопровождается постоянными изменениями его свойств и черт. Главное же изменение происходит в *структуре ГМК*. *Возрастают* (хотя и волнообразно) *экономические функции государства* посредством социализации общества, принуждения предпринимателей к инновациям и НИОКР, управления стратегическими направлениями технического прогресса. Тем самым уменьшаются разрушительные последствия рыночной конкуренции. Однако эти изменения происходят в пределах одного и того же качества — отношения наемного труда и капитала с сохранением основных признаков высшей и последней стадии империализма. Новый вид техники и переходные формы экономических отношений в рамках капитализма *создают условия* его смены социализмом.

Российская экономика эволюционирует, по мнению Р. Т. Зяблук, обратно западным странам. В России произошел *насильственный ренессанс капитализма*. Перерывы в развитии нередко случаются в истории. Периоды ренессанса пережили Англия, Франция после буржуазных революций. В России *переход от социализма к капитализму завершился* к середине 90-х гг. Основной объем основных фондов перешел в частную собственность посредством приватизации и галопирующей инфляции. Свободные цены сформировали рыночный механизм. Крупные социалистические предприятия превратились в монополии. Упомянутые выше три признака «отсутствия капитализма» имманентны именно капитализму. Власть — инструмент господства капитала везде в мире. Буржуазная свобода эксплуатации труда и «война друг с другом» процветают в России. «Огромный потенциал» развития экономики развитых стран заключен именно в ограничении капитализма и возрастании централизованных регуляторов, но не наоборот.

Современная экономика России является, считает Р. Т. Зяблук, *государственно-монополистическим капитализмом*. Его основой является развитая индустриальная техника и постиндустриальный сектор, созданные при социализме, хотя и сильно пострадавшие в процессе вхождения в мировой рынок. *Сущность* экономики России и западных стран «семерки» *одна и та же*. *Количественные же различия* весьма *значительные*. Системный кризис экономики России коренится в бесконтрольном присвоении и уводе из страны результатов производства олигархатом, разрушительной межотраслевой конкуренции и слабой экономической деятельности либерального правительства. В западных странах прогресс обеспечивается государственным регулированием инновационного процесса; *стимулированием не конкуренции, а коопера-*

ции, в том числе в форме кластеров, соединяющих образование, науку и промышленность. Для преодоления кризиса в экономике России, заключает Р. Т. Зяблук, необходимо преобразовать экономическую политику в основной инструмент инновационного развития, стимулирования частного сектора на общественные приоритеты, сбалансированного воспроизводства экономики, повышения на этой основе качества жизни народа.

К. А. Хубиев (д.э.н., профессор, МГУ) отметил, что современный капитализм, безусловно, *монополистический капитализм*. Это доказывается доминированием на внутреннем и внешнем рынках национальных и транснациональных корпоративных сетей. Он и *государственно-монополистический*, поскольку сращивание государства и монополий особенно выпукло проявляется во времена кризиса, когда «системообразующие» компании получают поддержку государства, вплоть до прямых бюджетных субсидий. Он еще *глобальный* государственно-монополистический капитализм, поскольку основной функцией национальных государств и их объединений является поддержка компаний в международных экономических отношениях. Современный капитализм приступил к новому этапу экономического передела мира. В обход ВТО создаются глобальные межгосударственные объединения. Развитие подобных тенденций может подорвать ВТО. В глобальном плане это приведет к экономическому переделу мира. Современный капитализм — это *долговая экономика*. Кредиторами теперь стали развивающиеся страны, а должники — развитые страны. За счет долгов и низких налогов развитые страны создали высокий уровень социального обеспечения, который притягивает рабочую силу из развивавшихся стран, способствуя миграционному кризису.

А. А. Ковалев (д.э.н., профессор) подверг критике тезисы доклада о современном капитализме как более высокой ступени монополистического капитализма и трех его стадиях. Весь период — от ленинского до последних дней — занимает *империализм*. Выделение государственного регулирования экономики как особой стадии не имеет оснований. Повышение жизненного уровня и квалификации трудящихся является следствиями технического обновления в послевоенный период. Социализм побуждал капиталистов к реформам. Как только социализм в СССР пал, государства западных стран стали сворачивать свои социальные функции. Страны социал-реформизма были лишь *островками* мировой системы капитализма. Время социал-реформизма было весьма ограниченным. Социал-реформизм не был «конкретно-всеобщим».

Услуги образования, здравоохранения и т.п., отметил выступающий, оказывает *буржуазное* государство, которое *всегда и во всех случаях* остается на службе у капитала комитетом по управлению его делами. «Общепародный интерес» в буржуазном обществе всегда представлен

буржуазным интересом. Социализация означает лишь обобществление в сфере распределения и потребления. По мере освоения информационных технологий она будет усиливаться как менее затратный способ удовлетворения указанных потребностей. Этот слой отношений имеет переходный характер, общий для капитализма и социализма. Нет оснований для социал-реформистской апологии здравоохранения, образования и т.п. как сферах развития личности. Конечно, трудовая деятельность человека содержит элементы творчества. Однако господство корпоративного, государственного капитала подчиняет творческую деятельность своим целям.

При анализе гегемонии глобального капитала в докладе, по мнению А. А. Ковалева, не рассматривается этап революционного, а не социал-реформистского снятия этой стадии. Политика неолиберализма вызвана новым этапом обобществления капитала, результатом которого является интеграция государств. Империалистические страны исключили войны между собой и солидарно начали эксплуатировать Третий мир, образовав систему *неоколониализма*, что знаменует *новую стадию империализма*. Обострение противоречий империалистов с третьими странами привело к подрыву глобализма по-американски, левому повороту в Латинской Америке, быстрому продвижению Китая, системному экономическому кризису. «*Новые ростки*» будущего общества станут таковыми только в результате *устранения буржуазной власти*, а до этого они не играют никакой роли для освобождения труда.

Методология авторов доклада, основанная на абстрактном критерии «отчуждения», включает А. А. Ковалев, позволяет им отвергать социализм в СССР, в Китае, на Кубе и ориентироваться сугубо на западный социал-реформизм. Так называемый «критический марксизм» представляет собой, используя терминологию авторов, *мутантный марксизм* в период застоя в коммунистическом и рабочем движении, который есть не что иное, как социал-реформизм.

В. А. Бирюков (к.э.н., доцент, МГУ) обратил внимание на практическую направленность ленинской теории империализма. Большевики реализовали два вывода этой теории: о возможности победы социалистической революции в одной стране и о возможности строительства социализма в одной стране. Желательно теоретические выводы о современном империализме доводить до практического уровня. В докладе неясно соотношение концепции «критического марксизма» с традиционным марксизмом, в данном случае с ленинской теорией империализма.

Г. Г. Чибриков (д.э.н., профессор, МГУ) напомнил, что попытки определить стадии в развитии капитализма были сделаны в 1902 г. В. Зомбартом, в 1910 г. Р. Гильфердингом, где использовались термины «*новейший*», «*юный*» и «*поздний капитализм*». Первоначально работа

В. И. Ленина вышла под названием «Империализм как новейший этап капитализма. (Популярный очерк)». В дальнейшем она получила название «Империализм как высшая стадия капитализма». Империализм, согласно В. И. Ленину, последняя стадия, канун социалистической революции. Большинство авторов ограничивали развитие капитализма двумя стадиями. В результате НТР и массовых политических движений некоторые его свойства исчезают, но не бесследно. Территориальный раздел мира преодолен. Но нередко развитые капиталистические страны пытаются насильственно переделить мир. Ультранационалисты пытаются создать «Всемирный халифат». Концентрация производства и капитала, олигополии, финансовый капитал, вывоз капитала, экономический раздел мира транснациональными корпорациями сохраняются. Не исчез главный экономический корень империализма — перекапложение капитала.

Информационная революция, считает Г. Г. Чибриков, означала появление *новой стадии капитализма*. Произошла смена финансовых олигархов. Бароны-разбойники XX в. осуществляли масштабные инновации, чтобы подавить конкуренцию. Трансформация индустриального общества в информационное XXI в. обновила эту идею. Экономика на масштабе позволяла баронам-разбойникам поддерживать снижение цен и улучшение качества. Силиконовые султаны действуют так же. Рокфеллер контролировал 80% предложения нефти, сегодня «Гугл» имеет 90% поискового рынка в Европе и 67% в США. Новую стадию в развитии капитализма можно было бы назвать *информационной экономикой*.

Е. В. Красникова (к.э.н., доцент, МГУ) отметила, что современный этап характеризуется *господством корпоративного капитализма*, основным субъектом которого являются ТНК. Общность всех этапов капитализма — развитие индустриальных производительных сил. Монополистический капитализм в интерпретации Ленина завершает историю капитализма, за которым следует социализм. Но ни один из признаков империализма не свидетельствует о его загнивании, паразитизме и умирании. По мнению выступающей, миссия капитализма не была завершена. Ему предстояло вовлечь в свою орбиту все экономическое пространство, включая и социалистическое. Современный капитализм, по мнению выступающей, есть стадия становления иной системы — *«нового индустриального общества»*. Новизна здесь в новом этапе производительных сил, в отношениях индивидуального и ассоциированного в масштабах общества присвоения, в новой социальной структуре общества, субъекты которого сочетают статус наемного работника (таковых в развитых странах около 95%) со статусом собственника. При этом рыночные отношения сохраняются. Не произошло подрыва рыночных отношений государственной собственности. У нее особая

ниша — производство общественных благ. Опыт социализма показал, что превышение ею объективно заданных границ неизбежно ведет к загниванию и умиранию.

А. М. Белянова (к.э.н., с.н.с., МГУ) обосновала актуальность работы В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Спустя сто лет со дня ее создания определение сущности и признаков монополистического капитализма является базовым при исследовании современной экономики. Выводы Ленина основаны на «монблане» теоретических и статистических источников: конспекты, выписки, статистические таблицы составили более 40 печатных листов, вошедших в 28-й том под названием «Тетради по империализму». Это позволяло обосновать, что XX в. — поворотный пункт к империализму как высшей стадии капитализма. Империализм есть развитие капитализма, переходная эпоха к более высокому общественному строю. Сегодня требуются фундаментальные исследования качественно новых явлений в экономическом развитии XXI в. Они должны опираться на *весь предшествующий исследовательский багаж*, включая и наработки нашей кафедры, отраженные в «Курсе политической экономии», в ряде работ по проблемам современного капитализма. А. М. Белянова обратила внимание на публикации Э. П. Плетнева, где определен критерий новых явлений позднего капитализма, их основание и закономерности движения.

В выступлении **Н. И. Титовой** (к.э.н., доцент, МГУ) отмечено снижение частных инвестиций в реальный сектор экономики как особенность современного финансового рынка. Асимметрия информации на финансовых рынках, их волатильность, неопределенность являются причиной портфельного подхода фирм к инвестициям. Фирмы предпочитают вкладывать средства в менее рискованные активы, прежде всего в ценные бумаги. *Инвестиционные проекты, прежде всего крупные*, для того чтобы вывести экономику из кризиса, в современных условиях *должно брать на себя государство*.

А. Е. Лутовинов (к.э.н., м.н.с., МГУ) указал на отсутствие в докладе конкретных данных, усиливающих аргументацию при относительной неопределенности предмета утверждений, скажем, доли монополий в выпуске. Российская специфика представлена недостаточно. Утверждения о транснациональности капитала и его связи с национальным государством противоречат друг другу. Имеет смысл, по мнению выступающего, рассмотреть проблему согласования действий национальных правительств «центра» между собой, где часто они — противники, и проблему «странового» наполнения «центра».

Заключая работу семинара, профессор **В. Н. Черковец** отметил, что авторы вводят понятие для характеристики современного капитализма — «поздний капитализм», который *начинается*, по их мнению, с этапа «монополистического капитализма» (по Ленину — «импери-

ализма»), характеризующегося как подрыв товарного производства и свободной конкуренции. Предлагается такая трактовка соотношения монополистического и позднего капитализма: «Империализм как особая (исходная) форма и исторический этап позднего капитализма» (Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 12). Может сложиться впечатление, что монополистический капитализм здесь уже не интерпретируется как высшая и последняя стадия (фаза) капитализма и его теперь нельзя представлять не только как исходную, но и как *всеобщую форму* «позднего капитализма». Однако чуть раньше мы находим суждение, что признаки империализма по Ленину остаются «генетически-всеобщей определенностью» империализма (там же, с. 10). Если это так, то сущность империализма — не во внешних проявлениях его политики (агрессивность, войны и проч.), а в том, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Но в этом случае не видно, на взгляд В. Н. Черковца, оснований вводить дублирующее понятие «поздний капитализм», если он по своей сущности и есть монополистический капитализм. Это — во-первых. Во-вторых, принципиально важно, если следовать подходу Ленина, подчеркнуть, что речь идет о сущности капитализма, так сказать, «второго порядка», поскольку империализм является лишь «надстройкой» (экономической) над «капитализмом вообще», сущность которого воплощена в отношении капитала и наемного труда. Если обсуждаемые понятия синонимы, то корректней выделять этапы монополистического капитализма и его «поздний», т.е. новейший, современный этап.

Обращает на себя внимание также нечеткость в критериях выделения этапов «позднего капитализма». Выделяются три этапа, но определяются они по-разному. Если в «Вопросах политической экономии» первый этап — это «*империализм как особая исходная форма позднего капитализма*» (с. 12), второй этап — «*социал-реформистская модель...позднего капитализма*» (с. 13), третий этап — «*неолиберальная форма... позднего капитализма*», или «*новый империализм*» (там же), то в «Вестнике...» предлагаются другие формулировки. Для первого этапа характерны ростки «посткапиталистических», «пострыночных» отношений, например, «планирование» (с. 8). Второй этап определяется как «*подрыв роли денег как всеобщего эквивалента и генезис отношений вне(пост)денежного распределения благ*», что вполне относится, по мнению В. Н. Черковца, к феномену первого этапа и не ставится в связь с социал-демократической характеристикой второго этапа в первой статье. Третий этап обозначается «превращением в капитал всех сфер жизни человека и общества»: появляются человеческий, социальный, культурный, природный капиталы. Однако эти превращенные формы, обязанные своими метафорическими названиями неолиберальной идеологии апологетов капитализма, вряд ли целесообразно применять представителям марк-

сизма (хотя и «критического») для обозначения объективных признаков новейшего этапа монополистического капитализма — империализма.

Вместе с тем остается неясным, отметил В. Н. Черковец, почему авторы статей и доклада и большинство выступавших обошли фактически (за исключением одного оратора — профессора Р. Т. Зяблюк) вопросы о государственном капитализме и государственно-монополистическом капитализме как последней стадии капитализма. В. И. Ленин высказал ключевое положение по теме: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой и... социализмом *никаких промежуточных ступеней нет*» (Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 193). Если современная Россия совершила (по мнению В. Н. Черковца, еще не вполне) переход от советской плановой экономики к рыночно-капиталистической, то естествен вопрос о степени ее монополизации, о роли государства как собственника средств производства и как регулятора российской экономики. Этот вопрос еще ждет своего решения.

Остался пока в стороне от участников семинара вопрос об *общем кризисе мировой капиталистической системы хозяйства* и его влиянии на российскую экономику. В политической экономии советского периода общий кризис капитализма рассматривался как особый раздел теории империализма. Во втором и третьем изданиях «Курса политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова он выводился за рамки теории высшей фазы капитализма в виде особой, последней части политэкономии капитализма. В этих изданиях «Общий кризис капитализма» составил вторую часть *всей* политической экономии капитализма, а теория монополистического капитализма «перешла» в первую часть в качестве второго отдела. Тем самым структурно было подчеркнуто, что общий кризис, во-первых, касается не только монополистической «надстройки», но самих основ капиталистической системы: «подрыв» монополиями товарного производства и свободного ценообразования. Во-вторых, подчеркнуто, что главный признак общего кризиса капитализма — раскол мировой экономики, возникновение социалистической системы. Разработка теории общего кризиса капитализма в «Курсе...» сегодня актуализирует эту проблему как с политической, так и с научной точки зрения. Все три уровня современного капитализма — «капитализм вообще (общие основы капиталистического способа производства)», «монополистический капитализм (империализм)», «общий кризис капитализма» — сохраняют когнитивную силу в отображении современного капитализма развитых и «развивающихся к рынку» стран, включая Россию.

Становящийся российский капитализм, отметил В. Н. Черковец, уже *монополистический* и *государственно-монополистический* капитализм

на базе высокой *концентрации производства*, доставшейся в «наследство» от советской экономики. Экономическая функция государства полностью *подчинена* интересам олигархического капитала. Это проявляется, в частности, в отказе от прогрессивной шкалы налогообложения, в нежелании проверки законности приватизационных актов периода 90-х гг., в первоочередной антикризисной «помощи» не реальному сектору, а *финансовому капиталу*, в ограниченном финансировании здравоохранения, образования, науки. Растет *вывоз капитала* с приобретением ценных бумаг или в «офшорные зоны». Участие России ограничено в *экономическом разделе мира* рамками поставщика сырья. Она пытается не отставать от лидеров глобализационного процесса прорывами своих «транснациональных корпораций», таких как «Газпром», «Роснефть», «Лукойл», «Северсталь», «Росатом» и др. Экономический раздел мира отражает неравномерность экономического развития стран, что приводит к *территориальному переделу*. Общий кризис породил новую форму этого признака империализма. Распад колониальной системы вызвал перманентный энергетический кризис, обострил борьбу за контроль над природными ресурсами стран Третьего мира. Этим определяется *актуальность общетеоретической разработки проблемы общего кризиса капитализма и особенностей его проявления в современной России, находящейся в перманентном состоянии трансформационного кризиса, порожденного переходом от социализма к капитализму*.

Авторы предложили в первой статье 63 наименования литературы. Среди них много изданий англоязычных авторов постсоветского периода и проигнорирован за небольшим исключением большой массив советской литературы. Не упоминаются «Курс политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова, 2-томная монография ИМЭМО АН СССР «Политическая экономия современного капитализма», пятый и шестой тома «Всемирной истории экономической мысли», работы Г. Ф. Руденко, М. С. Драгилева и др.

В докладе затрагивается методологический вопрос о включении особенностей монополистического капитализма непосредственно в логику «Капитала» К. Маркса: товар — деньги — капитал. В связи с таким подходом теряются в теории основы «капитализма вообще». Таковой «потери» не удастся избежать и докладчикам, которые приходят к выводу об изменении в позднем капитализме самой *природы* товара, денег и капитала. Иную природу *товара* они видят в «подрыве товарного производства», *денег* — в том, что они перестают быть всеобщим эквивалентом, а *капитала* — в превращении в капитал чуть ли не всех сфер жизни общества. Авторы, однако, не видят, что изменение природы товара означало бы его отрицание как стоимости, создаваемой абстрактным трудом в материальном производстве, денег — как высшей формы меновой стоимости, а капитала — как основного произ-

водственного отношения капитализма. Это означало бы перерождение капитализма в экономику, не основанную на производстве прибавочной стоимости. Но подобное самоотрицание означало бы, что поздний капитализм по факту, оцениваемому по марксистским критериям, — *уже* не капитализм, а некая посткапиталистическая система. Но, может быть, по критериям неомарксизма, «критического марксизма» это еще капитализм? Пока неясно.

Несколько замечаний В. Н. Черковца по выступлениям:

- а) объяснение того, почему В. И. Ленин изменил первоначальное название своей книги «Империализм как новейший этап капитализма» на «Империализм как высшая стадия капитализма». Ответ — в самом ее содержании. Во-первых, слова «новейший этап» не выражают вывод о том, что монополистический капитализм — не очередная, а высшая и последняя, умирающая и загнивающая ступень развития капитализма, которая сменяется социализмом. Во-вторых, слово «этап» менее подходит для характеристики крупных изменений в капитализме, чем «стадия» или «фаза», которые могут проходить разные «этапы» в своей эволюции;
- б) явления перенакопления капитала были известны и в условиях свободной конкуренции, вызывая снижение средней нормы прибыли и экономические кризисы. Чтобы понять стремление капитала к территориальному переделу мира, надо, как полагает В. Н. Черковец, все равно обратиться к исходным «признакам» монополистической стадии, к реальному процессу обобществления производства, к специфике действия закона неравномерности экономического и политического развития капитализма на этой стадии;
- в) вряд ли «информационная революция», «постиндустриальные процессы», «долговая экономика» способны характеризовать сегодня действительную революцию в капиталистическом способе производства в области производительных сил и в сфере экономических отношений, превратившую его в некий «посткапитализм». Современный монополистический капитализм пока еще (по историческим масштабам) находит силы справляться с происходящими изменениями и растущими на их почве противоречиями.

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотацией не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: [Oliver, 1980], [Porter, 1994, p. 45], [Иванов, 2001, с. 20], [Porter, 1994; Иванов, 2001], [Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991]. Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: [Гуриев и др., 2002] или [Bevan et al., 2001]. Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: [Статистика акционерного дела..., 1898, с.20], [Статистические сведения..., 1963], [Устав..., 1992, с. 30].

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым – любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econeditor@econ.msu.ru